

«Побег в Секвойю»

Сара Кроссан

Автор: Сара Кроссан

Оригинальное название: Flucht nach Sequoia

Название на русском: Дыши 2: Побег в Секвойю

Серия: Breathe №2

Перевод:

Ольга Орешкина, Julia85, marusya123, anton_ua

Главный редактор: Татьяна Матина

Переведено специально для группы <https://vk.com/club43447162>

Любое копирование без ссылки на группу ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Когда уровень кислорода упал, государственная лотерея выбирает нескольких счастливиц, которые будут жить внутри купола. Все остальные будут медленно задыхаться. Несколько лет спустя, жизнь внутри купола продолжается. Бедный класс не может себе позволить кислородный налог, который предоставляет дополнительный воздух для бега, танцев и спорта. Богатая элита, напротив, здравствует и процветает. Любой, кто выступает против режима, получает клеймо террориста и изгоняется из купола на верную смерть. Шестнадцатилетняя Алина является частью тайного сопротивления, вынуждена бежать из купола. Кислорода в ее баке только на два дня, перед ней стоит жуткая перспектива смерти от удушья. Ее единственная надежда — найти мифическую рощу, небольшая группа деревьев, которую защищает группа мятежников. Но существует ли она вообще? И если да. То от кого или от чего они защищают деревья?

Мрачный триллер о храбрости и свободе, с прекрасной историей любви в самом сердце книги.

Часть первая. «Путешествие»

АЛИНА

Плыть под парусом к Секвойе — это не детская игра, это совершенно ясно, но никто не думал о ледяном дожде или шторме. Малейшая ошибка, и мы утонем в этой реке.

- Помогите! - кричу я, перенося весь свой вес на пятки и откидываясь назад, чтобы не дать такелажу соскользнуть.

Дождь хлещет отвесной стеной по нам и превращает палубу в ледяной каток. Лодка трещит, и ее борт все время качается. Мой кузен Сайлас, шатаясь, подходит ко мне и ловит трос. Он туго натягивает его, и я крепко завязываю конец, чтобы парус не надувался сильно, и мы не перевернулись.

- Такое в первый раз, - заключаю я. В порыве ветра мой голос почти не слышно.

Сайлас натягивает капюшон на голову. С тех пор, как мы закрепили парус, он не сказал ни слова. Никто из нас не говорил. О чем можно говорить теперь, когда убежище, где находилась то, за что восставшие едва боролись, сожжено дотла.

По крайней мере, шторм не давал нам возможности думать о грустном: о криках, о крови, о танках, о штурмующих солдатах с винтовками, о наших мертвых друзьях, лежащих в пыли. И о деревьях, о нашем настоящем лесе, который погиб на наших глазах. Едкий вкус пены все время склеивает мне горло.

Я следую за Сайлосом в каюту, где находится наша маленькая группа выживших, защищаясь от шторма. Мои ладони горят от холода. Я пытаюсь их тереть, пока не прячу их под подмышки пальто.

- Мы сделали все, как ты сказал, - докладываю я Брюсу.

Кто бы подумал, что я буду радоваться связи с отверженными? Что бы ни заставило его тогда пойти против министерства, теперь это никого не интересует. Без него мы бы никогда не смогли получить лодку, не говоря уже об ориентировании во время непогоды.

- Хорошая работа, - бормочет он и чешет бороду, даже не бросая взгляд в окно, через которое еле видно силуэты зданий.

Лодка угрожающе отклоняется от курса, и штурвал вырывается из узловатых рук Брюса. Мой живот подпрыгивает. Я регулирую вентиль на кислородном баллоне на поясе, до тех пор, пока дополнительный кислород не начинает, шипя, поступать через шланг, и я начинаю глубоко дышать носом. Пока Сайлас и Брюс возвращают штурвал под свой контроль, я сижу тихо рядом с Мод. Старая женщина обмотала вокруг себя одеяло как саван, и видны только ее голова и сухие руки.

- Ты можешь убрать все кислородные баллоны под крышу? - спрашиваю я. Без воздуха мы можем уже сейчас спокойно нырнуть в реку — результат будет одним и тем же.

- Ты что, держишь меня за сумасшедшую? Все уже готово, - она показывает в угол каюты, где аккуратно сложены бутылки. Нас семеро. Осталось еще десять. На сколько дней нам хватит кислорода? На сколько часов?

Из угла раздаются рыдания. Дориан и Зонг. Мятежники, как и я, склонились над Холли, садовницей из Роши. Я не очень хорошо ее знаю, но каждый выживший на счету.

Я хватаю кислородный баллон и, качаясь, иду в их направлении, Холли дрожит так, что слышен стук зубов. Хотя она и жила вместе с Дорианом и Зонг в Роше, и училась обходиться без кислорода, она лихорадочно дышит.

- Она задыхается. Ей нужен один баллон.

Дориан поднимается и проводит рукой по волосам:

- Она определенно не захочет.

Я пытаюсь потрогать ее лоб, но она отбрасывает мою руку и царапает меня ногтями.

- Ей он нужен не меньше, чем другим, - хрипит Мод и приподнимается на локтях.

Держа крепко в руках штурвал, Брюс смотрит на Холли нахмуренным взглядом, и его выражение лица говорит о том, что он видит подобное не впервые. Конечно, нет. После ухудшения люди ворочались, когда содержание кислорода падало и все задыхались, ползая вокруг. Он и Мод уже пережили подобное. Но то, что здесь происходит, очень сложно воспринимается после заката. Это ужаснее чем раньше.

- С ней все будет в порядке, - ворчит Брюс.

Мод сопит, но не комментирует. Она уже не такая бессердечная, какой была.

Холли что-то бормочет.

- Что такое, Холли? - спрашивает Зонг.

Он не прикасается к ней. Вместо этого он прижимает худые загорелые руки к собственному сердцу, словно он разделяет ее чувства. В его глазах стоят слезы и боль. Эти двое вместе? Романтические отношения между мятежниками строго запрещены, но, вероятно, это правило исполнялось менее строго, чем я думала. Сайлас и Инджер тоже были близкими друзьями.

- Воздух, - стонет Холли. Зонг хватает кислородный баллон, но Холли качает головой. - Свежий воздух, - говорит она, как будто есть выбор.

Дориан вздыхает.

- Мы не движемся из-за погоды, - словно подтверждая его слова, лодка качается назад.

- Давай подождем, пока она пройдет, - успокаивает ее Зонг.

Холли смотрит на свои сапоги, на которые прилипла высохшая черная пена.

- Я хочу наружу, чтобы почувствовать воздух, - она прикусывает нижнюю губу и дергает себя за брюки. - После этого мы можем вернуться и помыться, чтобы согреться.

Я завидую Холли и ее выдуманному миру. Я тоже хотела бы сделать небольшой тайм-аут в реальности, чтобы то, на что мы вынуждены смотреть, больше не приносило боль.

- Я возьму ее ненадолго с собой, - говорю я. - Может быть, от этого будет толк.

Холли встает и натягивает капюшон на короткие темные кудри. Нос и уши покраснели от холода.

- Где прячется Петра? - хочет знать она.

Я беру ее ладонь и веду к двери каюты.

- Она еще в убежище, заботится о деревьях, - говорю я.

Не совсем ложь. Вместо того, чтобы спастись вместе с нами, наша предводительница выбрала умереть рядом с деревьями. Петра не смогла поступиться главной задачей своей жизни. И заплатила за это высокую цену.

Я думаю о Джаз, которая тут же бросилась к дереву, только чтобы быть рядом с Петрой - и мое горло будто сдавливает. Джаз была всего лишь ребенком. Она не заслужила смерти. Никто этого не заслужил.

- Алина? - спрашивает Дориан за моей спиной.

- Пару минут, - при этом я облокачиваюсь на дверь против ветра.

Холли и я поворачиваемся спинами к хлещущему дождю и двигаемся в направлении носовой части. Я освобождаю ее руку, и она хватается за поручни, наклоняется вперед и улыбается.

Она подставляет лицо едкой бурлящей пены, чтобы вода стекала вниз по ее шее. Лодка качается на могущественных волнах, мои голые руки держатся за перила, Холли просто отпускает свои. Это была ошибка, прийти сюда.

- Идем, нам нужно вернуться в каюту.

Холли смотрит в расплывчатую даль, ее нижняя губа дрожит.

- Я знала, что мы потеряем в войне, - говорит она. Бушующий ветер и волны звучат как шепот.

Я не пытаюсь убедить ее, что мы ничего не потеряли, так как это было бы ложью. Теперь мы ничем не лучше извергнутых. Беглецы на пути к Секвойе в надежде найти кров. Ничего не осталось от нашей жизни, и я сомневаюсь, достаточно ли будет этого. Как будто прочитав мои мысли, Холли поднимается до нижней поперечного поручня и поднимается на другую сторону, пока не встает в полный рост на носовой части. Я быстро хватаю ее.

- Холли, ты что делаешь? Спускай свою задницу назад.

Лодка наклоняется вперед, и девушка начинает всхлипывать.

- Отпусти меня.

Теперь мои ноги поскальзываются.

- Помогите! - кричу я.

За несколько секунд все собираются вокруг нас, и с помощью Зонг я перетаскиваю Холли через перила назад. Едва она оказывается на полу, как он встряхивает ее.

- Что за фигня? Как ты додумалась до такого? - он опускает голову на живот Холли и начинает плакать. Холли гладит густые локоны Зонга и пристально смотрит в облака.

- Мы отнесем ее внутрь, - говорит Дориан и пронзает меня взглядом.

- Как я могла предвидеть, что она задумала? - говорю я.

Дориан качает головой и берет Холли под руки.

Хотя дождь все еще стучит по палубе, шторм успокаивается, и паруса слегка опускаются. Дориан, Холли и Зонг сидят в углу. Брюс и Мод шепчутся и гладят морщинистые руки друг друга. Сайлас стоит за штурвалом. Я иду к нему наверх и смотрю через открытое окно каюты. Руины вдоль берега, заброшенные десятилетия назад, рассыпаются уже на камни.

- Ты позволила бы ей просто прыгнуть вниз?

- Ты серьезно? - я тяжело сглатываю. - Это настолько невероятно, что мы выживем?

- Дориан утверждает, что знает, где находится Секвойя, но когда я подсунил ему под нос карту, его указания были довольно туманны. Насколько я могу судить, радиус поисков около пятнадцати километров.

- Мы найдем дорогу. Мы уже через многое прошли, Сайлас.

- Я не уверен в этом. На сколько еще хватит нашего кислорода, твои оценки? - я кошусь вниз на Мод и Брюса, которые тяжело дышат в кислородные маски. Мод смотрит вверх и посылает мне абсолютно незаслуженный темный взгляд. После всего, что мы прошли вместе, мы все еще холодны друг с другом.

- Хватит еще на пару дней, - говорю я.

- Хочется верить, - говорит Сайлас, направив взгляд на палящее солнце.

- Есть предложение получше? - спрашиваю я. Не потому, что у меня настроение поругаться, а потому, что я надеюсь на его острый ум.

Он качает головой.

- Если мы не хотим жить как Извергнутые, нам остается только добраться до Секвойи. Если у нас получится, то сможем и дальше выращивать наши растения и сможем связаться с папой и мамой в Куполе, - он замолкает и смотрит на меня. Его веки очень красные, я не могу теперь точно сказать, от чего они такие: от пены или от усталости.

Я беру Сайласа за руку.

- С Хэрриет и Гидеоном определенно все в порядке, - говорю я. Даже если в Куполе гражданская война, мои тетя и дядя слишком хитры, чтобы позволить просто себя поймать и убить.

Сильный порыв ветра швыряет лодку на береговой откос, и Сайлас резко выворачивает налево. Я теряю равновесие и оказываюсь на полу лицом вниз. Жесткий, металлический вкус наполняет мой рот.

- Извини, - говорит Сайлас. - Все в порядке?

- Все хорошо, - я поднимаю маску и вытираю кровь рукавом. В такие моменты не горюют, если разбивают губу.

Мод вскакивает.

- Стоп!!!

Я хочу свистнуть старухе - она что не видит, что Сайлас из кожи вон лезет, чтобы удержать лодку? Но затем я поворачиваюсь и вижу, что Холли пытается сбежать через дверь. Я бегу следом за ней.

- Холли, нет!

Она уже в носовой части, рядом с поручнями. Когда я настигаю ее, она уже добралась до ограждения и идет, покачиваясь, из стороны в сторону. И она улыбается. Слова Сайласа снова звучат у меня в голове: "Ты должна дать ей спрыгнуть, ей нужно уйти". Но я не делаю этого. Она не в себе.

- Утром все будет по-другому, Холли, - я хватаю ее за руку.

- Утром ничего не изменится, - она слегка оборачивается и отвечает на мой взгляд.

- Мы должны надеяться, - говорю я.

Холли грустно улыбается.

- Мои запасы надежды иссякли, - говорит она и отпускает пальцы.

Я наклоняюсь вперед, цепляюсь за ее руку, но она такая тяжелая, что я не могу долго ее держать. Большая волна поднимается высоко под килем и полностью окатывает ее водой. Все же взгляд, который она бросает на меня снизу, не может быть принят. Мои пальцы горят.

- Ты делаешь мне больно, - говорит она.

И тогда происходит это: ее мокрая рука выскальзывает из моей хватки.

Холли падает в воду и исчезает. И это могу видеть только я. Тяжелые шаги громяхают по палубе.

- Холли! - шумит Зонг. Он перегибается через поручни и осматривает волны, которые ударяются о карму. Но Холли больше нет. Я отворачиваюсь.

Все поднялись на палубу и смотрят на меня, все, включая Брюса.

- Я не могла больше ее держать, - говорю я.

- Холли? - шепчет Зонг.

Дориан обнимает его одной рукой и оттаскивает от перил.

- Мы пришвартуемся на ночь, - объявляет Сайлас. - А теперь внутрь, но все вместе.

Молча, мы идем друг за другом в каюту. Я опускаюсь на пол. Один из коричневых сапог Холли все еще лежит рядом с кислородным баллоном с развязанными, изношенными шнурками.

Но в этот раз я не виню себя. Я просто не могла больше ее держать. Она осознано шла на смерть. Я закрываю глаза и прижимаю подушечки пальцев к векам.

Я больше не чувствую холода. Ничего больше не чувствую.

- Бедная девочка проиграла борьбу, - говорит Брюс, ни к кому не обращаясь.

А я только могу спрашивать себя: за что вообще мы боремся?

БЕА

Иногда мне хотелось верить в Бога, как люди до ухудшения. Уверенность. Быть частью большого плана и считать, что все-таки есть утешение. Но даже если сейчас мои родители в лучшем мире, Бог также не смог бы повернуть часы в обратную сторону. А именно этого я хотела. Возможности обнять своих родителей, вдохнуть их запах.

Я считала тоску по Квинну чем-то вроде брака во мне. Теперь это съедает меня изнутри.

Квинн, Джаз и я идем по старой погребенной под снежной слякотью железнодорожной трассе, которая ведет в центр города. Оттуда мы хотим пойти вдоль реки на запад. У меня есть старая географическая карта, которую Гидеон дал незадолго до бегства из Купола. И Джаз указала на место, где, как она думает, находится Секвойя. Нам приходится верить ей, так как у нас нет другого выбора.

Квинн кладет руку мне на плечо и обнимает меня.

- Наверное, нам нужно сделать паузу, - говорит он.

Должно быть, он услышал мое тяжелое дыхание под маской, но здесь нет никакого удобного места для привала. Температура опускается также быстро, как солнце, - сейчас самое время найти убежище, но близлежащее здание под огромным количеством граффити выглядит так, будто вот-вот упадет. Я качаю головой, и парень, не спрашивая, поворачивает вентиль на моем баллоне, чтобы повисить поток кислорода.

Он открыт на полную. Сколько нам нужно времени, чтобы добраться до Секвойи? Едва Квинн поворачивается ко мне спиной, я убавляю на пятнадцать процентов.

- Туннель, - говорит Джаз и показывает на ведущий вниз туннель в паре сотен метров впереди. Она подпрыгивает, снежная слякоть брызгает во всех направлениях.

- Только осторожней! - кричу я ей вслед. Вытаскиваю карту из кармана пальто и разворачиваю ее уже в сотый раз. - За туннелем должен быть вокзал. Святого Панкраса, - объясняю я Квинну. Он использует момент для объятий. Невольно я становлюсь очень напряженной.

Он делает шаг назад.

- Все хорошо?

- Я так хотела, чтобы мы нашли больше выживших, - уклоняюсь я. Я не хочу волновать его, и он не смог бы развеять мои страхи, что бы он не сделал.

- Мы справимся, - говорит он. Я киваю, натягиваю шапку пониже на лоб и сухо улыбаюсь.

- Заканчивайте там шушукаться и дуйте сюда, - кричит Джаз, уже далеко впереди от нас. Она тянется к дыхательной маске под подбородком. Она нужна ей время от времени, так как она выросла в роще и провела там всю свою жизнь, приучив свое тело к низкому содержанию

кислорода. Как волчок, она кружится вокруг и тянет открытый рот к небу. Ее красные кудри на фоне заснеженного заднего плана пылают, как огонь. Едва ли она понимает, что мы вытащили ее, единственную выжившую, из горы мусора и обломков, которые когда-то были ее домом.

Квинн берет меня за руку и заставляет посмотреть ему в лицо.

- Мы вытащили ее живой и нашли друг друга, несмотря на то, что это было невозможно.

- Я просто хотела бы только... - я думаю о безжизненных телах моих родителей, в луже крови на сцене, когда начался погром. Я была всем, что у них было. Они трудились каждый день, чтобы заплатить налог за кислород, чтобы я могла дышать. Славу Богу, у меня есть Квинн.. но все же я хотела бы, чтобы родители тоже были рядом.

- Как ты думаешь, Мод тоже выжила? - спрашиваю я.

- Старая сумасшедшая? Ну конечно. Джаз же говорила, не так ли?

Я как раз хочу возразить, что Джаз не может точно сказать, кто точно выжил, а кто нет, когда раздается резкий крик, а затем удар.

Мы оборачиваемся.

- Джаз?

Она исчезла.

Квинн срывается с места, я за ним, хотя и отстаю от него. Затем он останавливается, удивленно осматривается и ругает Джаз.

- Она была здесь, именно здесь, - говорит он, когда я догоняю его.

Тишина.

Зигзагом мы обходим шины и снова останавливаемся только перед остатками колючего проволочного забора со старыми пластиковыми ошметками за старым дорожным вагоном. В сумерках мы осторожно приближаемся к туннелю, зовем Джаз. После всего ужаса, случившегося за последнее время, мы должны думать о наихудшем.

Я снимаю один красный волос с пальто и позволяю ему парить в воздухе по направлению к земле.

- Нам надо разделиться. Тогда мы быстрее найдем ее.

- Чтобы мы снова потерялись? Забудь об этом, - он берет меня за руку, и мы всматриваемся в туннель, но не заходим. Свет в конце кажется серым полукругом.

- У тебя есть фонарь? - шепчу я, чтобы не вызывать эхо.

- У меня ничего нет, - вздыхает он и касается своих волос моей перчаткой.

- У тебя есть я. И вместе мы снова найдем Джаз, - я смотрю еще раз в туннель. - Но она ни в коем случае не внутри. Она не была настолько впереди нас. Давай вернемся.

Он держит один палец у уха.

- Что это было? - спрашивает он.

Несмотря на то, что я молчу, я ничего не слышу, кроме собственного дыхания и слабых бульканий дыхательных приборов. Квинн поворачивает назад и бежит вдоль шин.

- Будь осторожней, - я бегу следом за ним.

Квинн останавливается и широко расставляет руки, чтобы не упасть. Когда я подхожу к нему, вижу, куда он почти что упал. Дыра.

Канализационная шахта, наполовину накрытая металлическим диском. Квинн хватается за одну сторону, я за другую. Мы уравниваем его, убирая крышку в сторону, а затем отпихиваем ее, и позволяем ей упасть на землю. Внизу мы видим Джаз.

- Сколько еще мне нужно орать? - стонет девушка.

- Мы не могли тебя услышать. Но теперь мы здесь, - успокаиваю я ее и свешиваю ноги в шахту.

- Это, должно быть, шутка? - Квинн тянет меня назад.

- Туда можно прыгнуть, - настаиваю я.

Он только сопит. Я встряхиваю его и мне немного стыдно за свой ледяной взгляд. Он просто не хочет, чтобы что-нибудь произошло со мной.

- Прыгну я, - заявляет он.

Он садится на край и осторожно спускается вниз, чтобы не приземлиться на Джаз. Затем он одевает ей маску, чтобы было легче дышать. - Я подниму ее, а ты вытащишь.

Ободранное лицо Джаз появляется наверху. Я опускаюсь на снег, беру ее подмышки и откидываюсь назад, чтобы поднять ее всем своим весом. При этом она непрерывно жалобно стонет.

- Теперь меня, - кричит Квинн.

Я глажу Джаз по лбу, кладу ее на замерзшую землю и склоняюсь над дырой. Квинн тянет руки мне навстречу. Но как бы я ни пыталась, он намного тяжелее Джаз. Мне не поднять его.

Вены на моих висках начинают стучать.

- Я не могу, - я опускаюсь рядом с дырой. Как я ненавижу такие признания. - Нам надо что-то найти, на что ты мог бы встать, - может быть, я и слаба, но не глупа.

Я спешу к обломкам поезда справа от меня. Когда я забираюсь внутрь, пол оседает подо мной. Я хватаюсь за ржавый огнетушитель на стене и ползу дальше внутрь. Большинство сидений уже вырваны или разорваны. Только два сиденья целы. Я закрываю глаза, но никаких шансов: я вижу побледневшие кости, сверху кости маленького, внизу более крупного человека. И рядом на земле лежат два черепа, большой и маленький. И нож.

Вероятно, они покончили жизнь самоубийством. Перерезали шею, большего и не надо. Из уроков истории я знаю, что людям было очень тяжело во время ухудшения из-за нехватки кислорода и продуктов. Но кем они были? Ребенок с матерью или отцом? Никто никогда не узнает. Две жизни просто так исчезли из истории, не оставив после себя ничего, как и многие после них.

Квинн зовет меня. Сконцентрируйся, Беа!

Я хватаю расшатанное, разрушенное кресло и вытаскиваю его из поезда.

Я тащу его в шахту, куда оно падает с глухим звуком. Квинн отходит в сторону и использует его как подножку. Со второй попытки его подбородок и локоть появляется над краем, и наконец, он выкарабкивается наружу. Тяжело дыша, он опускается на землю.

- Спасибо, - говорит он, и я улыбаюсь.

Но рядом с нами хныканье Джаз перешло в рыдание. Ее вельветовые штаны были порваны под коленом.

- Тебе нужно быть тише, Джаз, - сказала я.

Мы не имеем ни малейшего представления, кто или что прячется там в темноте. Возможно, что все вокруг кишит Извергнутыми. Вероятно, и армия тоже ищет меня.

Я убираю брюки Джаз в сторону и поспешно отворачиваюсь, чтобы сохранить содержимое желудка. Это не просто кровь, а глубокий, неровный разрез, во всю голень. Даже кусок кости выглядывает наружу.

Внезапно Квинн встает рядом со мной и в ужасе пристально смотрит на рану. Я развязываю мою шаль и крепко перевязываю ее вокруг ноги Джаз. Она кусает кулак.

- Это больно... так ужасно больно.

- Что нам теперь делать? - спрашиваю я.

- Мы отнесем ее на вокзал и тогда... - остальное остается висеть в воздухе.

- Ты сможешь нести ее?

- Мне придется.

- Не останавливайся, даже если она закричит, - говорю я.

- Я не закричу, - пообещала Джаз со слезами. Но она кричит. И кричит, и кричит, и кричит, и кричит...

Пока мы тащим Джаз по совершенно черному туннелю на вокзал, она находится без сознания. Я сама еле держусь на ногах. При таком потреблении нам точно не хватит кислорода до Секвойи.

Мы кладем Джаз под мраморными часами и опускаемся рядом с ней. Она не двигается. Я просовываю руку под ее куртку и успокаиваюсь, когда чувствую биение ее сердца.

- Это плохо, - говорит Квинн.

Я не могу произнести ни слова из-за одышки и начинаю медленно дышать. С вокзала открывается вид на стеклянный купол. Ночное небо усеяно звездами. Удивительно, как красиво это выглядит.

Квинн наклоняется ко мне.

- Мы справимся, слышишь? - говорит он, пытаясь поднять мне настроение.

Что ждет нас впереди? Нога Джаз будет гноиться. И что тогда? Оставим ее здесь и продолжим свой путь?

- Сначала умрет она, а потом умрем и мы, - говорю я.

Он встряхивает меня:

- Что за чепуху ты говоришь?

Я отталкиваю его:

- Если это ускользнуло от тебя, Квинн, мы все умираем.

- Мы живы, - он убирает сначала свою, затем мою маску в сторону, чтобы быстро поцеловать меня в губы. Несколько недель назад я не желала ничего, кроме как знать, что Квинн любит меня. Наш первый поцелуй был как волшебный эликсир, но сегодня его губы совершенно обычные. - Ты должна быть сильной, - призывает он и снова надевает маску.

И он прав. Мама и папа не хотели бы, чтобы мы сдались. Они хотели бы, чтобы я боролся, так же, как они поступили в конце своей жизни. Даже если в конце мы погибнем.

ОСКАР

Уже два дня я заперт в своем собственном доме, и мое терпение практически лопнуло. После нашего возвращения с поля битвы, Джад Каффри просто засунул меня в машину с вооруженными солдатами и отправил домой, вместо того, чтобы позволить мне участвовать в умирении восстания. Он думал только о моей безопасности, но от чего он хочет защитить меня, он не сказал. И я очень сомневаюсь, что любой из этих охранников смог бы лучше отразить атаку, чем я.

Если бы не моя сестра, я бы уже давно сбежал. Но я не хочу оставлять ее одну. Когда я вернулся, Ниам была по другую сторону Добра и Зла. Она и этот Тодд Соудзо были как раз в комнате, когда солдаты, маршируя, вошли. Заломив им руки за спину, их отвели в подвал и заставили там ждать, пока я не вернулся. Едва я появился в дверях, на меня набросились с вопросами: Где я находился? Что случилось? Когда нас выпустят на свободу?

Но я не мог ей рассказать. Уничтожение Роши было засекречено. И даже если бы я мог ей ответить, то не хотел бы этого. Вместо этого я сразу прошел в свою комнату, сорвал с себя форму и грязные сапоги, кинув их в углу у стены. Это называлось борьба против террористов. И это была самой большой фигой, которую я когда-либо слышал.

Ни мой, ни Ниам iPad не подавали с тех пор признаков жизни. Ничего, кроме пустого монитора. Время от времени на улице слышны выстрелы или голос, говорящий через мегафон. И, как ни странно, никто не знает, где находится мой отец. Не то, чтобы я был его большим поклонником, но постепенно это становится странным.

- Вы женаты? - спрашивает Ниам нашего телохранителя, который как раз охраняет нас от опасностей на кухне. Она наматывает на палец локон волос, пока кончик не становится совершенно синим. Тодд находится на стадии погружения.

- Побереги себя, Ниам, - говорю я. Типу, наверное, около сорока, и он привлек внимание Ниам только из-за чистой скуки.

- Это называется вежливая беседа, Оскар. Тебе стоит попробовать однажды, - она влезает на стул у стойки и прислоняется к мраморному бару, подпирая лицо руками.

Я иду к окну. Охранники вокруг дома выглядят как живой забор перед совершенно пустой улицей.

- Как долго это будет еще длиться? - спрашиваю я.

- Пожалуйста, отойдите от окна, - напоминает солдат. Он меньше меня, маленькая коноплинка. Но я повинуюсь и достаю коробку с соком и несколько ягод из холодильника.

- Хотите тоже чего-нибудь? - обычно о гостях заботилась экономка Вендай, но сейчас она была выслана в соседнее здание, и Ниам и я впервые в жизни должны были сами заботиться о себе.

- Нет, - коротко отказывается солдат и резко вытягивает голову в сторону прихожей. - Ждите здесь, - шепчет он двадцатый раз за день. Затем он выскользнул из кухни и исчез из поля зрения. Я наливаю себе стакан сока.

- Он очень груб. Я надеюсь, папа покончит с ним, - говорит Ниам и надолго умолкает. - Как ты думаешь, с папой все в порядке? - она протягивает руку, чтобы полюбоваться своими блестящими ногтями.

- Он сможет постоять за себя, - возражаю я. Кто захотел бы связываться с моим отцом? Но уже странно то, что он не дает о себе знать, хотя мы закрыты здесь.

Ниам достает iPad из кухонного ящика.

- Почему он не работает? - она стучит по мраморной плите. - Проклятье.

Охранник снова вернулся в кухню, за ним Джад Каффри, который снимает маску для

дыхания, отцепляет крепление на ремне и бросает все на пол. Солдат быстро отворачивается и показывает нам спину.

- Оскар. Ниам. - Джад приветствует нас. На нем одета все еще та же самая одежда, что и в прошлый раз, а его лодыжки изранены. И он уже давно не держал в руках бритву.

- Что вам нужно здесь? - интересуется Ниам.

- Сядь, - стучу я по стулу.

Когда он проходит дальше в кухню, я замечаю Тодда за ним. Он бездельничает в дверном проеме, тербя футболку в руках. Верхняя часть туловища не прикрыта, такое чувство, что он только что боролся.

- Все закончилось? - спрашивает он.

- Купол полностью накачан галогенным газом, - говорит Джад и садится на табурет.

Он говорит только со мной, как будто Тодда вообще не существует. Тодд выглядит смущенным и нерешительно заходит в кухню. Он ждет слов приветствия. Или, по крайней мере, жеста, что его заметили.

- И что это значит? - спрашиваю я.

- Если ты выйдешь на улицу без кислородного баллона, ты упадешь, - говорит Джад серьезно. Мой вопрос не заключался в этом, и я не сумасшедший, не так ли. А он как раз точно.

Мой рот полностью пересох.

- Джад, это попытка государственного переворота? - пытаюсь выяснить я. - Где мой отец?

- Ты не видел в новостях пресс-конференцию?

- На наших экранах приостановлено вещание, - шипит Ниам. Только то, что Ниам - дочь Кайна Кнавери, позволяет ей говорить с полководцем нашего Купола таким тоном.

Он только поднял бровь.

- Проходи, - приказывает он Тодду, который наконец смог разобраться, как надевать футболку.

- Тогда принесите же мне один кислородный баллон из подвала, - говорит Тодд. Никто не реагирует, даже Ниам.

Джад закрывает глаза и трет веки.

- Ниам, иди и помоги своему другу.

- Что? - ее челюсть упала вниз, и ей понадобилось несколько мгновений, чтобы отключить обиду. - Вы гость в моем доме.

- Пожалуйста, Ниам. Дай мне поговорить с Джадом, - я наклоняю голову в сторону, и она выходит из помещения. Тодд вслед за ней.

Джад встает, засовывает руки в карманы и начинает ходить кругами в своих военных ботинках. Светлый мраморный пол уже полностью грязный от почвы, которую нам натаскали в дом.

- Ваша безопасность является главным приоритетом. Завтра мы расставим снайперов на вашей крыше, и я настоятельно рекомендую вам оставаться дома, - говорит Джад. Несмотря на его большой рост и широкие плечи он выглядит усталым и удивительно подавленным.

- Ты действительно думаешь, что мне нужна нянька?

- Я не подвергаю сомнению, что ты можешь постоять за тебя. Чистая мера

предосторожности, ничего больше.

С четырнадцати лет мои тренировки находятся под наблюдением Джада и он знает, что я могу вырубить нападающего двумя пальцами. И уже сделал это, всего пару дней назад.

Джад подходит к мойке, включает кран и подставляет шею под струю воды. Он поднимается, покачивая головой, позволяя воде стекать под воротник.

Мокрыми руками он убирает редкие волосы с лица и убирает руки за спину. Он тянет время, замечаю я, и мой живот начинает урчать. Что он хочет узнать?

- Ад в Куполе закончился. Восстание подавлено, как ты знаешь, - объясняет он.

- По видимым причинам, - возражаю я ему. У меня не было до этого мотивов подвергать сомнению правоту министерство, но теперь я видел их, деревья в роще, и ее разрушили по команде Джада.

Он, кажется, хочет чему-нибудь возразить, но, тем не менее, сдерживается. Я делаю неглубокий вздох.

- Где мой отец?

Он потирает переносицу и его нервозность просто очевидна, я откидываюсь назад к стене.

- Твой отец мертв, Оскар, - говорит он.

От этих слов я весь сжимаюсь.

- Что? - не то, чтобы я не понял, мне просто нужно было время, чтобы все переработать.

- Мне очень жаль, - говорит он.

- Уже ясно, - я стараюсь сидеть прямо, не так как, когда Венди сказала, что моей мамы больше нет. Тогда я лежал на земле и жалобно стонал. Сегодня я держу себя и мое самообладание в руках.

Но, проклятье, я хочу пить. Мой рот пересох. Я возвращаюсь к холодильнику, вынимаю графин и начинаю лить сок прямо из него мне в рот и на рубашку. Джад забирает у меня графин. На его куртке отсутствует кнопка. На этом месте торчит только кончик нитки. Я полностью концентрируюсь на этом. Я должен концентрироваться на чем-нибудь. Наверное, он потерял кнопку в Роще.

- Ты в шоке. Присядь, - приказал он.

Можно понять. И если я реагирую так, то можно понять, как отреагирует Ниам?

Она даже ничего не подозревает, и я именно тот, кто должен будет рассказать ей об этом. Кажется, что воздух стал более разряженным. Я дергаю за воротник.

Джад подводит меня к обеденному столу и усаживает на стул.

- Дыши медленно, - говорит он. Я отталкиваю его в сторону. Я не хочу, чтобы эти руки прикасались ко мне.

- Я понимал, что что-то подобное произойдет, - я делаю глубокий вздох, слово "мертвый" теперь навсегда засел у меня в голове. Нет, я не был любимцем отца или другом, но здесь речь не об этом.

- Во время конференции Квинна... там на твоего отца налетели и атаковали, но умер он от инфаркта. Он умер до приезда скорой.

- Что я должен теперь делать? - спрашиваю я. Он срочно должен дать мне совет, как должна продвигаться дальше моя жизнь, что должно произойти дальше.

Но Джад - военный, он верит, что речь идет о поимке преступников.

- Ну да, как ты знаешь, мы наступаем мятежникам на пятки, как в Куполе, так и вне него. Мы практически загнали их в угол. Ты можешь помочь мне.

-Я ? Нет.. со спецоперациями я покончил.

Он прищуривает глаза.

- Мы поговорим об этом лучше завтра.

- Утром у меня тоже не будет особого желания обсуждать это. Я выхожу. Эти люди не были никакими террористами. Они выращивали деревья, Джад. И большинству было столько же лет, сколько и мне, - я пытаюсь вытеснить мысли обо всех этих людях, которых мы убили, но они появляются снова, жестоко и непреклонно: лица мальчиков и девочек, только несколько в бронежилетах, ни у кого нет автоматов. Обычные винтовки. Пистолеты. Это была не война, это была бойня.

- Эти люди виноваты в смерти твоего отца.

Он знает, что я присоединился к ним только для того, чтобы угодить моему отцу. Но теперь, как ни странно, после его смерти мне становится все равно даже, если он перевернется в гробу. Мне нет совершенно никакого дела до того, что происходит в министерстве и в моей жизни.

- Нет. В восстании виновато только вранье военных, и потому я ничего не хочу иметь с ними общего.

- У тебя не остается другого выбора. Ты хотя бы понимаешь, сколько стоило твое обучение?

- Я отдам деньги, все равно сколько. У нас есть деньги.

Джад вздыхает.

- Ни у кого из нас нет денег, Оскар. Этот дом, этот автомобиль, твоя домработница, проклятье, даже твой воздух... кто все это оплачивает, по-твоему?

- Но мой отец работал на Бриз. Ему полагается пансион.

- Может быть, - говорит он. - Но солдат специального назначения просто так не пройдет туда. Ты - опасен для министерства. Они непустят тебя. Кто даст гарантию, что ты не дезертируешь?

- Но ты можешь мне с этим помочь?

Он улыбнулся.

- Если бы это было так просто. Я тоже их раб, как и все остальные.

- Я просто откажусь воевать, - говорю я. Они не могут меня заставить.

- Лучше не пытайся. Что ты думаешь, они с тобой сделают? И с твоей сестрой? Уже забыл, что случилось с Адель Райс?

- Она умерла, потому что... - я замираю и пристально смотрю на Джада, он медленно кивает.

Об этом говорилось везде: Адель Райс. Солдат-женщина элитного подразделения после экспедиции в пустыню внезапно быстро объявляют умершей. Министерство перекладывает вину на террористов. Было даже террористическое нападение. Но было ли оно на самом деле?

Мой живот сжимается. Горечь, которую вызывают во мне, мой отец, министерство и Джад Каффри. Я тяжело глотаю и испытываю огромное желание сбежать в свою галерею и перепачкаться краской. Почему я просто не оставался там все эти годы, чтобы делать там то, что я люблю вместо того, чтобы исполнять мечту моего отца, который хотел сына-солдата.

- Министры пригласили тебя и твою сестру на следующей неделе. Они хотят высказать вам

свои соболезнавания, - он встает, натягивает пальто и поднимает с пола аппарат для дыхания.

- Совсем по правилам протокола! - продолжает он невыразительно. - И еще раз мне очень жаль, я могу тебе только посоветовать, если хочешь быть в безопасности, быть полезным. Специальное подразделение пользуется высоким уважением, и мы будем в вас нуждаться, чтобы подчистить в Куполе. Я бы на твоём месте не отказывался, - в одно мгновение он поворачивается к двери, когда Тодд и Ниама снова появляются в кухне. Шея Тодда и его белая рубашка испачканы в красную помаду Ниама. Мне приходится ухватиться за край стола, чтобы не вскочить и не врезаться ему.

- Это я возьму с собой, - Тодд поднимает кислородный баллон. Ниама заходит на кухню и садится на стул рядом со мной. - Тогда, Ниама, увидимся в школе?

Ниама покусывает ноготь на большом пальце.

- Конечно.

- Мне стоит подождать, пока ты позвонишь, или я...

- Просто прости, - говорю я.

- Э?

- Проваливай, - шиплю я.

- Почему ты так себя ведешь? - визжит Ниама.

- Уже ушел, - пробормотал Тодд и исчез в двери.

- Я расскажу об этом отцу, - дует Ниама.

Мы оба уже достаточно взрослые, но если я смотрю на нее, всегда вижу только маленькую сестренку, как и десять лет назад: шестилетняя в желтой вязанной одежде, которой сказали, что ее мама умерла, и которая неделями прижималась ко мне. Она бы прижималась к отцу, если бы каждый день не проводил с бутылкой дома или в министерстве. После этого он никогда больше не был прежним. Он жил только ради его работы.

Я снова сажусь и смотрю на Ниама, она пронзала меня взглядом. Почему именно сейчас я должен сообщить ей, что отец никогда не вернется домой? Почему я должен стать тем, кто разрушит ее мир?

- Скажи мне, что случилось? - требует она.

Джад серьезно смотрит на меня.

- Я лучше оставлю вас вдвоем поговорить, - говорит он.

Ниама хмурит лоб.

- О чем?

КВИНН

Пока Беа и Джаз отдыхают, я прочесываю вокзал в поисках извергнутых, поднимаюсь по эскалатору на верхнюю платформу, слегка затопленный стеклянный зал. Из-за ярко-синего неба можно было подумать, что на улице летнее утро.

В конце зала, где свет самый яркий, громоздятся аппараты для дыхания на солнечных батареях. Проклятье, даже извергнутые искали здесь защиту.

Я склоняюсь над одним из дыхательных приборов, он похож на мини-холодильник, и

включаю его. Слегка покашливая, он начинает работать и затем ровно жужжит. Я тянусь к маске на лице, чтобы попробовать аппарат. Подаваемый воздух влажный, но для дыхания подходит безупречно, у меня падает камень с сердца, который я не замечал раньше.

По крайней мере, смерть от удушья нам не грозит. Перед Беа я стараюсь держаться уверенно, но только потому, что она нуждается в этом. Она потеряла намного больше, чем я, и все равно не отступилась. Во всяком случае, не совсем.

Я снова надеваю дыхательную маску и укутываюсь глубже в отцовское пальто.

Если он надеется, что это сделает его отцом года за то, что он спасет жизнь, он ошибается. Каждый сделал бы это. В данной ситуации это было, конечно, самое малое.

И если бы он сейчас увидел меня таким, то понял бы, что одиночный побег в пустошь - не что иное, как смертная казнь. Кому я вообще пытаюсь что-то доказать? Это было ему ясно.

По крайней мере, я все еще на ногах, что нельзя сказать о Джаз, и если мы не предпримем что-нибудь в скором времени, она умрет на наших глазах, так как одни мы ничего не можем сделать с ее ногой. Если мы только сможем доставить ее живое тело в Секвойю.

Я оседаю на землю и толкаю ногой один из аппаратов для дыхания. Вероятно, я должен пойти один и привести помощь. Беа могла бы пока позаботиться о Джаз. Здесь есть воздух и вода. И более надежного убежища, чем этот вокзал, найти довольно сложно.

Это, наверное, самая бредовая идея в моей жизни, но когда я слышу крик Джаз, мне становится понятно, что ничего другого нам не остается.

БЕА

Когда я просыпаюсь на холодном полу вокзала, я не нахожу Квинна.

- Петра, - Джаз начинает приходить в себя.

Она вскрикивает и снова оседает на полу. Я приближаюсь к ней и поддвигаю рюкзак Квинна ей под ноги, чтобы поднять их повыше и уменьшить кровотечение. Затем укладываю ее голову к себе на колени.

- Я думала, что это был кошмарный сон, - всхлипывает она снова, и в ее глазах я читаю, что боль является причиной этого.

Через несколько минут по вокзалу разносится шум.

- Квинн? Иди сюда! —зову я.

- Я слышал крик, - он ставит рядом с нами помятый аппарат для дыхания на солнечных батареях.

- Это была я, - бормочет Джаз.

Он проводит рукой по ее волосам и присаживается рядом с ней.

- Насколько ужасна рана? - он осторожно кладет руку ей на лоб.

- Со мной все в порядке, - успокаивает она его. Ее веки порхают, и она снова погружается в бессознательное состояние.

Квинн обращается ко мне.

- Наверху лежат сотни аппаратов для дыхания. Поэтому здесь, может быть, было огромное количество Извергнутых. Но теперь нет ни одной человеческой души. С вами все будет в порядке, - он натянуто улыбается.

- О чем ты говоришь? - я с трудом глотаю.

- Сначала выслушай меня, Беа.

- Нет, - возражаю я.

- Мы не можем тащить ее через всю страну.

- Ты хочешь уйти?

- Один из нас должен привести помощь, и я не отпущу тебя одну бродить по улицам.

Я не хочу оставаться без него. Только не опять. Вообще никогда. Я пытаюсь говорить, но слова застревают в горле, и я вынуждена закашлять. Он стучит по моей спине.

- Дай мне карту и позволь мне идти, - просит он.

- Но куда? Куда ты хочешь пойти, Квинн? - мой голос сейчас больше похож на писк.

- Я найду Секвойю. Лагерь должен быть достаточно большим, чтобы вместить все общество, так что я не должен пропустить его. Кто-нибудь оттуда определенно сможет помочь, и тогда я вернусь. Алина должна быть там, - он понижает голос. - Если мы оба останемся здесь, у Джаз не будет шанса.

- Должен быть другой способ, - события со всей силой обрушиваются на меня, и я начинаю плакать. Я хочу быть сильной, не знаю только как.

Он обнимает меня и прижимает к себе.

- Я вернусь. Я обещаю тебе, - говорит он.

Мои родители тоже обещали мне, но потом я больше их не видела. Он может меня обнимать. Однако я не верю ему.

- Они работают, я проверил, - говорит Квинн.

Он притаскивает еще один дыхательный прибор, нажимает кнопку, толкает его ногой, и мы вместе внимательно слушаем, как древняя штука усердно работает.

- Ты можешь взять их с собой, - я киваю, но эти устройства такие огромные, что я ни за что не смогла бы их поднять.

- Но ты должна оставаться здесь, чтобы я смог тебя найти.

Рядом со мной кричит Джаз и перекачивается во сне на бок.

- Какой сегодня день? - спрашиваю я.

Мне нужно что-то, чтобы оставаться на земле, что-то надежное. Известное. Если я даже не знаю, куда он идет, как я могу знать, когда ждать его? Когда я должна буду перестать ждать?

Квинн моргает и считает по пальцам.

- Понедельник, - говорит он. - Или вторник. Скажем так, понедельник. Смотри, каждый раз, если солнце садится, кидай сюда что-нибудь, - он указывает на раковину с краном для питья у стены.

- И когда я должна остановиться?

- Беа, - он вздыхает. - Я вернусь.

- Не уходи, - просит Джаз. Лицо искажено от боли. - Возьмите меня на закорки. Я легкая. Я правда очень-очень легкая.

Она мокрая от пота из-за температуры.

- Тебе еще понадобятся твои силы, - объясняю я ей.

Квинн застегивает пальто.

- Скажи мне, что так будет лучше, - просит он. - Скажи, что я поступаю правильно, - я не даю ему ответа, тем не менее, провожаю его наружу в город-призрак. На солнце снег слегка растаял. Воздух все еще холодный. Я прижимаю подбородок к груди.

- Ты не уйдешь далеко с таким количеством воздуха.

- Прекрати, - говорит он.

- Прекрати ты, - говорю я.

- Беа... - он берет меня за руку, поднимает свою маску, наклоняется к моим рукам и целует их. Я закрываю глаза, и он стягивает мою перчатку и целует мою ладонь. Но потом он снова надевает маску и обнимает меня. Я прижимаю подбородок к его плечу. - Я больше не знаю, что происходит в твоей голове, - говорит он.

Я сама больше не знаю, что в ней происходит, - я делаю глубокий вздох и убираю волосы с лица.

- Если Джаз умрет, а ты не вернешься назад, я сама отправлюсь в Секвойю, - решаю я.

Он смотрит на потрескавшееся стекло и кивает.

- Дай мне две недели. Ты сможешь здесь продержаться две недели.

- Да, - говорю я, несмотря на то, что мы оба знаем, что Джаз не продержится так долго.

Мы стоим так еще несколько минут, держимся за руки и смотрим на наши сапоги, испачканные в земле.

- Почему мне потребовалось столько времени, чтобы узнать тебя? - спрашивает он. Он кладет руки на мой затылок и притягивает мою голову к своей, пока наши лбы не соприкасаются. — Я люблю тебя. Ты знаешь это?

Я киваю, но не говорю, что я тоже его люблю. Возможно, он вернется назад, возможно, нет, но моя любовь не играет никакой роли.

ОСКАР

Ниамам любит в зеркало в моей спальне. На ней траурная одежда моего отца, и она должна была выглядеть совершенно абсурдно, но Венди перешила ее для моей сестры, и теперь Ниамам выглядит так, как будто она была сшита специально для нее. Я просто позволяю ей делать то, что она хочет.

- Что думаешь? - спрашивает она.

Я встаю с кровати и надеваю штаны, которые лежат на стуле.

- Я думаю, что хотел бы, чтобы моя комната принадлежала мне одному.

- Ты должен наконец выбрать кровать поудобней. Как ты вообще можешь спать, не понимаю, - сегодня по программе эта история с соболезнований у министров. Но Ниамам подразумевает что-то другое; она прячет свое горе в подушке, с тех пор как она узнала о смерти отца. Я предоставил ей возможность скорбеть, но кто-то же должен делать работу.

- Ты чувствуешь себя лучше? - спрашиваю я.

- Нет, Оскар, - сказала Ниамам. - Наш отец мертв. Я чувствую себя отвратительно.

Я встаю позади нее. Зеркало показывает темные круги под моими глазами. Прошедшая неделя состарила меня. Но кого это удивит.

Я надеваю свитер через голову и провожу рукой по волосам. Венди заходит внутрь с подносом.

- Доброе утро, - говорит она.

- Привет, - здороваюсь я.

Ниам же не удостаивает ее даже взглядом. Венди семенит вокруг нее, уравнивая поднос бедром, и когда она задевает меня мимоходом, я чувствую ее желание обняться. После смерти моей матери она была первой, кто проявлял к нам родительскую заботу. Но мой отец был против ее попыток заменить нам мать, и скоро с любовью было покончено. Вероятно, мой отец оказал на нее давление. Я сам же был настолько нерешительным, что не мог согласиться, что одно или пара объятий могло бы принести пользу.

Венди ставит поднос на комод.

- Тосты и чай, - сообщает она. – Завтракайте, пока горячее, - выходя, она останавливается рядом с Ниами. - Ты выглядишь потрясающе.

Ниам пожимает плечами.

- Я знаю, - говорит она, несмотря на то, что Венди уже ушла. - И было бы любезно, если бы ты тоже приложил усилия, Оскар.

- Дай мне минуту.

- Выступление через десять минут, так что поторопись, - она театрально целует меня и выбегает из комнаты.

Ниам и я поднимаемся по мраморной дорожке к сенату. Вся площадь закрыта, улицы полны солдат, чтобы задушить любое волнение в зародыше, хотя в Куполе после произошедшего волнения было довольно мирно. Теперь ни у кого нет желания связываться с министерством, иначе умрешь.

Я поворачиваюсь к Ниами с ободряющими словами, но она держит подбородок поднятым, и глаза твердо направлены на дверь. От страха не осталось и следа. Я что, один здесь?

Старые деревянные двери на входе в сенат открываются вовнутрь, и вся группа часовых кланяется нам. Слабо освещенный коридор ведет к широкой извилистой лестнице.

- Мистер и миссис Кнавери, - шепчут солдаты, и один наклоняется ниже остальных.

Мы поднимаемся по ступеням вдоль прохода с розовой облицовкой, затем в залу перед главной дверью и правительственными кабинетами. Наши отпечатки пальцев и лица сканируют, а также тестируют слюну. Проходит несколько минут, прежде чем экран начинает работать: "Ниами Жан Кнавери, Оскар Джилз Кнавери авторизованы."

Палата - это амфитеатр с золотыми стенами, и вокруг сцены располагаются эшелонами сидения. В самом низу, во впадине, в ряд сидят высокопоставленные лица на стульях с внушительными спинками. Тишина становится тяжелой, когда мы спускаемся от одного из верхних рядов, несколько людей тоже поднимаются.

Я знаю большинство министров еще с вечеринок и обедов, на которые наш отец таскал нас. Сегодня напрасно искать широко улыбающихся людей. А самое холодное выражение лица у Ланса Вина, нового президента.

Джэд Каффри находится среди министров на сцене. Он отвечает на мой взгляд и кивает. Я киваю в ответ. Минимум одно доверенное лицо, на которое я, в крайнем случае, могу положиться.

Внизу Вин подходит к кафедре и откашливается в микрофон. Когда он привлек к себе внимание всех, он начинает:

- Добро пожаловать, - говорит он. Несмотря на его сухой вид у него удивительно глубокий голос, и внезапно умолкают даже те министры, которые еще не присели и все еще шепчутся.

- Я стою сегодня перед вами, как ваш новоизбранный президент. Тем не менее, это дорогого нам стоило. Сегодня мы вспоминаем Кейна Кнавери и хотим вместе с его детьми объявить минуту молчания в его честь. Спасибо, что вы пришли. Наши самые глубочайшие соболезнования, - Ниам поднимается. Я кусаю внутреннюю сторону щеки. Я с трудом переношу все взгляды, направленные на меня, и еще это принудительно-предписанное соболезнование. Вин опускает голову. Все повторяют за ним.

И вот все замолкают: время воспоминаний о моем отце. Как он возвращался по ночам совершенно пьяный, и которого мне приходилось умирять, чтобы он не побил все на кухне.

Или времена, когда нам приходилось отчищать его кровать. Или как он гнался за мной по лестнице с ремнем, когда я осмелился ему противоречить. Слеза катится по щеке Ниам. Какие у нее есть воспоминания, которых нет у меня?

- Спасибо, Министры, - говорит Вин. - А теперь дальше к повестке дня. Первый пункт программы остается положение безопасности в Куполе.

- Это все? - шипит Ниам. - Они отвели для нашего отца всего лишь минуту?

Я пожимаю плечами, и Вин продолжает.

- Порядок должен быть восстановлен. Никто не может ставить под сомнение наш авторитет, - он ударяет кулаком по пульта, так что звук разлетается по всему залу, министры одобрительно кивают. - Согласно сообщениям, некоторые КРЫСЫ ускользнули после восстания через мусоропровод, и в пустоши могут возникнуть новые террористические группировки. Мы не должны допустить, чтобы что-нибудь там пустило корни, - он натянуто улыбается. Должно быть, это шутка и несколько министров, которые поняли его, расслабленно хихикают. - Мы пошлем армию, чтобы закрыть мешок раз и навсегда.

В палате повисает молчание, и я застываю. Я не могу идти туда и убивать невинных людей. Я отказываюсь.

Джад вскакивает.

- Могу я добавить к этому пару слов? - спрашивает он. Вин кивает и предоставляет кафедру Джаду. - Последний раз армия понесла большие потери. У нас слишком мало солдат, и склады горючего для Цыпов исчерпаны. Я не могу согласиться с немедленной отправкой группы.

- Тогда мы просто позволим им ускользнуть? - выкрикивает кто-то.

- Мы позволим ускользнуть КРЫСАМ? - добавляет другой.

- Мы найдем другой способ, - объясняет Джад. - Мы могли бы послать разведчиков, которые соберут для нас информацию. Молодых людей, которым КРЫСЫ могли бы доверять. Несколько дней подготовки и специальная группа готова.

Ниам скрипит зубами.

- Он имеет в виду, например, тебя?

Джан не кривит лицо, его руки лежат спокойно на кафедре. Как я мог ожидать от этого человека сочувствия, от человека, который послал своего сына в Пустошь на смерть? Как он только дошел до этого? Между тем я знаю, что это был Квинн - тот кто вызвал восстание в Куполе, но как я могу желать ему за это смерти? Он просто говорил все, как оно есть.

В тяжелой тишине палаты глаза всех руководителей направлены на меня. Некоторые министры смотрят озабочено, другие по-настоящему сияют от восхищения. Джад по-прежнему с каменным лицом.

-Скажи им, что сделаешь это. Ради папы. Эти свиньи ответят за это, - Ниам дергает за край черной одежды. Она близка к тому, чтобы заплакать. Я сжимаю ее руку.

Все же я не буду соглашаться на эту миссию. Несмотря на то, что мое мнение не играет никакой роли, нас посылают и неважно, что мы говорим. Ниам вытаскивает руку и всхлипывает.

- И в это время они наберут новых солдат и обучат их? - хочет знать кто-то. - Если это должна быть разведочная миссия, мы должны будем быть готовыми к нападению, как только они вернутся.

-Само собой, разумеется, - говорит Джад. С сегодняшнего дня мы начинаем набор, - он улыбается чему-то. Я хочу подняться на сцену и открыть ему шею.

-Спасибо, Генерал! - и на этом Вин переходит к другой части программы.

Итак, номер один закрыт. Я должен снова вернуться наружу в Пустошь и совершенно не важно, хочу я этого или нет.

АЛИНА

Последний раз Сайлас опускает якорь. Он потирает рукой лоб и уверенно причаливает. Мы не можем продвигаться дальше на лодке, река заворачивает на восток, а нам нужно на север.

Зонг открывает маленькую дверь в бортовой леер, прыгает на тонкий причал с лодки и выходит на сушу.

- Осторожно при спуске, - говорит он. Его глаза пусты.

Никто не проронил ни слова о роще, и после смерти Холли мы еще больше отдалились друг от друга.

- Ты уверен насчет севера? - давит Сайлас на Дориана.

Дориан кивает.

- Это не так далеко отсюда. Пара дней максимум, - это кажется не малым, но и Роща от нас на расстоянии недели пути. Мы полностью промерзли и изголодались, и наш кислород быстро подходит к концу, как мы и думали.

- Проверьте, действительно ли мы забрали с собой все, - приказывает Сайлас. Он уперся руками в бока и слегка приподнимает подбородок. Он выглядит непобедимым. И мы нуждаемся именно в этом: в ком-то, кто сделает так, как будто все идет по плану, несмотря на то, что это практически невероятно.

Мод выходит на причал и сильно кашляет, ухватившись за поручни.

- У тебя есть что-нибудь теплое, чтобы надеть сверху? - спрашиваю я.

Настойчивый морозящий дождь усиливается.

-Почему тебя это волнует? - рявкает она и отталкивает меня локтем в сторону с дороги. Она рысью спускается вниз на причал и кутается в старое, мокрое одеяло, как в накидку.

- Ты тоже выглядишь замерзшей. Укутайся в него, малышка, - Брюс протягивает мне свое пальто.

- Все в порядке, не надо, -возражаю я, несмотря на то, что промерзла настолько, что не чувствую пальцы ни на руках, ни на ногах. Пожав плечами, он сам натягивает пальто.

Я спускаюсь по планке следом за Мод, где наконец нахожу равновесие на твердой земле.

- Хотелось бы мне, чтобы мы могли его спрятать, - думает вслух Дориан, устремив взгляд на

возвышающиеся мачты корабля.

Сайлас только сопит.

- Надо идти. Все держимся близко друг к другу.

Мы добираемся до берега реки.

- Здесь все выглядит одинаковым, - вздыхает Зонг. Высокие здания и колокольни церквей большого города остались позади нас, здесь, возле реки, господствует знакомая картина опустошения: руины.

Останки автомобилей, затянутае илом улицы и опрокинутые фонарные столбы. Между тем весь этот мусор окружали кости, и нельзя сказать, кому они принадлежат: человеку или животному. А дальше только бесплодные поля, одно за другим.

Я раньше думала, что, если идти достаточно долго и далеко, то когда-нибудь дойдешь до деревьев. Чистая, желаемая мысль и к тому же детская, так как за каждой городской пустыней ждет только следующая пустыня разрушений. Только в этот раз сельского варианта.

- Что, если они нас не пустят? - громко думает Брюс.

- Есть предложение получше? - шипит Сайлас. Его настроение постепенно ухудшается.

- Успокойся, - я кладу ладонь ему на руку.

Он вздрагивает и подходит к разрушающемуся детскому автомобилю. Затем толкает его вперед, нагружает его рюкзаком с запасами и несколькими кислородными баллонами.

Мне очень хочется поговорить о событиях. О том, что мы видели. Но для этого слишком рано, а Сайлас не оратор от Бога.

- Тот, кто отправляется в Секвойю, никогда не возвращается назад, - тихо говорит мне Зонг, голосом мягким, как пепел.

- Петра не любила дезертиров. Если ты ушел в Секвойю, значит навсегда. Нужно принять решение, на какой стороне ты, - напоминает ему Дориан.

Зонг покусывает нижнюю губу, и я смотрю вверх на небо. Где-то за толстым слоем облаков, должно быть, находится солнце. Нахмурившись, я пытаюсь покачаться на носочках. Бесполезно, пальцы все еще немеют.

- Двигайся, - требует Мод и толкает меня в спину. - Я отморожу здесь свою задницу, - Брюс улыбается и хватается за нее.

- Они впустят нас, потому что мы все стоим на одной стороне, - говорю я громко. Ради Сайласа. - Мы хотим возродить деревья. Мы хотим снова дышать, - он не оборачивается, а просто шагает дальше. Возможно, он не слышал меня, но это невероятно.

- Ты - теперь Извергнутая. Ничем не лучше меня, - смеется Мод. Никто не возражает. И тогда она щипает меня, очень легко, страх зарождается внутри.

Мы позволяем себе лишь одну паузу, когда начинает темнеть, и мы замечаем лежащий автобус на открытой со всех сторон улице. Между трещин в асфальте пробивается замерзший густой кустарник.

Когда мы залезаем наверх транспортного средства, он проседает под нашим весом, и я нахожу себе место сзади и сбрасываю свой рюкзак. Затем проверяю уровень кислорода. Почти на три четверти пуст.

Вероятно, я должна точнее осведомиться у Сайласа о наших запасах кислорода, так как он несет оставшиеся запасы. Но если кислород на исходе, я бы лучше предпочла бы не знать об этом.

Из-за моего истощения меня не беспокоит черная плесень на автобусе. Если это убьет меня, то так даже будет лучше. Я ложусь и сворачиваюсь комочком, зажав баллон для дыхания между ног.

Мод выбрала ряд позади меня и кашляет, до тех пор, пока не откашливает мокроту.

Я закрываю глаза и жду, что сон накроет меня. Мод никак не может улечься. Она толкает в спинку моего сидения.

- Эй, ты там, - каркает она. Я поднимаюсь. Все остальные уже лежат, только ноги торчат в проходе между сидениями. - Думаешь, с Беа все в порядке? - спрашивает она угрюмо.

- Я знаю столько же, сколько и ты.

Генерал Каффри ушел из Роши только из-за того, что в Куполе произошло восстание. Как бы я хотела знать, что Беа была в дали от этого. Или Квинн. Остается надеяться, что между ее возвращением в Купол и гражданской войной нет никакой связи.

- Ты оклеветала меня, - гремит Мод. - Я собрала других Извергнутых для борьбы, так как верила тебе. Беа должна знать. Это был обман, - она направляет пальцы на меня. Ноготь гниет и абсолютно черный.

- Собственно, тебя оклеветала Петра, - уточняю я. И добавляю: - Беа сильнее, чем кажется.

- Она - что-то особенное, настоящая конфетка, - она рассматривает треснувшее оконное стекло.

Это впервые, когда мы ведем подобную беседу.

- Отдохни немного, Мод, - говорю я так дружелюбно, как только могу.

Мод все равно резко реагирует:

- Ты здесь не босс. Сладенькая. Черт возьми, я делаю то, что хочу.

- Делай, а я ложусь спать, - я отворачиваюсь и сворачиваюсь на сидении. Мод, кажется, следует моему примеру.

Я слышу храп остальных и пытаюсь подумать о чем-то хорошем перед сном, но все время вижу только лицо Холли, когда она отпускает поручни.

И тогда внезапно рядом с ней появляется лицо Абеля. Их обоих поглощают волны. Конечно, такого не произошло, его убило министерство. Наверное, они выбросили его из Купола без кислородного баллона.

Целый день я избегала мыслей об Абеле, но теперь чувство вины и стыд снова возвращаются, так как он стал частью миссии только потому, что я хотела проводить с ним время. Он умолял меня выполнять задание. Мне кажется, что он не показал мне настоящее лицо, но это не меняет того факта, что я испытывала к нему чувства.

Я подтягиваю колени к подбородку. Мне ужасно холодно, как никогда раньше.

ОСКАР

Осталось меньше часа до моего отъезда из Купола, а я еще не начинал собираться. Вместо этого я рисую в своей галерее белые и черные полосы на полотне.

Получается что-то вроде серого хаоса.

Я надеялся, что смогу придумать план, как выпутаться из этой миссии, но единственным результатом моих размышлений стала картина. Это даже не зачаток решения.

Я не боюсь Пустоши. Мы все будем снабжены месячным запасом продуктов. Еще они

обеспечат нас кислородом и медикаментами, а у Извергнутых нет против меня шанса.

Все бы ничего, но меня бесит нетерпеливый Джад Каффри и это министерство, которое убивает невинных людей, выставляя их террористами.

Я бы отказался от всего этого, если бы последствия не коснулись Ниам. Я единственный, кто у нее остался.

Я иду к раковине и ополаскиваю кисточку. Затем я бросаю последний взгляд на картину и закрываю дверь в галерею.

Когда я наконец готов, Ниам ждет перед входной дверью.

- Когда ты снова вернешься? Я волнуюсь за тебя, - говорит она. Последнее проявление симпатии было в доисторические времена, и я тяжело глотаю.

- Когда я одолею всех злодеев, я думаю, - красивая ложь. Я больше никого не уничтожу. Никогда.

Там, в Пустоши, я спрячусь где-нибудь, пока не выкупят мои благие намерения, даже если я вернусь с пустыми руками. Если кто-то перебежит мне дорогу, я предупрежу его.

- Ты же вернешься назад? - уточняет Ниам.

- Безусловно, - я поднимаю объемный рюкзак на плечи.

- Будь осторожен, старый засранец, - говорит Ниам. Она прижимается ко мне и нерасторопно целует меня в щеку. Ее губы сухие.

Я вынужден улыбнуться.

- Последни лучше ты за собой, - я стараюсь воздержаться по возможности от всего, что могло вызвать еще большего проявления чувств, и беру курс на ждущий меня военный автомобиль.

На пересечении границы ждет Джад Каффри рядом с министром по работе с общественностью. Он поднимает руку. Я притворяюсь, что не вижу его, и иду в направлении стальных ворот, где уже собралась остальная часть моей группы.

У меня совершенно нет настроения для общения с другом по путешествиям, после того как он всю свою жизнь только врал всем вокруг и окружил своих солдат фальшивой пропагандой.

Робин, самый юный член единицы, улыбается мне.

- Мне очень жаль твоего отца, - сочувствует он.

- Спасибо, - останавливаюсь я. - Они собрали нас всех?

- Все здесь, как мне кажется, - она делает шаг назад, чтобы осмотреть других.

Мэри, Рик, Нина и Джонни оборачиваются ко мне и машут, приветствуя. Я поднимаю руку в ответ.

- Они еще никогда не посылали подрастающие группы в одиночестве. Мы слышали, ты сам выбрал нас, - говорит Робин и затягивает волосы в толстый конский хвост.

- Что? Это не так, - говорю я так, как будто защищаюсь.

- Мы вообще готовы к тому, чтобы снова выходить туда? спрашивает Робин с недоверием в голосе. Собственно, она хочет спросить: "Нужен ли нам глава?"

Никто из нас не ожидал увидеть деревья в Роше. С тех пор все по-другому. По меньшей мере, для некоторых из нас.

Рик выступает вперед. Ему восемнадцать, но выглядит на тридцать.

- Отличные успехи, друзья. Дома смертельно скучно. Я постоянно говорил, чтобы нас выпустили наружу, что мы готовы. Я едва ли могу дождаться, правда. Я считаю секунды.

- Это была не моя идея, - поясняю я.

Рик только хочет затеять ссору. Он всегда так поступает.

- Генерал Каффри задерживает. - Мэри указывает на Джада.

- Мы справимся, в любом случае, - говорит Нина.

- Лучше, чем весь следующий год киснуть в спортзале, - подытожил Джони.

Волнение повисло в воздухе, я повернулся к Робин, которая прикусила губу. Другие хотели бы, наверное, радоваться, но не она. И не я.

Джад топчется перед нами. Он подбирает теплые слова, подает нам каждую маленькую сумку и бубнит указания.

- У вас всех есть новые планшеты с встроенным длинноволновым пеленгатором, которые позволяют общаться в обоих направлениях. Если они не будут работать, у вас есть дополнительные рации. Немного примитивно, зато практично. Докладывайте как минимум один раз в день, чтобы мы знали, что вы живы.

- Живы? - Рик хохмит, - Думаю, не дождетесь. У парочки хиппи (?Okohippies) нет никаких шансов против нас. - Ви выглядит так, будто он сам себя пырнет ножом в живот.

Что с ним не так? Будто он убил недостаточное количество людей.

- Ты не мог бы заткнуться Рик? - спрашиваю я.

Робин хватает воздух, а ослепленный яростью Рик пытается врезать мне, когда я ловлю его кулак и ловким приемом заламываю ее назад.

Он стонет.

- Все хорошо, все хорошо, отпускай, - просит он, и я освобождаю его, отталкиваю его от себя, пока другие только безмолвно наблюдают.

Я еще никогда ни на кого не нападал. Но Рика я должен был осадить.

Джад качает головой.

- К счастью, мы отправляем вас не группой, - он делает короткую паузу. - Мы посылаем вас всех в разных направлениях. Как только вы натолкнетесь на что-то подозрительное, вы отправляете нам сообщение. Нам нужны координаты. Если мы их получим, отправим солдат и ципов и разнесем все в щепки. Для этого мы, надо надеяться, будем в полной готовности.

- Нам нужно разрешение, чтобы убивать? - спрашивает Рик. Он смотрит на меня уголком глаз.

Джад одергивает рукава куртки.

- Ваше задание - найти КРЫС. Следующие указания получите позже.

Робин чешет кончик носа.

- Сколько у нас времени?

- Столько, сколько выдержите, - Джад как раз хочет отойти в сторону, когда министр по работе с общественностью спешит к нам, цокая каблуками.

- Пожалуйста, мы могли бы сделать еще одно фото Оскара на границе? - щебечет она, - Президент Вин думает, одно слово от сына Гарна Кнавери будет хорошим PR.

Пресса через несколько дней снова вернется к работе, и потом это будет Созидатель.

- Пожалуй, - соглашаюсь я. Министр прессы открывает свой планшет, щелкает несколько картинок и ждет, затем усмехается, чтобы записать мое выступление. - После всех разрушений, которые мы совершили до настоящего времени, считаю это миссию...

- Просто напишите, что хотите, - говорит Джад, который внезапно оказался между мной и министром по работе с общественностью и оборвал меня на полуслове. Он обхватил меня рукой за плечи и потащил. - Мы и так потеряли достаточно времени.

Я оглядываюсь назад на министра, которая внезапно потеряла интервью, однако она усмехается так, будто статья уже давно лежит у нее в ящике стола.

Границу охраняют вооруженные солдаты, которые отходят в сторону, предоставляя нам беспрепятственный проход через ворота и стеклянный туннель. Мы пристегиваем кислородные баллоны к поясам и надеваем дыхательные маски на рот и нос.

В этот раз возникают другие ощущения, когда мы выходим наружу. Раньше меня переполнял огонь и пламя, чтобы защитить купол. Теперь я делаю лишь одно: выхожу и упираю руки в бедра.

Мы выбираемся наружу через раздвижные двери в Пустошь. У входа стоят семь джипов с включенными моторами.

- Ну что ж, пожалуй, начнем, - говорит Робин, пожимая плечами. Другие бормочут в знак согласия и берутся с дыхательными приборами.

- Мы вывезем вас на пятьдесят километров, - говорит Джад. - Достаточно далеко, чтобы сэкономить время, но не настолько, чтобы они могли вас услышать. Ни пуха, ни пера, - и это все. Мери, Рик, Нина, Джонни и Робин выбирают по автомобилю и садятся.

Я снова оглядываюсь вверх, на Купол. Теперь я мог бы уйти и никогда не возвращаться.

Исчезнуть из ценных бумаг.

Джад не оставил никаких сомнений, что министр никогда бы не освободил меня, и при любой попытке сопротивления они казнят меня. Но, если кто и может выжить в Пустоши, то это я.

Вопрос только в том, хочу ли я этого? Во время тренировок нам встретилось достаточное количество Извергнутых, тронувшихся умом от одиночества и больше не уверенных, на какой планете они находятся. Старый мужчина настолько изголодался, что отгрыз собственную руку.

А что будет с Ниям? Я не могу оставить ее на произвол судьбы. Кто знает, что они могут с ней сделать.

- Ну что, поехали, - говорит Джад. Он бросает мой рюкзак в автомобиль без водителя.

- Что ты тут делаешь?

- Доставляю тебя. Нам есть о чем поговорить.

Мы не произносим ни слова. Мы едем молча через ухабистую территорию, и я смотрю на дворник через толстое ветровое стекло.

Наконец Джад останавливает машину и выключает мотор. Он кладет руки на колени, несколько минут просто сидит и пристально смотрит.

Я не предпринимаю попыток нарушить молчание. Если у него есть, что сказать, ему нужно высказаться.

- Ты же знаешь, что Квинн был тем, кто почти поставил Купол на колени? - он поворачивается ко мне.

- Если ты имеешь в виду, что он ответственен за смерть моего отца то, да, я знаю, - мы

пристально смотрим друг другу в глаза. Он ждет, что расвирепею.

Но я не зол на Квинна. Как я могу, когда я знаю планы министерства? Если честно, то я обижен только на себя, так как я был таким наивным все время и никогда не выступал против своего отца, как Квинн.

Я жду того, чтобы он продолжит.

- Квинн жив, - говорит он. Вздыхнув, он опускает голову на руль, и впервые за две недели я не презираю его.

- Продолжай.

- Это было ошибкой - отправить его одного, и я не хотел, чтобы армия и Ципы роились вокруг, так как они убьют его, если поймают. Ты же напротив...

- Ты думаешь, что я помогу ему.

- Ты хочешь выбраться из специальных единиц, и я могу это предоставить.

- Ты сказал мне, что не можешь.

Джад потирает подбородок.

- У всего есть своя цена, а я знаю нужных людей. Я могу достать для тебя и Квинна новые личности, биометрию и все такое. Ничего, что невозможно. Но это значило бы, что вы будете жителями второго класса. Высокая цена. Но это лучшее, что я могу предложить тебе.

Я пристально смотрю из окна. За всю свою жизнь я только дважды бывал в третьей зоне. Единственное, что осталось в памяти: грязные детские лица и темнота. Каким же унылым это было. Хотел ли я этого?

- В пальто, которое надето на Квинне, вшит радиомаяк, и именно здесь он находился в последний раз, перед тем как села батарейка, - он показывает наружу. - Ты просто должен найти его и наблюдать за ним. Затем контрабандой я верну вас назад в Купол. Итак, жизнь второго класса не сможет дать вам многое, но, по крайней мере, вы будете живы.

- А другие теперь занимаются здесь чем-то бессмысленным?

- Их отвозят совершенно в другие места, - говорит он. - Они не найдут ничего, кроме как парочки Извергнутых, если только там снаружи нет где-нибудь ячейка. Но еще одна ячейка настолько же вероятна, как открытие второго Купола, - с детства они пытались убедить нас, что были и другие Купола. Еще одна ложь.

- Я обдумываю это, - в это время я поднимаю воротник и затягиваю пояс потуже.

Джад подает мне пистолет. Я беру его и убираю за спину, засунув за пояс, прежде чем бросить забытую полуавтоматику в своей руке на заднее сидение.

Итак, я не хочу оружия. Оно мне больше не понадобится.

- Я жду от тебя только того, что ты поступишь правильно, - говорит он.

- Именно так, как поступил бы ты, - отвечаю я резко.

- Я? Я даже не знал бы, что правильно.

Джаз перегибается через меня и открывает пассажирскую дверь. Я вылезаю, тащу за собой рюкзак и роняю его на землю.

Улица больше похожа на холмистую полосу, а за ней нет ничего, кроме как обычного серого щебня и полностью разрушенных зданий, последний из которых с трудом держит две стены.

- Прими мой совет: ты больше не должен действовать против своих принципов, никогда, - говорит Джад. - Тогда ты покончишь со всей этой ложью и смертью.

И не дожидаясь моего ответа, он захлопывает дверь, заводит мотор и исчезает.

БЕА

Я сажусь на корточки рядом с Джаз и кладу руку на ее лоб. Она вся горит от температуры. Шарф, который я обмотала вокруг ее ноги, полностью промок.

Я развязываю его и осматриваю рану. Вокруг разреза кожа желтоватая, и от вони мне становится плохо.

Если так пойдет дальше, она скоро умрет от кровотечения, а если этого не произойдет, то она умрет от инфекции в ране.

- Сделай так, чтобы боль ушла, пожалуйста, - она так разочаровано просит, что я хочу забрать ее боль, но я не могу ничего сделать, кроме как держать ее за руку.

Я смотрю на эскалатор и спрашиваю себя, есть ли наверху аптека.

- Я скоро вернусь, - я подпрыгиваю вместе с рюкзаком.

Я смогу прочистить рану и остановить кровотечение, но мне нужны определенные средства. И этого определенно может быть недостаточно.

- Пожалуйста, остаться здесь, - жалобно стонет она. - Беа!

- Только две минуты, - уверяю я ее и взбираюсь по эскалатору.

В заполненном солнечным светом зале я останавливаюсь и рассматриваю погаснувшие вывески, разбитые стеклянные двери и окна, ограбленные магазины, расписанные граффити таблички.

Пол одного из магазинов, которые не продавали ничего, кроме чулок и носок, полностью покрыт заплесневелым товаром, в магазине электроники валяются разбитые экраны и использованные батарейки.

В аптеке дела обстоят еще хуже. Трубочки, бутылки, коробочки и таблетки разных форм и расцветок покрывают пол.

Я прокладываю себе дорогу через мусор за стойку с кассовым аппаратом. Кончиком ботинка я переворачиваю валяющиеся на полу упаковки лекарств, надеясь найти хоть что-нибудь, но у успокоительных, болеутоляющих средств и антибиотиков уже прошли сроки годности.

Я замечаю маленький туристический комплект и маленькую бутылочку спирта, которые я запикиваю в рюкзак.

После аптеки я захожу в магазин, в витрине которого рекламируются экзотические продукты. Вероятно, можно приглушить боль алкоголем.

Я обшариваю каждую полку, отодвигаю помятые консервы и пустые банки для прохладительных напитков. Затем я ложусь на пол и проверяю, не могло ли что-нибудь закатиться.

Чувство поражения охватывает меня, и я уже хочу вернуться к Джаз, когда вижу дверь с перекошенной табличкой "Не входить. Только для работников фирмы".

Она пищит при нажатии, но поддается.

Заплесневелые картонные коробки сложены, как кубики для гигантских детей. Большинство из них пусты, но, наконец, я наталкиваюсь на шесть неприкосновенных коробок.

Я вытаскиваю одну и пытаюсь открыть, но она очень странно запечатана. Сейчас у меня нет времени рассматривать механизм, поэтому с силой бросаю ее через голову в складской шкаф.

Меня начинает шатать от запаха спирта. Я наливаю небольшое количество жидкости в руку, нюхаю и пробую на вкус кончиком языка.

Очевидно, пригодно для питья, но совсем не тот алкоголь, который я пила раньше.

Насыщенный, красный и горький. Я смотрю на этикетку. Malbec. Я как раз убираю находку в рюкзак, когда на вокзале раздается крик.

- Джаз? - я вылетаю из магазина.

Джаз извивается в бреду. Я вытаскиваю бутылочку из мешка, укладываю Джаз себе на руку и снимаю маску с ее рта.

- Вот, - говорю я, неловко наполняя руку красным алкоголем и вливаю ей в рот.

Она пьет глотками.

- Бее, - отворачивает она. - Что это?

- Лекарство, - она пьет дальше, и когда она совсем теряет сознание, я аккуратно опускаю ее на пол и снова закрепляю маску.

Алкоголь настолько успокоил ее, что я снова могу осмотреть ее ногу. Все очень плохо.

Так плохо, что мой замысел едва ли может начаться. Но что-то нужно делать.

Она вздрагивает.

- Закуси это, - говорю я, просовывая ей толстый кусок ткани под маску между зубами.

Затем я разворачиваю мои находки на каменном полу и продеваю длинную нить в ушко иглки, прежде чем облить ее спиртом для разжигания. Спирт я также использую, чтобы промыть ей рану.

Она кричит, но я быстро связываю ей руки и ноги шарфом так, чтобы они не мешали.

- Все хорошо, - говорю я. Ткань, зажатая у нее во рту, заглушает ее громкие стоны. - Держи себя в руках, - добавляю я, на сей раз для себя, так как расшатанные нервы и тошнота ничем мне не помогут.

Я сажусь ей на грудь, кусая себя внутреннюю сторону щеки, вправляю обратно торчащую кость и стягиваю кожу сверху. Она орет, извивается и, наконец, отключается.

Я сжимаю ее склеенную кровью кожу вместе и пронзаю ее иглой. Протягиваю, в конце концов, хлопковую нить дрожащими пальцами.

Джаз мечется, то приходя в сознание, то снова соскальзывая в беспамятство, но все же мое колено остается неподвижным на ее груди и фиксирует ее. Я сдавливаю ее кожу, и ее запекшаяся кровь просачивается между пальцев.

Тем не менее, я шью здесь и там вперед и назад, пока стежки не покрывают половину ее голени, а кость не спрятана и рана не закрыта.

Я стягиваю маску с лица и вынимаю ткань у нее изо рта. Она еще дышит.

- Мне очень жаль, - шепчу я. Возможно, я сделал только хуже.

Сейчас я могу только ждать - спасения или смерти.

АЛИНА

Последние два мы только и делали, что шли. У меня на ногах мозоли, мои мышцы сводят судороги и горят огнем.

Даже Зонг и Дориан выбились из сил и, наконец, начали использовать дыхательные аппараты.

- Это должно быть здесь, - говорит Дориан.

Мы где-то в Нигде, в долине Брошенной улицы, среди плато Полей, на которых можно лицезреть обширные руины вместе с вымершими пнями.

Сайлас разворачивает карту и кивает в сторону украшенной железной решетки в конце улицы, которая казалась крепкой, не смотря на ржавчину.

- Вероятно, это там?

- Мы все утро ходим по кругу. Это единственное место, которое мы не осмотрели, - говорит Дориан.

- Для очередного "вероятно" нашего кислорода слишком мало, - бормочу я. Мой мозг отказывается работать, и я быстро прибавляю поступление кислорода в маску.

- Только посмотрим, - Сайлас снова убирает карту в куртку и идет вниз по улице, повесив оружие сбоку.

Когда мы подходим ближе, я могу рассмотреть дорогу между решетчатыми воротами. Я вжимаю лицо между прутьями.

- Дорога заворачивает. Кто знает, что там дальше, - говорю я.

- Тогда мы сейчас узнаем, - говорит Дориан. Он кивает Зонгу и вместе они открывают ворота.

Сайлас не препятствует им, также как и я. Но мне кажется подозрительным отсутствие замка.

- Надеюсь, чай уже готов, - каркает Мод. - Я бы точно не отказалась.

Дорога полностью заросла, всюду осколки глиняных горшков, а все велосипеды лежат справа и слева от толстых стен, которые выглядят, как новые.

Сайлас снова перенимает руководство, я иду сразу за ним.

Внезапно из ниоткуда тишину нарушает голос:

- Стоять! Дорога заминирована. Еще шаг и оторвет ногу, - нога Сайласа висит в воздухе.

Он переносит вес на левую пятку и делает шаг назад.

- Мы пришли, как друзья! - кричит он.

- Мятажники, - добавляет Дориан.

- Друзьям не нужно оружие. Бросайте пистолеты, - гремит голос. Мы вопросительно смотрим на Сайласа. - Сдавайте оружие или мы откроем огонь! - Сайлас аккуратно кладет пистолет за собой на землю, и мы поступаем также. Инстинктивно я поднимаю руки над головой.

И внезапно нас окружают. И около двадцати охранников в шлемах, без дыхательных приборов, и это решающий момент.

Они прыгают на стену и направляют винтовки на нас.

Здоровый, как бык, солдат в облегающей рубашке и покрытыми трайбальными татуировками опускает оружие.

- Кто из вас главный? - требует он.

Конечно Сайлас, но он не выступает вперед, так как здесь, вероятно, все выглядит по-другому.

- Я - здесь босс. На колени, черви, - говорит Мод и начинает болтать. Я бросаю на нее предупреждающий взгляд. Я как-то сомневаюсь, что тип на стене может оценить ее юмор.

- Это он, - говорит Дориан и указывает на Сайласа. Из-за трусости или же из-за мужества, я не могу понять.

- Ах, так? - татуированный предводитель спрыгивает со стены. Кажется, холод не беспокоит его. Другие, одетые в зеленую рабочую униформу, просто стоят и целятся в наши головы. - Вы незаконно проникли на нашу территорию.

- Мы прибыли из Роши. Мы - такие же мятежники как вы, - говорит Сайлас.

Мужчина смеется.

- Мятежники, которые не могут обходиться без кислорода?

Дориан снимает маску с лица и оставляет ее висеть на шее. Я толкаю Зонга, чтобы он последовал примеру Дориана.

—Ну и? Парочка из вас может дышать. Вероятно, методы Петры были улучшены, но что касается нас, то вы ошибаетесь. Мы - не мятежники. Мы не хотим иметь ничего общего с типами вроде вас, — он убирает шлем с лица и вешает его на карман, прежде чем скрестить руки на груди.

Он выглядит хорошо, несмотря на большой темный шрам на лице. И он тоже осматривает меня, наклонив голову, видимо, он тоже знает об этом. Я с трудом глотаю и жду, пока он не отводит взгляд от меня.

— Роши больше нет, - объясняет Сайлас.

— Ты врешь.

— Министерство разрушило ее. Мы не можем больше туда вернуться, — настаивает Сайлас, и меня охватывает стыд, потому что я понимаю, какими беспомощными мы кажемся.

— Здесь нет кемпингов для беженцев. В Роше были сотни. У нас нет места. Я предполагаю, что вам стоит повернуться назад и передайте Петре ответ - нет.

Сайлас опускает голову. Дориан и Зонг переглядываются. Мод и Брюс сжимаются. Я делаю шаг вперед.

Мужчина не пытается удержать меня, только поднимает бровь.

— Мы не разведчики. Петра и ее люди мертвы, а деревья уничтожены. Остались только мы, - я чувствую взгляд других на себе. Было ли это ошибкой, высказать это вслух?

Мужчина продолжает молчать. Он прикладывает палец к уху и затем кивает.

— Мины нажимного действия деактивированы, — говорит он. У него приемник в ухе, он - никакой не предводитель, другие солдаты прыгают со стены, окружают нас и подбирают наше оружие с земли.

— Убери свои грязные лапы от моей вещи! — визжит Мод, но солдат просто ударяет пистолетом ей между ребер.

Она визжит от боли, глаза Сайласа расширяются.

- Скажи своим обезьянам, как они должны себя вести, - ревет он.

Тип только криво ухмыляется.

— Почему это я должен? — он смотрит на мой дыхательный прибор, а затем мне в глаза, единственную не закрытую часть лица. Он не делает никакой тайны из этого, насколько он презирает мою зависимость.

—Мы не будем балластом. Мы хорошо дипломированы, — говорит Зонг. — Я - биохимик. Я могу помогать в развитии запасов кислорода.

—Здесь только одно имеет власть, — говорит мужчина. Он выступает вперед и оттягивает маску от моего лица. Реакция Сайласа душится в самом зародыше оружием.

Мужчина хватает меня за подбородок и подтягивает меня ближе к себе. Я не уклоняюсь от его взгляда, отказываюсь изогнуться, и, наконец, он улыбается, снова пристегивает мою маску и осторожно крепит резиновую тесьму на затылке.

Я делаю длинный, глубокий вдох из моего заканчивающегося запаса кислорода.

— Пойдем, выясним, что думает Ваня насчет вас, — говорит мужчина. Дориан следует за ним по пятам, мы же другие остаемся позади и осматриваемся.

— Мы находимся в правильном месте? — спрашиваю я тихо.

— Мы находимся в том месте, которое еще осталось, — напоминает мне Сайлас.

Мы поворачиваем за угол, где нас ждет еще одна стена. Видимо кирпичная, хотя трудно сказать, так как она заросла мхом. Но она хотя бы не развалилась. Она производит впечатление новой, цемент основательно держит камни вместе и самый верхний камень нашпигован цветными осколками стекла, чтобы никто не мог забраться.

С обеих сторон камеры улавливают каждое наше движение, в то время когда мы гуськом проходим через стальные ворота, перед которыми располагаются вооруженные охранники.

- Мы можем сейчас войти, - оповещает татуированный, и охранники отодвигают скрипучие ворота.

За ними я ожидала увидеть бывшую тюрьму, брошенную школу или больницу, однако Секвойя совсем не такая.

Белый гигантский дворец, практически неповрежденный и окруженный двумя сверкающими теплицами. Перед ним стоит пересохший источник с медным ангелочком, тут и там извиваются дорожки, выложенные галькой, и декоративные дорожки.

Большинство великолепных арочных окон еще исправны, со стеклами, и те немногие, которые разрушены, покрыты белыми отлакированными деревянными досками, чтобы они не бросались в глаза.

Здесь ничто не шло в сравнение с горами крупного мусора. Еще мгновение и я переносусь в прошлое, во времени ухудшения. Но мне все равно не до улыбок. Здесь чего-то не хватает.

Я толкаю Сайласа локтем в бок.

— Здесь нигде нет деревьев, - шепчу я. Мое горло начинает гореть. Сначала наступает кашель, затем я опираюсь на Сайласа.

— Дориан, баллон, — кричит Сайлас, который с трудом держит меня с правой стороны. Мой пустой аппарат для дыхания отцепляют от пояса и закрепляют другой.

За несколько секунд жизнь снова возвращается ко мне. Я смотрю в лицо Сайласа.

— Почему ты не сказала мне, что кислород был на исходе? — шипит он. Яжимаю плечами, а он закатывает глаза.

Солдаты ждут нас целой колоннадой, большинство из них, по их виду, ждут, когда закончится рабочий день.

— Идем, — говорит Сайлас.

Нас подводят к каменному крыльцу, с внушительным деревянным проходом в огромный вестибюль, а далее несколько лестничных пролетов вверх, мимо побледневшего обрамленного золотом портрета.

Даже если здание внешне выглядит с внешней стороны почти неповрежденным, внутри

чувствуется холод, и на потолке видна плесень.

Когда мы поднимаемся на верхний этаж, татуированный открывает висящий на стене ящик и вытаскивает выдвижную дыхательную маску.

Он прижимает ее к лицу и делает глубокий вдох. Заметив мой взгляд, он объясняет.

— Мы установили такие кислородные коробки по всей территории. Чистый кислород. Это экономит нам цепь во всех помещениях.

— А что насчет людей, которые не могут обойтись таким ограниченным запасом? — я вожусь с моим кислородным баллоном.

— Такие едва ли у нас есть, — говорит он и передает маску другому солдату.

В длинном коридоре по обе стороны находятся двери. На каждой висит табличка: "6-студия йоги", "10-комната для тестирования", "1 - комната для тестирования", "2 - размножение, выдача лекарств".

Я дергаю Сайласа за руку, чтобы показать ему это. Он кивает.

Даже если мы не видели деревьев, такие помещения показывают, что жизнь здесь не так сильно отличается от Роши. Вероятно, мы здесь все же в безопасности.

Когда мы подходим к концу прохода, мужчина делает знак сопровождающим солдатам, чтобы те ушли. Затем его взгляд становится серьезным.

— Не описайтесь от страха, — говорит он.

Через огромные овальные окна проникает свет в помещение и на потертый бархатный диван, на котором отдыхает стройная женщина с очень короткими волосами, подстриженными собственноручно. На ней простая белая верхняя одежда, а на длинных ногах брюки.

Она посмотрела вниз на старомодный Pad, на котором что-то прочитала, и перекаtilась лениво на бок.

— Макс, — приветствует она мужчину с татуировками, затем медленно встает. — Что это за жалкие тела?

Макс смеется.

— Это еще мягко сказано, Ваня.

Женщина останавливается прямо перед Сайласом.

— Привет, — говорит она и проводит пальцами по его лицу. Он отводит взгляд. — Скажи мне, что тебе не нужна эта штуковина, — произносит она и стучит кончиком ногтя по баллону с кислородом. Ее руки покрыты морщинами, несмотря на гладкое лицо.

— Им он нужен, еще как, — говорит Макс. Он становится за мной и кладет руку мне на плечо. — Вот эту пару минут назад мы могли бы списать, — я извиваюсь, но его рука остается там, где она была.

— Итак, у нас нет дыхательных аппаратов, — говорит она. — Мы близки к тому, чтобы практически обходиться без них.

— Я тоже могу обходиться без них, — говорит Дориан. Он выглядит таким самодовольным, что я бы отступила от него, если бы я стояла хоть немного плотнее к нему.

У каждого из мятежников было свое задание. Сайласа и мое было в Куполе. Не наша вина, что нам нужно такое количество кислорода.

— Я всасываю уже пятьдесят лет консервированный воздух и не брошу это сейчас. Я та, кто я есть, мне не стыдно за это, — вмешивается Мод.

Ваня презрительно морщит нос.

— Извергнутая?

— Собственно, я дома на пешеходном мостике, - каркает Мод и качает бедрами.

— И что я должна теперь с вами делать? — зло спрашивает Ваня. Макс убирает руку с моего плеча, и я могу немного расслабиться и устанавливаю подачу кислорода.

— Они были у первого основателя, — говорит Макс. Я не понимаю ни слова, также как и все остальные, но никто не спрашивает. Мы — публика, ничего больше.

Ваня пыхтит и осматривает меня снизу доверху, как будто я была продаваемым товаром. Вместо того чтобы возразить, я выпрямляюсь и стискиваю зубы, чтобы показать, насколько жесткой я могу быть. Какой разочарованной нужно быть.

— Мы хотим присоединиться к вам. Помочь вам, — говорит Сайлас.

Она прижимает руку к его груди.

— Звучит великолепно, — воркует она. Макс ухмыляется. Сайлас становится красным. Он смотрит куда угодно только не на Ваню. — Но если вы присоединитесь к нам, я никогда не позволю вам уйти, — предупреждает Ваня.

Ее рука все еще лежит на его груди, но теперь она смотрит на каждого из нас по отдельности, чтобы нам всем стало это ясно. Ей нравится шутить над Сайласом, но где-то в глубине скрывается недоверие.

А ничего другого я и не ждала. Петра никогда бы не приняла новоприбывших без того, чтобы сначала не напугать их смертью. В месте, где постоянно нужно бороться за собственную жизнь, нет места милости и сомнению.

— Мы были бы счастливые, если бы могли остаться, — говорит Дориан.

Ваня улыбается и делает шаг назад, прочь от Сайласа.

— В процессе перехода я пошлю вас в одну из наших хижин. Завтра мы познакомимся получше.

— Само собой, разумеется, — кивает Дориан. Сайлас недоверчиво смотрит на него. Эта комната пропитана нервозностью, она слишком жестока с границами.

— Только скажите мне одно: есть еще выжившие в Роще?

Мой живот сжимается. В комнате становится совершенно тихо. Мы качаем головой и смотрим в пол. Холли выжила, но она никогда не узнает этого от нас.

— Мы же сказали вам, что просили ее пойти с нами, — говорит Мод. — Мы пытались ее предупредить. Никто не может сказать, что мы ничего не сделали, — пожалуй, верно, но на это теперь никто не купится, а Мод должна просто закрыть рот.

— Вы уверены, что больше никто не ускользнул? — спрашивает Ваня.

— Последнее, что мы видели, как здание полностью разрушилось. Мы оставались там так долго, как только могли, — отвечает Сайлас.

— Я охотно верю в это, — говорит Ваня. Она поворачивается к нам спиной.

— Сюда, вдоль, — Макс ведет нас наружу в коридор. Он шагает впереди, держа отчетливое расстояние между нами.

— По крайней мере, они оставляют нас здесь, - говорю я.

За секунду Зонг оказывается между мной и Сайласом.

— Вы знаете, кто это был? — шепчет он.

— Тссс, — Дориан взглядом указывает на Макса.

— Кто? - шиплю я.

— Ваня — сестра Петры.

— Сестра? — я даже не знала, что у нее она была.

— Ваня высказала дикие угрозы, прежде чем отправить нас. Она просто ушла в Пустошь и никогда не возвращалась назад. Петра даже никогда не упоминала ее имя.

— О чем вы там шепчетесь? — оборачивается Макс. Он останавливается и ждет, до тех пор, пока мы не догоняем его.

— Я просто любовалась твоей задницей, дорогой, — говорит Мод и подмигивает ему. И мы смеемся слишком громко, явно перегибая палку.

Почему Ваня ничего не упомянула об этом? И почему она вообще убежала из Роши?

КВИНН

Я останавливаюсь под разрушенным козырьком, чтобы хоть ненадолго спрятаться от дождя, и вытаскиваю карту.

Судя по всему, Секвойя находится за сотню километров от Святого Панкраса, а я не прошел еще даже половину.

Я в пути всего пару дней и уже в полной заднице. И кроме того израсходовал слишком большое количество кислорода. Джаз сказала, что мне нужно держать путь на Хенли, а потом идти по старой дороге.

Легче сказать, чем сделать. Поиски министерства после их уничтожения стихли, и развалины перегорожены на расстоянии нескольких миль.

Что только я думал? У Беа нет никого, кроме меня, а я просто бросил их. Теперь я один. Беа такая хорошая, но мы оба не знаем, когда мы увидимся снова.

Брезент лопается под весом воды, которая собирается, и я быстро выбегаю под дождь, прежде чем она обрушится на меня. Улица узкая и темная, большинство домов полностью разрушены.

На земле я замечаю следы от бронированных гусениц. Я подхожу к одинокому кроссовку на улице, поднимаю воротник пальто и встаю на мыски.

За поворотом улица внезапно заканчивается. Вместо этого там свалена гигантская гора ржавых останков автомобилей и помятых грузовиков. Остается только перебраться.

Я упираюсь ногами в окна и на боковые зеркала, теряю равновесие и поскальзываюсь на мокрых машинах, и когда, наконец, я забираюсь наверх, вижу, что дальше дорога свободна, и еще вижу реку.

Но там что-то двигается.

Два человека.

Они останавливаются и внезапно смотрят на меня. Поспешно я опускаюсь и повисаю на руках с другой стороны, прыгаю, и моя рука цепляется за металлический край.

Рана не большая, но глубокая. Я вытираю ее о штаны, и так как нет ничего, чтобы обеззаразить рану, я поднимаю маску и плюю на рану.

Она горит огнем. Я сжимаю кулак, чтобы не заорать.

— Дерьмо, — извергаю я.

Я поворачиваюсь к реке и быстро двигаюсь вдоль его течения. На береговом помосте, который окружает что-то, что раньше было, вероятно, каменными львами, я останавливаюсь. Степени ведут вниз к причалу, и там закреплена лодка. Она не новая, но все-таки она плавает. Нет оснований медлить. Я бегу по ступеням вниз.

Лодка закреплена потрепанным канатом, весла торчат в корпусе, кроме того на земле разбросана куча хлама: бутылки воды, приборы для дыхания, спальные мешки, носки, пистолет.

Дальше вдоль причала пришвартована еще одна лодка. Они могут последовать за мной, если он поймает меня, и на второй лодке может быть оружие.

Но как бы то ни было, я должен попытаться защититься. Я прыгаю в лодку, она качается и ударяется о причал, немного воды попадает внутрь.

Я сажусь вниз, чтобы не свалиться в реку, хватаю пистолет и прячу его в пальто. Затем открываю рюкзак и запикиваю туда спальный мешок.

И застываю, когда слышу шаги. Затем я замечаю девушку, которая бежит в моем направлении за береговой стеной.

Она спускается и, заметив мой взгляд, она кричит:

— На моей лодке! — когда она достигает последней ступени, то поскальзывается и падает вниз с лестницы.

Поспешно я развязываю узел на канате.

— Нет! — умоляет девушка. — Подожди! — она сидит наклонившись вперед, держась за живот. Девушка убирает волосы с лица и медленно встает на ноги. Я свободно гребу. Это труднее чем я думал, течение тянет меня. — Мне нужен кислородный баллон, — кричит она. У нее уже есть один и поэтому я гребу дальше.

Они все носят его? Кому здесь не нужен кислород?

Она распакивает пальто. Ее живот круглый.

— Пожалуйста, — всхлипывает она. — Я беременна.

Ей не может быть больше шестнадцати с ее стеклянными глазами-шариками. Ее куртка полностью промокла, волосы приклеились к лицу. Я не могу обокрасть беременную девушку. Так низко я еще не опустился.

— Ты здесь не одна, — утверждаю я. Она кивает и бросает взгляд через плечо.

Не знаю, могу ли я доверять ей, но я перестал грести, чтобы позволить течению отнести меня к ней. Я бросаю ей канат, и она туго привязывает лодку обратно к якорной стоянке.

— Спасибо, — говорит она, как раз тогда, когда парень ее возраста показывается на лестнице. На нем нет аппарата для дыхания, и он дышит, как сумасшедший. Когда он подходит ближе, я бросаю ему бутылку из лодки.

Он ловит ее, прижимает маску к лицу и делает пару глубоких вдохов. На его опухшей нижней губе красуются две фиалки. Он выглядит как кто-то, с кем Сайлас познакомился бы.

— Вон из лодки, — говорит он.

Я больше не хочу рисковать: моя рука скользит в карман пальто и обхватывает пистолет.

— Вы - мятежники?

— Вон из лодки, — повторяет он. Я твердо держусь за столб, другая рука все еще на пистолете и выбираюсь на причал.

— Мне нужно двигаться в западном направлении, — объявляю я.

— Что тебе там нужно? Ты не выглядишь как Извергнутый. И ты также не принадлежишь к мятежникам, — говорит девушка. Она явно думает, что я выгляжу как полоумный.

— Мне нужно место под названием Секвойя.

Девушка продолжает смотреть на меня, а парень без всякого предупреждения лезет под куртку и выхватывает пистолет.

Я полностью выбит из колеи, поэтому хватаю свое оружие и целюсь им в девочку, действительно идиотское действие. Это же очевидно, что я не нажму на курок.

— Это, правда, необходимо, — говорю я.

— Кто ты? — рычит он.

— Я — Квинн. Я оставил свою подругу с умирающим ребенком одних в городе. Мне нужен доктор.

— Откуда ты знаешь о Секвойе?

— Мне кое-кто рассказал о ней в Роще, — говорю я.

— Вы собираетесь перестрелять друг друга? — спрашивает девушка и встает между нами.

— Отойди, Джо, — шипит парень. Он бы действительно убил бы меня, если решился бы.

— Мы тоже идем в Секвойю. Ты можешь пойти с нами, — она поворачивается к парню и подает ему знак опустить оружие, но он все равно держит его направленным на меня. — Он должен пойти с нами, — повторяет она.

— Твоя лиловая татуировка, — говорит парень. — Ты из касты премиум.

Я прикасаюсь к мочке уха.

— Раньше я был одним из них, — я снова убираю мой пистолет в пальто. — Теперь они думают, что я умер.

— Ах, так? — говорит он. — Обо мне они думают также, — Джо отходит в сторону, опускает оружие и неохотно протягивает мне руку. — Меня зовут Абель, — говорит он.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «РЕШЕНИЕ»

АЛИНА

Настойчивый стук в дверь хижины вырывает меня из сна. Я перекатываюсь на край кровати и открываю глаза.

— Хорошо выспалась? — спрашивает Макс. Он смотрит на мои босые ноги, а затем скользит ленивым взглядом по моему телу. Любому другому я бы за это влепила пощечину. Однако Макс — великан. А мы — только гости.

— Спасибо, хорошо, — я скрещиваю руки перед грудью и просто смотрю в ответ.

Он переводит взгляд от меня к другим.

— Ваня распорядилась о завтраке. Она хочет, чтобы вы поели с нами. Вам не стоило притаскивать ваших странных стариков. Ты еще помнишь дорогу к своей свите?

— Да, — говорю я, несмотря на то, что мои воспоминания вчера полностью затуманились. Макс ухмыляется и исчезает, а я быстро закрываю дверь, чтобы холод не проник вовнутрь, и не понимаю, то ли это ухаживание, то ли чистое одурачивание.

— Что за придурок, — Сайлас садится на кровать и потягивается.

Скоро уже все на ногах. Дориан и Зонг проводят пару минут около ящика с кислородом, пока Сайлас и я проверяем аппараты для дыхания.

— Я не доверяю им, — жалуется Мод. — Когда вы вернетесь назад, мы будем уже вариться в кастрюле, это я вам гарантирую. Здесь никто не любит таких, как мы.

— Вероятно, они просто не доверяют извергнутым, — говорю я. — Вчера Ваня намекнула на это. Но вы вместе с нами, и мы объясним им это. Не переживай, — Мод смотрит на меня пронизывающим взглядом.

Беа была той самой, которая ее спасла и которой она доверяла. Но знала ли она меня, знает ли, что может доверять мне точно также, потому что мы сейчас на одной стороне, а я не выдаю своих друзей.

Мы следуем по гравийной дорожке к главному корпусу. Часовой говорит в радиостанцию, а затем провожает нас.

Едва мы оказываемся внутри, мы передаем Сайласу бразды правления и проходим через темную прихожую и по ступенькам вверх, затем он останавливается и вытягивает палец.

— Здесь определенно была дверь, совершенно верно, — говорит он и хочет еще что-то добавить, когда приглушенный крик заставляет нас застыть.

Все волосы на моем теле приподнимаются.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Это выше, — шепчет Зонг.

— Тсс, дайте же подслушать, — я надеюсь, что теперь последует смех или еще лучше ничего. Но раздается еще один крик, только еще громче.

— Мы должны выяснить, откуда он доносится, — шепчет Сайлас.

— Мы не можем просто так бегать тут вокруг, — шипит Дориан.

— Так значит, нам лучше не слушать? — Сайлас подходит к нему.

Я кладу обоим ладонь на руку. Нас нельзя ругаться сейчас.

— Это еще ничего не значит, — говорю я Сайласу. — Но мы все равно должны посмотреть, только для надежности, — обращаюсь я персонально к Дориану.

Оба кивают, и мы следуем дальше вверх по лестнице. Наверху я нажимаю на несколько дверных ручек, одна из них, наконец, открывается. За ней есть еще одна тонкая лестница.

— Я останусь здесь, на стреме, — объяснил Дориан.

На самом верху мы оказываемся в коридоре с острым потолком, по углам господствует тьма, за исключением маленького света. На цыпочках мы подходим к нему, когда снова раздается крик. Перед дверью мы медлим.

— Мы действительно хотим знать? — шепчет Зонг.

Конечно, я не хочу этого знать. Я хочу, чтобы Секвойя оказалась нашим убежищем. Нашим домашним очагом. Но все же я медленно нажимаю на ручку.

Гортанный жалобный крик встречает нас и пропитанная потом девушка в белой рубашке.

Когда она нас видит, она снимает маску с лица и склоняется вперед, глаза прищурены, как будто она удивлена нашему появлению.

На ней маска для дыхания, и она дышит часто и прерывисто. На другом конце комнаты мужчина стоит к нам спиной.

Он не слышал, как мы вошли, но девочка не выдает нас. Пустое помещение чистое, светлое и в нем нет ничего, кроме кровати и рабочей доски на стене.

Девушка перекачивается на бок, хватается за живот и всхлипывает.

— Считай интервалы между схватками, — говорит мужчина, даже не повернувшись.

— Мне нужно что-то от боли, — умоляет она, и именно в этот момент мы отступаем. Не закрыв дверь, мы снова несемся вниз и почти летим кувырком в конце лестницы.

— Ну и? — спрашивает Дориан.

Сайлас смотрит вниз. Он выглядит так, как будто сейчас упадет. А девушка продолжает кричать от боли.

Когда мы наконец заходим в комнату Вани, она смотрит на каминные часы.

— У нас не принято поздно вставать, — говорит она хрипло. Макс сидит в розовом кресле. Его глаза направлены только на меня. Я выпрямляюсь.

— Мы заблудились, — говорит Сайлас.

— Ну, теперь все же вы здесь, — Ваня указывает на стол, на котором громоздится еда, мы садимся за него и налетаем на нее.

Выбор не такой огромный, как в Роше, нет хлеба и овощей, но есть целая куча синтетических блюд и различные сорта приготовленного картофеля.

Я отправляю в рот кучку чего-то в рот, которая выглядит, как обожженные отрасли и древесная кора. Соленые и довольно хрустящие.

— Вкусно? — ухмыляется Ваня. — Наша настоящая гордость.

— Чистый белок, — добавляет Макс.

— Вначале на кухне было несколько, а теперь у нас тысячи их, — говорит Ваня. — Мы выращиваем их в хижине совсем рядом с вашей. Тараканы, — я немедленно начинаю кашлять, и у меня практически начинается припадок удушья.

Еще никогда в жизни я не ела других живых существ. Собственно, я должна почувствовать отвращение, однако очень неловко я катаю насекомое по рту и пытаюсь представить живое животное. У него восемь ног? Крылья?

— Они выжили? — спрашивает Зонг. Он берет таракана и зажимает его между зубов, а затем жует.

— Мы выжили, — говорит Ваня. Она садится во главу стола, а Макс с другой стороны, прямо рядом со мной. Его нога прижата к моей, и я полностью сжимаюсь. — Вам было удобно в хижине? — спрашивает Ваня. Мы киваем. — И когда вы заблудились, то, вероятно, заметили две вещи.

— Да, — отвечает Сайлас. — Но я надеюсь, мы можем быть здесь полезными или, по крайней мере, научиться, чтобы стать таковыми.

— Ты будешь отличным приобретением, никаких сомнений, — говорит Ваня и прикасается к лицу Сайласа. Когда она снова откидывается назад, то отправляет таракана в рот, как будто она хотела его попробовать.

Лицо Сайласа горит, но он не защищается от флирта Вани, также как он никогда не защищался от настроения Петры и ее насилия. Подчинение — одна из вещей, которому нас научили в Роше.

— Почему он тебе нужен? — Ваня показывает на аппарат для дыхания. Теперь я краснею. Хотя я ничего не могу с этим сделать, я стыжусь своей потребности большого количества

кислорода. Я смотрю на свою тарелку.

— Сайлас и я жили в куполе и воровали отростки. Они все ее держат тридцать пять процентов чистого кислорода, поэтому процесс требует больше времени.

Ваня пьет глотками ее воду и подозрительно подглядывает за мной. И все же у меня остаются некоторые сомнения. Где деревья?

И почему никто не упоминает о девочке, которая в данный момент рождает ребенка? Разве это не хорошая причина для праздника? У меня плохое предчувствие, что за Секвойей скрывается больше, чем Ваня хочет нам сказать.

— И какое количество кислорода требуется вам сейчас? — спрашивает она.

— Двенадцать, — говорит Сайлас.

Я смотрю на свое уведомление, которое сейчас стоит на 14. — Двенадцать, — говорю я. Ваня издает необычный шум.

— Поверните вниз на десять, если понадобится больше, воспользуйтесь коробкой с кислородом. Вы же их видели?

— Как это работает? — спрашивает Зонг.

— В Роше не было ничего подобного, — добавляет Дориан.

— Я точно знаю, что было в Роше, а чего нет, — Ваня откидывается назад на стул. — Не делай вид, Дориан, как будто не узнал меня, так как я определенно узнала тебя. Ты был одним из лучших у Петры, словно Бог или что-то такое. При этом у нее не было в голове ничего кроме деревьев. Что-то такое скучное.

Злость разгорается во мне. Выращивание деревьев не было просто хобби, а наш ключ к свободе, к выживанию.

Мой протест практически срывается с языка, когда я чувствую на себе взгляд Сайласа. Он слегка качает головой, что было несложно заметить, если смотреть. Поэтому я держу рот на замке.

Дориан откладывает нож и вытирает руки о штаны.

— Мы думали, ты умерла, Ваня.

— Я выгляжу мертвой? — воркует она.

— Нет.

— Итак, рассказывайте: Петра до самого конца запрещала отношения? — кивает Сайлас. — Боже, как же скучно, — она поднимает стакан и улыбается. — Что тогда станет с человечеством? — ее улыбка могла бы стать шире, но в ее голосе слышно что-то серьезное.

— Почему ты покинула Рошу? — спрашивает Зонг.

— Сложно. Как во всех семьях, — говорит она. — Я бы с удовольствием рассказала вам подробности, но кто мне даст гарантии, что вы не шпионы? Возможно вас послала Роша или даже моя сестра, чтобы выкрасть моих людей. Или чтобы вы убили меня.

"Это было бы хорошо", — подумала я.

Сайлас наклоняет голову.

— Я уверяю тебя, Роши больше нет, — говорит он неторопливо.

— Что ж, позволь мне лично это перепроверить. Макс, будь так любезен.

Макс наполняет свой стакан и раскачивает его перед нашими носами так, что содержимое почти выплескивается.

— И что ты будешь делать с ними в это время?

Ваня потирает виски, как будто она ужасно устала. Затем она открывает один глаз и продолжает.

— Мы начинали сперва с препаратов железа с иммунной защитой и Эритропозтина*. (*один из гормонов почек. По химическому строению является гликопротеином. Используется, как лечебное средство)

— Эритропозтина? - спрашивает Зонг.

— Ничего, что разрешила бы Петра. Они увеличивают количество красных кровяных телец и снижают нашу потребность в кислороде, — объясняет Ваня.

— Допинг, — говорит Зонг.

Ваня поднимается и уходит от стола.

— Хорошо, тогда отправь их в поликлинику для тестов, — говорит она, поворачиваясь к нам спиной.

— Что за проверка? - спрашивает Сайлас.

— Вступительный экзамен, — говорит Макс. Его ухмылка выглядит пошло. — Все готовы?

— спрашивает он, вставая.

Мы не были готовы, но этот вопрос не требовал ответа.

БЕА

Три кремния, крышка от бутылки, металлическая значок и заколка. Я с брэнчанием я роняю их в колодец.

Шесть объектов, но я практически уверена, что мы здесь больше шести дней. Может быть, я пропустила один день. Неужели я столько проспала?

Джаз хочет только спать, больше ничего, и есть тоже больше не хочет.

Я возвращаюсь к ней, опускаю на колени и трогаю ее лоб. Он еще горячее, чем раньше, а для того, чтобы сбить температуру, у меня нет ничего кроме мокрой одежды, которую я кладу ей на лоб.

Я не решаюсь посмотреть на ее ногу. Последний раз она начала опухать. Как долго все будет так? Неделю? Дольше? Или уже слишком поздно?

— Квинн вернулся? — спрашивает она слабым голосом.

Я глажу ее по щеке и стараюсь говорить более спокойно.

— Квинн как всегда задерживается, но он придет. Сконцентрируйся на том, чтобы отдохнуть, — она смотрит на меня вверх и кривит рот, она — ребенок, не идиотка. — Могу я что-нибудь для тебя сделать? — спрашиваю я.

— Еще того лекарства, — она указывает на бутылку с алкоголем, которую я использовала, чтобы заглушить боль.

— У меня есть еще кое-что здесь, — я отламываю кусочек энергетического батончика и пытаюсь просунуть его ей между губ.

Она качает головой, и я хватаю бутылку. Пересилив отвращение, она делает глоток. Алкоголь не очень приятен на вкус, но он успокаивает ее.

Мой взгляд блуждает к источнику, если я пропустила пару дней, нас скоро спасут, наверное.

"Пожалуйста, дорогой Бог или святая земля, или что там еще, что любили люди снаружи, пожалуйста, помогите нам спастись.

Пожалуйста".

КВИНН

После нескольких часов беспокойного сна на рассвете мы отправляемся в сторону Секвойи. Джо и я гребем на одной лодке, а Абель на другой.

Мы боремся с течением и ветром, и уже через час мои руки адски горят, не говоря уже о той руке, которую я поранил вчера.

Мои штаны промокли от дождя и речной воды, и я уже собираюсь высказать все это, когда Абель кричит:

— Там наверху!

Он указывает на набережную, в то время как Джо сигнализирует ему, кивая, что поняла.

Абель причаливает на своей лодке, а затем помогает нам. Джо первая выходит на сушу, потягивается и стонет.

— У меня все болит, — говорит она.

— Я уже было подумал, что один, кто вымотался, — признаюсь я, выбираясь из лодки.

— Ветер слишком сильный. Легче пешком, — сообщает Абель.

Дома здесь меньше, и они меньше пострадали от действий министерств.

— Теперь я снова понимаю, где мы, — говорит Джо. На ее лице я могу прочитать, что Секвойя не далеко, также как и помощь для Джаз и Беа.

Абель прыгает назад в лодку и выбрасывает запасы на набережную.

— Почему вы так далеко от дома? — это первый вопрос, который я задаю им, и если подумать о том, что вообще крутится в моей голове, еще довольно безвредный.

— Я был на задании, — объясняет Абель по-деловому. — Как шпион. Но все пошло не так, как планировалось.

— Ты шпионил в Куполе?

— Для мятежников, но я был в Куполе. Я надеялся добраться в Рощу, но министерство поймало меня и избили меня до полусмерти, — он прикоснулся к лицу и покосился без особых эмоций на мою татуированную мочку уха. — Если бы не началось восстание, я был бы, наверное, мертв. Это был самый настоящий хаос и один высокопоставленный тип отвел меня к задней двери и вытолкнул меня наружу, так как считал, что я задохнусь, — его взгляд падает на Джо, и она улыбается.

Хорошее чувство, что минимум один человек извлек пользу от восстания, и я охотно доверил бы ему, что я в ответе за это. Но слишком много людей потеряли жизни благодаря мне, поэтому я остаюсь безмолвным.

— Я убежала из Секвойи, — неспешно объясняет Джо. — Я искала Рощу, также как Абель, едва он попал наружу. Там мы встретились. Среди руин. Я слышала, что планировала Петра. Мне очень жаль, что она умерла, — я никогда не расскажу ей, что за адской женщиной была Петра.

— И теперь Секвойя остается следующим лучшим вариантом, — говорю я. Почему она

убежала?

— Следующим, — исправляет она. — Там есть кислород, есть врачи, и это нужно мне. Когда я вернусь, меня накажут. Из Секвойи никто не уходит. Они не понимают шуток.

— Я согласен, — говорит Абель. Он влезает назад на причал, копается в рюкзаке и вынимает запас белка, который он разламывает и делит среди нас.

— У тебя из-за этого проблема? — спрашиваю я и указываю на живот. Она смотрит на него вниз.

— В какой-то мере.

— Может, пойдём? — кричит Абель.

Мы снова идем быстрым шагом вдоль побережья, по узкой дороге и среди сотни ржавых машин, которые установлены у ворот аккуратными рядами.

Мы двигаемся до широкой улицы, абсолютно свободной: нет никаких фонарных столбов или опрокинутых автобусов. Абель сбавляет шаг, Джо и я медленно следуем за ним.

— Абель — отец ребенка? — спрашиваю я, когда он оказывается вне зоны слышимости.

— Абель? Нет, — она набирает воздух в легкие. — Отец в Секвойе. Он — порядочная свинья.

— Как и большинство отцов, — говорю я.

Джо внезапно останавливается и хватается за руку.

— Это не шутка. Если ты спутаешь планы Макса, он убьет тебя.

Она отпускает меня и идет быстрее, чтобы догнать Абеля. Я смотрю им вслед и немного завидую им.

Мне не хватает Беа

ОСКАР

Улица — единая слякоть, украшенная блоками цемента. Осколки стекла и деформированный металлический столб. Я бы сфотографировал эти детали, но сейчас не время для художественных дум.

Едва Джад исчез, я позволил себе насладиться уединенностью. Я еще никогда не был один. Никогда мне не было так хорошо.

И было прекрасно: чувствовать свободу и небо. В Куполе сложно найти уединение от кого-либо, не далее чем на расстояние руки.

Но теперь я уже злоупотребляю этим чувством, хотя я всего один день нахожусь в одиночестве. На самом деле Пустошь не такое уж и мирное место, скорее кладбище.

Нет ничего, кроме человеческих костей, и всюду признаки упадка: разрушающиеся матрасы, помятые чайники, высохшие руки и сморщенные пни.

Смешно пытаться прятаться здесь. Как я смогу дышать здесь, если мой баллон опустеет? Как я должен питаться? С кем говорить? Через несколько месяцев я либо сошел бы с ума, либо бы умер.

Поэтому я ищу Квинна, так как он — мой единственный шанс выжить. Пусть и как второй.

Это будет гораздо лучше, чем смерть.

Это должно быть лучше, чем смерть.

Или все же нет?

АЛИНА

Медсестра, к которой меня послали, выглядит так, будто ее искусственно вытянули, сделав высокой и сухой. Даже ее нос необычно посажен.

Она протягивает мне бокал и три таблетки: белая овальная и две крохотные красные пилюли.

— Глотай, — приказывает она.

— Что это?

— Это действительно предписано.

Я пью воду и делаю вид, что выпиваю таблетки, пока тайком сразу убираю их под язык, а затем сразу выплевываю в руку, когда сестра поворачивается. И сую в карман брюк.

— Вот сюда, — говорит она. Я забираюсь на стол и ложусь. Она завязывает резиновую тесьму вокруг руки и подает мне маленький мяч. — Сжимай, — приказывает она.

Она несколько раз хлопает по вене, а затем, прежде чем я успеваю среагировать, втыкает в меня иглу. Я вскакиваю и подавляю крик протеста.

— Перестань дергаться, — зло ругается она, после чего она расслабляет шнур и наполняет ампулу кровью.

Когда она, наконец, наполняет пять полных ампул, она разворачивается. Резиновые подошвы издают отвратительный звук от трения по полу, когда она убирает мою кров в колбах в холодильник. Затем открывает шкаф и достает бутылочку с прозрачной жидкостью.

— А теперь усилитель, — она встряхивает бутылочку, втыкает иглу в крышку и наполняет шприц, затем несколько раз ударяет по нему пальцем.

Она осматривает прозрачную каплю, которая стекает с конца иглы. Это должно быть шприц с эритропозитином, который повысит количество красных кровяных телец и снизит наше потребление кислорода.

Точная противоположность обязательным прививкам, которые нам делали в Куполе, но для меня у них нет различий. Я не хочу прививаться. Не здесь. И нигде в другом месте тоже.

Я думаю просто отказаться, что не ускользает от внимания медсестры, о чем говорит ее пристальный взгляд поверх очков.

— Какие-то проблемы? — она протирает мою руку спиртом, я закрываю глаза, и она втыкает иглу.

Надеюсь это все, думаю я, опираясь на локти. Но не тут-то было. Улыбаясь, медсестра бросает мне колючее одеяло.

— Сними все ниже пояса и положи это под бедра. Я скоро вернусь, — она закрывает за собой дверь и исчезает.

Я смотрю на одеяло, затем на набор необычных инструментов на столе, встаю и брожу по небольшой лаборатории.

Мысль о том, что кто-то посторонний будет ощупывать нижнюю часть живота, была во всех отношениях унижительной. И дело не только в том, что я боялась того, что медсестра будет на меня глазеть и запихивать в меня какие-то предметы или что-нибудь выскабливать. Мои волосы пахнут так, как будто кого-то на них стошнило. Мои ноги тоже пахли, когда я вчера

сняла сапоги. Не хочу даже думать о том, как пахнут остальные части тела.

Я не плакса, но впервые за долгое время я чувствую, что мне щиплет глаза. Я тру их, но это не помогает. Тогда я даю сама себе пощечину. Именно это мне и нужно было.

— Приди в себя, Алина, — говорю я себе.

Я бросаю сапоги в угол комнаты и внимательно смотрю на мои растянутые и влажные носки, которые я не буду снимать. Я вылезаю из штанов и трусов и швыряю их к сапогам.

Дверь открывается. Я запрыгиваю на стол и натягиваю одеяло на ноги.

Медсестра хватает маску с рабочей поверхности и натягивает ее на рот и нос. Это не кислородная маска, а просто защита от возбудителей болезни. В моих и, прежде всего, в ее интересах.

Она садится на табуретку и поправляет установленные на столе пластины.

— Просунь туда ноги и ляг на спину.

— Зачем это? — спрашиваю я. — Анализ крови выдаст вам все, что вы нужно знать. Я переносчик болезни, если вы это имеете в виду. Вы знаете, я из Купола. Там постоянно проводят профилактические обследования. Я чистая.

Медсестра гримасничает.

— Чистой я бы тебя сейчас не назвала. Ложись уже.

Я продолжаю сидеть.

— Зачем это?

Она неодобрительно щелкает языком.

— Может, мне позвать Ваню, чтобы она тебе по буквам продиктовала? Или лучше Макса?

Я трясую головой. Чего доброго они еще захотят присутствовать при осмотре. Нет уж, спасибо.

Я ложусь.

— Подвинь попу вниз до самого края, — говорит медсестра. Она поднимает одеяло и раздвигает мои колени. — Сейчас будет немного давить, — говорит она. Но это — не давление, это — боль, как будто меня разрезали.

Я цепляюсь за край стола и гужу я под нос. "Все в порядке", — успокаиваю я себя. "Это же не убьет тебя".

Через мгновение она снова натягивает одеяло на ноги и освобождает меня от накладок.

— Ты можешь встать.

На шатких ногах я оборачиваю одеяло вокруг бедер, что-то вроде фартука, и опираюсь на рабочую поверхность, зажав голову между локтями. Странное чувство — эта беспомощность, и в тоже время не совсем приятное.

— Заключительный вопрос: начало последнего периода? — она снимает латексные перчатки с рук и бросает их в мусор, пока я спешно натягиваю трусы.

У меня огромное искушение выдать ей что-нибудь, так как ее это совершенно не касается, но я могу так же плохо оценить эти исследования, как и последовательности, которые они хотят получить из результатов. Поэтому я говорю правду.

— Девять дней назад, — я снова натягиваю брюки и сапоги.

Она кивает.

— Как долго длились?

— Шесть дней, — говорю я.

Она записывает дату в старый Pad и открывает дверь.

— Иди в комнату 28. Сначала вниз, первый поворот налево и затем четвертая дверь справа, — зевая, она демонстрирует имеющуюся челюсть. — Тебе нужна тряпка для крови?

— Ах, оставь же меня в покое, — я захопываю за собой дверь лаборатории и ухожу.

Повернув налево, я чуть было не сталкиваюсь с Максом. Он смотрит на меня свысока, скрестив руки на груди, чтобы похвастаться своими мускулами.

— Закончилось обследование?

Я краснею.

— Да.

Он улыбается сжатыми губами и убирает мне за ухо выбившуюся прядь волос. Я вздрагиваю и ненавижу себя за то, что позволяю ему так легко поставить себя в неловкое положение.

— Ну, значит самое трудное уже позади. Bravo за выдержку.

Это сейчас был сарказм или нет? Он гладит мой подбородок, улыбается и уходит прочь. За поясом его брюк торчит пистолет.

А мы отдали наше оружие.

Я всматриваюсь в круглое окно комнаты 28. Внутри стоят письменные столы, а за ними Сайлас, Дориан и Зонг. Я проскальзываю внутрь, и все поворачиваются ко мне.

— Что вы тут делаете? — спрашиваю я.

— Какой-то письменный экзамен, — говорит Сайлас.

— Все же лучше, чем еще одно обследование, — говорит Дориан невозмутимо.

— Я боюсь, что нас прослушивают, — говорит Сайлас.

Зонг поднимается и осматривает стены, цокольные панели и каждый отдельный стол.

— Трудно сказать.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Сайлас. Я сжимаю руки.

— Все хорошо.

— Ты все смогла сыграть?

— Да, вплоть до проглатывания таблеток, — я хлопаю по карману и смотрю в пол. — Не важно, что насчет вас?

Сайлас, Дориан и Зонг обмениваются взглядами.

— Я не знаю, чем именно она тут занимается, но это не имеет ничего общего с Рощей, — говорит Сайлас. Зонг все еще проверяет под каждым столом и возится с розетками и кислородными коробками.

— Они хотят наши пробы, — продолжает Сайлас.

Моя челюсть падает вниз. Ему не нужно вдаваться в детали, что это должны быть за пробы, можно догадаться без труда ввиду моего обследования.

— Как мы должны предоставить их? — думает вслух Сайлас. — Вот так по команде.

— Я сделал, — добавляет Дориан прямо.

— Что? — спрашивает Сайлас.

— Мы же говорили, что сотрудничаем, итак я сотрудничал, — он потирает нос.

— Сотрудничать? — Сайлас сжимает челюсти, с трудом втягивая воздух. Он интенсивно чешет голову.

— Куда нам идти, если нас выкинут? Петра однажды бросила каждого из нас на несколько недель в клетку. Это сильно отличается? — спрашивает Дориан.

— Медсестра довольно основательно обследовала меня, — бормочу я. При этом я не могу никому смотреть в глаза.

— О, Алина, — стонет Сайлас.

— Это должно быть для кого-нибудь генного теста, — говорю я.

Зонг качает головой.

— Генетическую информацию получают из проб крови и этого им более чем достаточно.

— Чего тогда они хотят? — спрашиваю я.

Зонг делает глубокий вздох через нос.

— Я думаю... мне кажется, они хотят выяснить, насколько мы плодородны.

БЕА

Во время моего второго путешествия в аптеку я нашла несколько старых таблеток от боли, и теперь даю их Джаз каждые шесть часов, только помогают они или нет, не знаю. Даже во сне она тихо стонет.

— Я умру? — жалобно спрашивает она, когда наконец приходит в себя.

— Что? Глупость, — говорю я, но не совсем правдиво. Собственно, даже если Квинн и сможет найти Секвойю, ему нужно еще вернуться назад, а на это уйдут недели.

И еще больший страх охватывает меня, а надежды тускнеют. Каждый день немного меньше того единственного, что еще помогает мне держаться.

Для моих родителей я не могла больше ничего сделать, а теперь для Джаз.

Я пытаюсь избавиться от воспоминаний их безжизненно лежащих тел, в расплывающейся кровавой луже, когда толпа атаковала сцену.

А я могла только смотреть на матовое стекло старого Ватсона, далеко от того места, где была нужна. По крайней мере, я могла быть сейчас рядом с Джаз, показать силу и ждать, когда не произойдет ужасное или чудо.

Я укладываю голову Джаз на колени и напеваю грустную мелодию, так как никакая веселая не приходит на ум.

Собственно, это должно ее успокоить, но мне это также необходимо, если я не буду напевать, я расплачусь, а Джаз не должна это видеть.

— Ты устала? — спрашивает она и смотрит на меня вверх. Я еще крепче прижимаю ее голову к себе. Она испытывает такую боль, а переживает за меня. — Я постараюсь быть потише, тогда ты сможешь отдохнуть, — говорит она и стискивает зубы.

— Мне не нужно спать, — уверяю я ее. Рукой я глажу ее веснушчатое лицо, а другой хватаюсь за нож, но мои глаза уже горят от истощения. Мои плечи осунулись. Голова такая тяжелая. — Может, только на несколько минут, — говорю я.

— Беа! — настойчивый кашель Джаз вырывает меня из сна, который тут же забываю, когда

открываю глаза.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

— Я попыталась пошевелиться. Это была ошибка. Все еще болит, — она сидит и дрожит. Ее руки ледяные.

— Все хорошо. Расслабься, — я выдавливаю таблетку.

Было глупо с моей стороны всю мою жизнь посвятить изучению науки и философии и теории лучшей жизни, когда я могла учиться существованию в настоящем мире.

Если бы Алина была здесь. Она бы знала бы, что делать, и у Джаз наверняка был бы шанс.

Джаз отталкивает меня и вскрикивает. Из ее раны вытекает что-то желтое. Я наклоняюсь вперед, чтобы рассмотреть получше.

— Нет! Смотри-ка! — я слеую за ее указательным пальцем от ноги к куче, затем к облицованному полу вокзала до самой дельней точки, где появляется пара сапог.

Юноша.

Я протираю глаза, на случай если сплю. Затем я хватаю нож и подпрыгиваю, оглядываясь при этом вокруг.

Что еще я должна сделать? Если бы не было Джаз, я выронила бы нож и просто убежала бы. Но при данных условиях я просто размахиваю лезвием снова и снова.

— Держись подальше!

— Давай поговорим, — произносит парень. — Я просто хочу поговорить с тобой, — он опускает свой рюкзак и поднимает руки вверх. В одной руке у него пистолет. Джаз в панике вскрикивает. И я тоже.

АЛИНА

Едва мы заканчиваем с тестами и возвращаемся в хижину, как Мод приподнимает свои юбки. Ее колени кровоточат, руки обтянуты тиной.

— Что теперь скажешь, госпожа супермозг?

— Что случилось?

— Что значит «что случилось»? Где вы были весь день? — Мод ударяет меня в бедро, и Брюс быстро оттаскивает ее назад. Но с моими головными болями в мои планы не входил ответный удар.

— Она не имеет к этому отношения, Модди, — говорит Брюс. Мод стягивает сапоги и бросает их об стену, как раз около головы Сайласа.

— Они не проверяли вас? — спрашивает Сайлас, потирая веки.

Мы провели часы в этой грязной комнате, где нас проверяли на знания по математике, естествознания и логике, нам нужно было заполнить анкету, в которой указывали наши таланты и хобби. Никто из нас не показывал особенной энергии.

Брюс сидит на своей кровати и оттирает свои босые ноги от грязи.

— Едва вы ушли, мы натянули перчатки и копали, — говорит он.

— Никаких медицинских тестов? — спрашивает Дориан.

— Конечно, нет. Нет, если мои предположения верны, — говорит Зонг. Я хочу, чтобы он был неправ насчет плодородности, но как еще объяснить эти интимные исследования?

— Что они хотят знать? Что здесь происходит? — пищит Мод. — Я не хочу вкалывать на них. Жить как Извергнутый не просто, но, по крайней мере, тобой никто не командует.

Даже не постучав, Макс открывает дверь. Из-за падающего света виден только его выступающий силуэт.

— Ужин, — объявляет он заходя.

— Они оба измотаны, — говорю я, указывая жестом на Мод и Брюса. — Почему вы заставили их так надрываться? Они должны были медитировать и учиться приспосабливаться к низкому уровню кислорода. Вы хотите убить их?

Макс щурит глаза.

— Если бы мы хотели их убить, мы бы заставили их копать себе могилу, а не грядки.

Сайлас дергает меня за пуловер, чтобы предупредительно вернуть меня назад. Макс триумфально кивает и уходит.

— Я думаю, нам нужно поискать другое место для жизни, — предлагает Сайлас.

— Ты думаешь, что они дадут нам просто уйти, когда мы только пришли? Петра тоже не допустила бы этого.

Зонг делает глубокий вдох в кислородной коробке.

— И здесь отличная крепость. Они заново все построили, используя гальку и горную породу. Она может продержаться, — он стучит костяшками пальца по стене хижины, чтобы продемонстрировать ее стабильность.

— Знаете, что смешно? — говорит Брюс. — У них совершенно нет деревьев. Мы пересекли сегодня всю территорию вдоль поперек, в пять часов утра и ничего.

— Ни одного деревца? — спрашиваю я. В этом же нет никакого смысла. — Возможно, вы просто не видели их.

— Конечно. Дубы, Ольху и другие виды так легко не заметить, — иронизирует Мод.

— Может быть, они боятся, что деревья привлекут внимание министерства, — говорит Дориан и застегивает куртку.

— Откуда тогда берется воздух? — спрашивает Зонг.

— Теплица, — говорит Мод. — Убийственная вещь, за соседним зданием. Несколько маленьких деревьев. Яблони, груши в ряд. И много овощей. И кусты помидоров.

— Они вряд ли производят достаточно, — говорю я. Весь смысл нашего мятежа против министерства заключается в том, чтобы вернуть земле прежнее состояние. Хоть этот проект и займет тысячелетия, но мы должны с чего-то начать.

— Я предлагаю отложить дискуссию, пойдемте уже есть, — говорит Дориан. — Они уже определенно ждут.

Мы все киваем, соглашаясь. Теперь не время бросаться в глаза.

Кирпичные строения по-новому сооружались из старых стройматериалов. Мы заходим, как и все остальные, и ищем места в конце длинного стола, как можно дальше от площадки.

На столах нет ничего кроме бокалов и графинов с водой, но когда мы садимся, качающиеся двери распахиваются и служащие выносят сервированные подносы. Остальное остается за нами.

Другие становятся парами в очередь и получают свои законные сидячие места.

Я хочу уже встать, спеша быть послушной, когда молодой человек с копной кудрей

подсаживается ко мне, а затем и несколько девушек.

— Я вижу, что вы нашли стол для лузеров, —с меется парень. — Я — Терри, — он протягивает мне руку. — Вы можете снять маски. Здесь есть дополнительный воздух, чтобы было удобно есть.

— Алина, — я снимаю маску и пожимаю его руку.

Напротив меня сидит девушка с тонкими бровями и холодно-синими глазами, которая представляется как Урен. Вокруг ее головы тесно намотан черный платок, который полностью скрывает ее волосы.

— Такого еще не было, чтобы к нам пришла целая группа. Всегда были только одиночки. Ходит слух, что Роща была разрушена. Правда ли это? Как вы думаете, придут ли другие? — спрашивает она.

Мод перегибается через стол и хватает кусок пирога с тарелки. Терри предусмотрительно наполняет все бокалы для воды.

— Я сомневаюсь в этом, — говорит Сайлас. — Они все мертвы.

— О, — Урен опустошает ее бокал за один присест и подает его Терри, чтобы тот его снова наполнил. — Министерство хочет убить всех нас, что ли? Если бы спросили меня, то я бы ответила, что мы должны были бы сначала убить их, — взгляд Урен пересекается с моим. Терри и другие кивают, и я соглашаюсь. Если бы была возможность уничтожить министерство, я была бы очень в этом заинтересована.

С появлением Вани и Макса в столовой повисает молчание, и все поднимаются. Ваня занимает свое место в середине площадки, Макс рядом с ней.

Он ищет мой взгляд по всему помещению и подмигивает мне. Я намеренно не смотрю на него и концентрируюсь только на Ване.

— За жизнь! — выкрикивает она. Под общее ликование распределяются последние подносы.

— Мы еще не сказали спасибо, — говорит Зонг. Его тарелка нетронута. Вместо этого он пристально смотрит на остальных, которые уже давно начали.

— Просто ешь, — говорит Сайлас.

— Я не могу дважды за день не сказать спасибо... или, по крайней мере, напомнить, — говорит Зонг.

— Что он имеет в виду? — спрашивает Урен, любезно выставив напоказ содержимое полного рта.

Он думает, что мы должны осознать, откуда пришла еда, но мне это кажется не такой уж веской причиной для неприятного чувства.

— Ты же знаешь, что никто из нас не забыл Холли, — говорю я ему.

Я кладу ладонь на его руку и осторожно провожу по ней. После исчезновения Абея никто не сделал этого для меня, и мне очень этого не хватало этого маленького жеста тесной связи.

— Зонг прав, — мягко говорит Сайлас. — Мы должны придерживаться наших традиций.

— Мы благодарим землю, — говорит Зонг. Я откладываю столовые приборы, Сайлас и Дориан делают то же самое. Терри и Урен молча наблюдают. — Мы благодарим воду. Мы благодарим растения, деревья и корни. Листья. Фрукты и цветы. Мы благодарим наших попутчиков. Мы благодарим души тех, кто умер для нас. От имени земли мы предлагаем свои услуги в ваше расположение и преданность. Мы приветствуем, — я складываю ладони на уровне сердца и наклоняю голову.

— Да будет так, — заканчиваем мы хором.

— Это Вуду, или что? — смеется Урен.

— Мы просто снова доводим до нашего сознания то, что природа могущественнее, чем мы,
— объясняет Дориан.

Терри вытирает рот тыльной стороной руки.

— Но человечество стоит в самом центре, — нас трудно назвать человечеством.

— Вы уже знаете вашего партнера? — спрашивает Урен. Она облизывает губы.

— Урен, — шипит Терри как раз в тот момент, когда начинают шуметь на другом конце стола, и Ваня начинает махать и кричать.

— Охрана к воротам!

Все с испугом смотрят по сторонам.

Макс спрыгивает с площадки.

— Солдаты! — приказывает он. — К оружию! — он мчится мимо нашего стола к двери.

Пятьдесят мужчин с трудом поднимаются на ноги и галопом бегут позади него.

— Что там случилось? — спрашивает Сайлас, вскакивая.

— Кажется, у нас еще гости, — говорит Терри.

ОСКАР

Очень медленно и осторожно я подхожу к девушке с ножом и гиперактивным ребенком, пытаюсь рассмотреть их лица в полумраке.

Беа Виткрафт я узнаю даже через маску для дыхания. Хотя я никогда не встречал ее, ее лицо каждый день мелькало на экранах, так как она разыскивается.

Видеозаписи, конечно, не показывались. Мне пришлось лично попросить об этом секретаря из пресс-бюро, якобы ради любезности.

Я должен был знать, как это произошло, как хладнокровно были расстреляны свидетели, как родители Беа, например.

И теперь они называют Беа террористкой, даже если она выглядит как извергнутая. На полу валяются пустые бутылки и кровавые куски ткани.

— Я могу вам помочь?

Беа размахивает ножом.

— Что ты здесь ищешь?

— Зачем ты спрашиваешь? Закали его, — бормочет ребенок. Она ужасно бледная и, кажется, не может оторваться от пола.

Одна ее штанина разорвана. На плитке вокруг видны следы запекшейся крови. Она плачет, и по лицу Беи тоже течет слеза.

— Я ничего вам не сделаю, — уверяю я. — Я просто услышал шум, не более. Я хотел только проверить.

Ниам как-то жаловалась на то, что Квинн, как она выразилась, чрезмерно цепляется за Беа.

Теперь, когда я ее нашел, может и он не далеко.

Я убираю пистолет в сумку и осторожно приближаюсь. Беа вздрагивает при каждом шаге, и,

когда расстояние между нами не превышает вытянутой руки, она полностью цепенеет.

— Исчезни, — говорит она.

Она машет ножом всего в паре сантиметров от моего лица. Ее глаза широко распахнуты от страха, усталости, безумия, а может от всего сразу.

— Девочка тяжело ранена, — говорю я. Осторожно я убираю руку Беа, держащую нож, от моего лица. Но одним махом в мою сторону она так плотно прижимает острие ножа к моей шее, что царапает мне кожу.

Я не учел такой поворот событий. Отскочив назад, вытираю кровь. Она решительно вытягивает руку вперед.

— Проваливай, я сказала, — угрожает она.

Я бы мог с легкостью вырвать у нее нож, но так как она, возможно, может привести меня к Квинну, я должен завоевать ее доверие.

Я продолжаю держать дистанцию. Покопавшись в рюкзаке, я достаю фонарик, чтобы осветить ногу ребенка.

Нога покраснела и отекала, кожа натянулась, длинный порез пожелтел. Мой желудок дает о себе знать. Беа не сводит с меня глаз.

— Как давно у нее повреждена нога? — спрашиваю я.

— Не знаю. Может неделю?

Ее подбородок дрожит. Ребенок умрет в скором времени без медицинского вмешательства.

— Понятно, — говорю я. Я мог бы соврать, но на это у меня нет причины. — Я могу организовать вам помощь. Я — Оскар Кнавери.

Она смотрит на мочку моего уха и снова высоко держит нож. Черты ее лица окаменели.

— Твой отец убил моих родителей, — шипит она.

Я не могу этого отрицать, так как часто просматривал видеоматериалы. Поэтому я киваю.

Если она меня так ненавидит за преступление моего отца, то как бы она отреагировала, узнав, что я натворил при уничтожении роши?

Даже я сам не могу вынести мыслей о тех людях и деревьях, которые я вырубил.

Мы молча смотрим друг на друга, пока она, в конце концов, не задирает нос.

— Ты похож на отца, — говорит она.

Я часто это слышал, как комплимент, но она, сказав это, пытается меня оскорбить. Мне слышен даже скрежет ее зубов.

— Я знаю, — говорю я. — Но я не он. И мне правда очень жаль, что с тобой это произошло, — я говорю абсолютно спокойно, осторожно, в надежде, что она уловит искренность моих слов.

— Я полагаю, теперь ты хочешь вернуть меня обратно и позволишь меня повесить?

— Нет, я ищу кое-кого другого.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

— Кроме нас никого не осталось.

Я затаил дыхание.

— От чего не осталось? — спрашиваю я, хотя точно знаю, что сейчас последует.

— От Роши. От убежища, которое твой отец сравнивал с землей.

Когда мы покидали рощу, она уже была в состоянии разрушения. Но разве я не видел там выживших, спасающихся бегством? Или я обманываю сам себя в целях самозащиты? Мы их всех уничтожили? И людей, и деревья?

А Квинн? Где он находится?

Беа молча наблюдает за мной.

— Вообще-то, это отец Квинна отвечал за миссию, — осмеливаюсь я сказать.

— Квинн? — бормочет ребенок в полуобморочном состоянии. Беа заставляет ее замолчать.

Итак, маленькая знает Квинна, что могло бы значить, что он был здесь. И, возможно, вернется назад. Я наблюдаю за Беа еще пару мгновения, но ее лицо ничего не выдает.

Как я должен узнать, не познакомилась ли девочка с ним в Роще, когда он был пойман мятежниками?

Я снова копаюсь в рюкзаке и вытаскиваю упаковки пенициллина, выдавливаю одну таблетку и подаю ее ей.

— Антибиотик, — недоверчиво она смотрит на мою руку. — Если бы я хотел сделать ей больно, я бы воспользовался оружием, — говорю я. — Теперь убери, пожалуйста, нож.... пожалуйста.

Все еще держа нож в руке, Беа хватается за таблетки. Некоторое время я думаю обезоружить ее, тем не менее, сдерживаюсь.

Я роняю таблетки в ее руку и снова отступаю на несколько шагов. Она аккуратно приподнимает малышку и просовывает медикаменты между ее губами и заставляет ее сделать глоток из бутылки.

Девочка умудряется проглотить таблетки, прежде чем снова закатывает глаза. Она не выглядит на грани истощения.

Во время обучения нас предостерегали о террористах, и моя голова полна картинок широкоплечих парней с винтовками и гранатометами.

Я не представлял, что существует что-то столь жалостное: ребенок, которого провожает в последний путь девушка с впалыми щеками, которая сама борется за каждый вдох при помощи ее грязного прибора для дыхания на солнечных батареях.

— Я могу связаться с Куполом по рации, — говорю я. Я сомневаюсь, что Джад будет готов помочь в этом, но она же просто ребенок, которому нужно помочь.

Это самое малое после всего, что я сделал с ее домом. Ее родители тоже были в Роще? Оно тоже поглотило ее?

— Только попытайся вызвать кого-нибудь, и я зарежу тебя, — говорит Беа.

Я поднимаю руки вверх.

— Все понял.

Внезапно она взрывается: вскакивает и ударяет меня руками в грудь.

— Как ты можешь так говорить? Ты ничего не понимаешь!

Я пристально смотрю на нее и отклоняюсь назад.

— Мой отец тоже погиб во время восстания.

— Это нельзя сравнивать. Мои родители были хорошими людьми. Твой отец был... он был...

— Он был засранцем, — говорю я, и она моргает. Я выжидаю, так как не хочу говорить лишнего. — Но я хотел бы любить его больше.

В ее глазах появляются слезы.

— Если кого-то теряешь, всегда хотел бы любить его еще больше, — она трет глаза и пыхтит. А затем начинает реветь, прижав руки к лицу, чтобы сдержать всхлипывания.

Я никогда так не плакал. Моя мама провела бесчисленное количество дней в кровати, кашляя и стоная, до тех пор, пока однажды утром она не ушла, и шумы сменила тишина.

Один единственный раз я плакал по ней, очень тихо, один в моей комнате. Почему я не оказал ей последнюю честь и не горевал о ней правильно?

Я снова копаюсь в рюкзаке и вытаскиваю радиостанцию. Беа смотрит наверх.

— Нет, — говорит она, уже снова готовая напасть.

— Ты скоро будешь копать ей могилу, если она не попадет в больницу.

— Они убьют ее.

— Она и так умирает.

Беа жует губы.

Я поворачиваюсь.

— Куда ты идешь? — спрашивает она.

— Я не хочу, чтобы она проснулась и, вероятно, начала кричать, пока я говорю. Они должны верить, что я нашел определенного человека, — сопротивление Беа быстро тает. — Его зовут Джаз.

Шум мотора предупреждает об появлении автомобиля за несколько миль. Аккуратно Беа отделяет каждый палец Джаз, которыми она сжимала вокруг ее руки.

— Скоро тебе станет лучше, — говорит она так, будто она сама верит в это. Она одаривает ее коротким поцелуем в лоб и затем встает, чтобы собрать ее вещи. — Что ты им расскажешь?

— спрашивает она меня.

— Что нашел ее покинутую и ужасно напуганную, — Джаз кивает, чтобы показать, что она будет участвовать в игре. — Теперь найди себе убежище и не выходи, пока не услышишь, как уезжает внедорожник, — говорю я.

Беа обращается к Джаз.

— Ты совсем не такая глупая выпендрейка, как я думала, — она выдавливает из себя улыбку.

— Пока, — говорит Джаз. Она вынуждена сдерживать слезы. Беа тоже всхлипывает. Она снова кивает и исчезает в темноте.

Я смотрю ей вслед и несусь Джаз к обочине, где мы сидим, дрожа, под светящимся звездным небом и тонким месяцем.

Ее перевязанную ногу едва ли можно еще спасти, так как она уже так распухла. Надо надеяться, что, по крайней мере, она сама может спастись.

— Ты можешь представить себе, как люди жили здесь до ухудшения? Так много места, — говорю я скорее с самим собой, чем с Джаз, которая едва может держать глаза открытыми. Я прижимаю ее крепче. — Здесь путешествовали люди вдоль и поперек по всему свету. Никто не оставался только в своей стране. Теперь никуда не приходят иностранцы. Мы все пойманы. Пойманы в Куполе на этом гигантском острове. Вокруг все одинаково, — Джаз зажимает мой большой палец в руке и снова закрывает глаза, когда внедорожник светит из темноты яркими глазами прожекторами.

Я встаю, Джаз в моих руках. Внедорожник притормаживает и останавливается. Джаз выходит и останавливается перед капотом. В свете фар он остается тенью во мраке.

— Кто это? — ревет Джад. Вместо униформы на нем безвкусные брюки и старый пуловер, и выглядит он, как совершенно обычный рядовой человек. Отец. — Где Квинн?

— Я не видел его, — Ради КРЫСЫ Джад никогда бы не приехал сюда и поэтому я соврал по радиации, сказав, что нашел Квинна.

— Что за черт... — он прерывается, делает шаг вперед и поглядывает на Джаз. Он убирает ей волосы с лица. — Что я должен с ней делать?

— Ей нужен врач.

— Мы так не договаривались, — он разворачивается на каблуках.

— Я напал на след Квинна. И я принимаю твоё предложение. Я буду вторым, если это значит, что я больше не должен убивать невинных людей.

Джад снова разворачивается ко мне лицом.

— Это были не только невинные создания, — говорит он, глядя на Джаз, которая едва смогла ускользнуть от него. — И кто гарантирует мне, что ты говоришь мне правду?

— Я соврал о Квинне только для того, чтобы помочь ей. И я едва ли думаю, что найду ещё кого-либо нуждающегося в спасении, — говорю я, думая о Беа.

Он протягивает руки.

— Давай её сюда, — говорит он холодно и осматривает её ногу без заметных эмоций.

— С Ниам все в порядке? — спрашиваю я.

— Она все ещё страшно обижена. Она дочь своего отца, твоё сестра, — говорит он. — Ты, однако... мало получил от него.

— Нет, получил, и Квинн тоже ненамного похож на тебя, — он даже не может представить, что неожиданная забота о сыне сделала бы его теперь героем или чем-то подобным. Джад пристально смотрит на меня, пока Джаз вертится в его руках.

Я выхожу из яркого света прожектора, назад в темноту,

— Извергнутые здесь ничего не знают. Будь внимателен с ними, — говорит Джад на обратном пути к машине.

Осторожно он укладывает Джаз на заднее сидение и снова садится за руль. Он делает крутой разворот на гальке, и они уезжают.

Я возвращаюсь назад на вокзал.

— Беа, — кричу я. Через несколько минут она снова стоит передо мной и дрожит. Мне становится легко на сердце. Я уже боялся, что она убежала, так как я не выдержал бы долго в одиночестве здесь.

— Ты думаешь, она выдержит? — спрашивает она.

— Может быть, — говорю я.

Верхние кнопки на её пальто и рубашке расстегнуты, обнажив острые ключицы и белую кожу. Я подхожу к ней, и она протягивает руку.

— Спасибо, — говорит она. Я хватаю её за руку и пожимаю её, и, наконец, её рот изгибается в тонкой улыбке.

— Я рада, что ты нас нашёл, — говорит она.

— Я тоже.

АЛИНА

По команде Вани все продолжили есть, охрана контролирует всю территорию.

— Но что, если это министерство? Они бомбили Рошу. Почему бы не здесь? — говорю я. Это возможно, что здесь внутри не слышен шум Цыпов и гусениц танков?

— Нет ничего, что Макс не мог бы контролировать, — говорит Терри.

Он черпает ложкой какой-то белый порошок из миски и посыпает им дымящийся десерт, чтобы затем передать миску дальше, но мой живот бастует от напряжения.

Нигде не безопасно? Я полностью разбита, я не хочу больше бежать, я хотела бы остаться в Секвойе и назвать ее своим домом. Я требую слишком много?

Я энергично тру лицо, чтобы вырвать себя из бессмысленных дневных грез, когда внезапно в зале все снова приходит в движение.

Ваня встает, а Терри взбирается на площадку впереди, чтобы посмотреть самому. Затем он извергает радостный крик и бросается в постоянно увеличивающуюся толпу людей.

Внезапно весь зал взрывается в ликующих криках.

— Здесь нельзя просто поесть в тишине? — жалуется Мод и равнодушно жует дальше.

— Отойдите все, — кричит Ваня. Масса, покачиваясь, идет вперед, и первым на подиуме появляется Макс. В руке он держит оружие, в другой - маска для штурма. Ваня прижимает руку к его груди.

Он тащит за собой девушку. Когда она поворачивается в сторону, становится очевидно, что она должно быть беременна, по меньшей мере на седьмом месяце, хотя ей нет и пятнадцати.

Ее волосы грязные, одежда оборвана. Она все еще носит маску для дыхания, которые срывает Ваня и бросает на землю.

— Джо! — ревет кто-то за нашим столом.

— Добро пожаловать назад, — говорит Ваня под общие аплодисменты. — И очередному новоприбывшему. Тебе тоже добро пожаловать, — вторая фигура поднимается на подиум. Но этого же не может быть. Я кошусь на Сайласа, который кивает, даже не посмотрев на меня.

— Кто ты? — спрашивает Ваня.

— Квинн, — говорит он громко. Перед моими глазами все начинает сверкать. Почему он здесь? А где Беа?

— И еще один, — говорит Ваня, и еще один гость поднимается на подиум. Это Беа? Я закрываю глаза. Я не могу на это смотреть.

— Открой эти проклятые глаза, — Сайлас трясет меня. — Он жив, — и когда я вижу, что видит он, у меня останавливается дыхание.

Там на подиуме стоит не Беа, а Абель. Абель жив. Его взгляд скользит по залу, и наши глаза пересекаются. Его рот открывается.

Я сдержанно киваю ему, и он недоверчиво качает головой. Он был избит, об этом говорит покрытое желто-лиловыми пятнами лицо, но это он стоит там. Но министерство все же не убило его.

— Я не понимаю. Он все еще жив, черт возьми, — сквозь зубы говорит Сайлас.

— Да, — говорю я, вынуждено улыбаясь. Впервые, за долгое-долгое время я счастлива, все равно, что думают другие.

И тогда я понимаю, что Макс следит за взглядом Абеля. Он смотрит на Абеля, затем на меня. Абель и я. И, несмотря на то, что все зал празднует, Макс вытягивает лицо.

Он не особенно рад возвращению Абеля. Даже ни на чуточку.

Даже не сговариваясь, Сайлас и я решили держать при себе то, что знаем Абеля. Дориан снова забыл, что я рассказывала ему об Абеле в Роще.

— По крайней мере, он выжил, — шепчу я, когда мы снова в хижине. Сайлас умывает лицо холодной водой.

— Ты говоришь так, будто это хорошо, — отвечает он. Не напрасно: мы уже знаем, что Абель никогда не был мятежником с нами, обманул нас, но мотив остается загадкой. — И тебе не стоит радоваться слишком рано.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашиваю я.

— Только потому, что он вдруг появился из ни откуда, еще не значит, что это связано с тобой. Не потеряй снова голову, Алина.

Я согласно киваю, и Сайлас неуклюже хлопает меня по спине, растягивается на кровати и натягивает одеяло до самых плеч. Но Мод в панике.

— Если Квинн здесь, где тогда находится Беа? — хочет она знать.

— Завтра утром мы все выясним, — успокаиваю я ее, и нехотя она ложится в кровать.

В моей голове все перемешалось, о сне не было и речи. Не раньше, пока не узнаю, что запланировал Абель, как Квинн пришел сюда и что случилось с Беа.

Я лежу без сна и внимательно слушаю единодушное перешептывание Мод и Брюса. Дориан лежит в кровати рядом со мной, бормочет что-то сам себе под нос, кашляет и беспокойно ворочается. От Сайласа и Зонг я ничего не слышу.

Я скидываю ноги с кровати, надеваю носки и брюки и через несколько секунд выскальзываю из дверей.

Хижина, соседнее здание и главный дом погружены в темноту, но едва я выхожу на гравийную дорожку, включается яркий свет.

Вооруженная девушка подходит ко мне. Она не направляет на меня огнестрельное оружие, а только перекрывает дорогу.

— Куда собралась? — спрашивает она и приближается. — А, так ты из новеньких. Кто-то должен был тебе сказать, что вы должны оставаться ночью внутри.

— Я не знала этого, — отвечаю я, стараясь по возможности казаться глупой.

— Ну, теперь знаешь.

— Где Абель и Квинн? — спрашиваю я.

Она коротко смотрит на главный корпус.

— Абель, вероятно, в его старой комнате. А этого Квинна я не знаю, — стволом винтовки она указывает на мою хижину.

Я осторожно шаркаю ногами назад. Едва она отворачивается, я бегу со всех ног к главному зданию. Яркий свет тускнеет, и вокруг меня становится очень темно.

Я обхожу вокруг главного здания, чтобы нащупать вход, однако все двери заперты. За углом, на скамейке сидит юная стражница и читает с карманным фонариком старую бумажную книгу.

Она быстро осматривается, поведив световым конусом, и хладнокровно читает дальше. Из

двери позади нее выходит еще один охранник.

— Уже так поздно? — спрашивает первая, прячет книгу в куртке и выпрямляется.

— Приглашаю тебя сердечно принять мою смену, — говорит вторая. Они смеются. — Что-нибудь произошло?

— Достаточно тихо. Кто-то из новеньких прибежал прямо ко мне в руки, сейчас снова в кровати.

— Который?

— Девушка, на которую Макс положил глаз. Я бы не хотела оказаться в ее шкуре.

— Правда нет? Я тоже, — они обе продолжают смеяться и идут, болтая за хозяйственными постройками. К тому же они зажгли прожектор, и тотчас всюду стало светло. Я смотрю им вслед и пробую не думать о том, что может значить, что у Макса проснулся ко мне интерес.

Дверь, из которой вышла страж, а стоит открытой, но оба стражника находятся на расстоянии менее 15 метров и уже собираются идти назад. Несмотря на это я торопливо бегу по двору, проскальзываю в дверь и чуть не ломаю себе шею на стертых лестничных ступенях.

Я поднимаюсь и, шатаюсь, иду по бесконечному коридору до следующей двери. Она открывается с отчетливо слышимым скрипом, и я втягиваю голову, входя вовнутрь.

За дверью следует широкий коридор, с обеих сторон обрамленный дверями. Крадась мимо дверей, я читаю таблички. Амбулаторная, научно-исследовательская лаборатория, 4 -научно-исследовательская лаборатория, 5- скрининг- библиотека.

Я бегу по ступеням вверх до тех пор, пока не обнаруживаю комнаты без табличек. Должно быть, это спальни.

Сидя на корточках, я прикладываю ухо к первой замочной скважине, чтобы услышать движения или знакомый голос. Однако дом остается погруженным в тишину.

Я проверяю вторую дверь. Таким образом, я продвигаюсь вперед, дверь за дверью. Несколько секунд прислушиваюсь и иду дальше.

Добравшись до конца коридора, я прослушала 20 дверей. Я прислоняюсь к стене и вдруг кажусь себе такой глупой. Как именно я себе это представляла?

Только я собралась возвращаться назад, как вдруг слышу звук разбивающегося стекла. Окаменев от страха, я уже жду появления мигающих огней и сигнальных сирен, но все-таки беру себя в руки и убегаю по коридору.

Прошмыгнув за угол, я со всей силы сталкиваюсь с кем-то, кто бежал мне навстречу с другой стороны. Мы падаем на пол, однако я первой поднимаюсь на ноги и сжимаю кулаки.

Он поднимает глаза и поправляет кислородную маску.

—Квинн?

—Алина?

Я помогаю ему встать.

— Что ты делаешь в Секвойе?

— Ищу вас, — шепчет он. Такое впечатление, что ему хочется меня обнять, но затем он все-таки передумывает. — Джаз неудачно упала. Мы должны вернуться и помочь ей.

— Джаз? — Верится с трудом. Во время нашего побега роща находилась в стадии разрушения. Джаз забралась на дерево, которое было полностью покрыто ядовитой пеной.

— Да, — уверяет он поспешно. В одной из ближайших комнат кто-то кашляет. Квинн дает

мне понять, что я должна следовать за ним. На цыпочках мы крадемся вниз по коридору и незаметно пробираемся в одну из комнат.

Он указывает на пол, на котором блестят осколки стекла.

— Осторожно, я опрокинул табуретку и при этом разбил стакан с водой, — окно стоит настежь открыто. Занавески не задвинуты, но луна, покрытая облаками, светит бледным светом.

В углу стоит кровать, рядом опрокинутая табуретка. Пронизывающий ветер хлещет развевающиеся занавески об стену.

— Что ты собираешься делать? — Я указываю на открытое окно.

— Ищу путь наружу. Я думал, что так никто меня не увидит. Выглядит, однако, как отличный способ сломать себе шею, — мы вместе заглядываем за карниз.

Три этажа вниз до мостовой.

— Мы должны отсюда уйти, — говорит он и выглядит так, будто целую вечность не спал и не ел, это даже отдалено не тот юноша, с которым я недавно познакомилась в очереди на прививку.

Как может все так быстро измениться? Собственно непостижимо.

— Где Беа?

— Она следит за Джаз. А Сайлас здесь? Ты думаешь, он пойдет с нами? Он нам понадобится. Узел в моем желудке растворяется.

— Я знала, что Беа справится, — говорю я.

— Но если мы в скором времени не будем с ней, то она пропадет. И Джаз тоже, — он смотрит из окна, как будто раздумывая над тем, что прыжок вниз была бы все-таки не такая уж плохая идея.

Я прижимаю его к кровати заставляю все мне рассказать, начиная с того момента, когда он покинул Рошу и до его прибытия в Секвойю.

Он постоянно путается, пересказывает важные детали так, что мне постоянно приходится переспрашивать и заставлять его объяснять.

— Теперь мы можем идти? — Спрашивает он, в конце концов.

— Может, Ваня нам поможет? — Говорю я.

Он чешет голову.

— Я пытался недавно ей рассказать, но она только как-то странно улыбалась. Что-то с этой улыбкой не в порядке, Алина. После того, что Петра со мной провернула, я больше не хочу никому бросать вызов.

Я пытаюсь его успокоить.

— Завтра мы еще раз поговорим с ней.

— Что это здесь вообще такое? Я не видел ни одного дерева, — говорит он.

Пару недель назад он даже внимания на это не обратил бы. Если даже Квинну удалось так измениться, то надежда сохраняется и для всех нас.

— Я тоже не совсем понимаю, что здесь творится, но Купол кажется в сравнении с этим не таким уж плохим, — смеюсь я.

Квинн внимательно смотрит на меня.

— Это что, шутка?

Я качаю головой, потому что это не шутка. Как раз наоборот.

— Я тебе обещаю, мы добьемся от Вани хоть какой-нибудь поддержки, — повторяю я.

— А что с Беа?

— У нее есть воздух и вода? — спрашиваю я

— Да, — говорит он, — но...

— Речь идет об одной единственной ночи, — уверяю я его, хотя в одну ночь может произойти все что угодно.

Я иду к двери.

— Как ты встретил Абея? — спрашиваю я, положив руку на дверную ручку.

— Чистая случайность. Ты его знаешь?

— Немного. Это он отец ребенка?

— По словам Джо, нет. С какой стати?

Меня накрывает волна облегчения вместе со стыдом за то, что я тратила свои мысли на это тогда, когда у нас есть другие, более важные заботы.

В главном здании все еще темно. Я пробираюсь медленно вниз по коридору и уже собираюсь спуститься на нижний этаж, как вдруг раздается грохот.

— Ты делаешь мне больно, — кричит чей-то голос.

Я наклоняюсь осторожно через перила и смотрю сверху на 2 головы. Это Макс и Джо. Она пытается вырваться из его хватки.

— Ваня выделила мне другую комнату. Почему ты не можешь просто оставить меня в покое?

— Ты высмеяла меня, — говорит он вне себя от злости. Джо вся сжимается.

— Позволь мне спать одной, Макс, пожалуйста, — говорит она.

— А как мне узнать, не исчезнешь ли ты завтра снова? Думаешь, я еще хоть раз спущу с тебя глаз? Ты пойдешь со мной!

— Я не твоя собственность, — говорит она. Она вырывает свою руку и отходит назад. На ней тонкая ночная сорочка, на ногах нет обуви.

Ни слова не говоря, Макс отвешивает Джо пощечину. Она лежит, скорчившись на полу.

— Но ты носишь собственность Вани в себе. Это значит, ты принадлежишь Секвойе и мне. Думаешь, я не знаю почему, ты убежала?

Она поднимает взгляд на него и замечает меня, до того как я успеваю нагнуться.

Однако же она меня не выдает, а только протягивает руки, чтобы Макс помог ей подняться.

— Извини, — говорит она. Она кладет руку на грудь Макса, встает на цыпочки и целует его в губы. — Я так боялась. Как продвигаются дела с опытами? Младенцы в порядке?

— Он тебя не хочет. Это чтобы ты знала, — говорит он и хватается ее подбородок большим и указательным пальцем. — Я или никто, Джо.

Она позволяет ему увести себя за руку, предварительно бросив мне предупреждающий взгляд. Как будто это еще было необходимо.

Перед дверью я не обнаруживаю охраны, только пустой стул и рядом на полу стакан. Я незаметно пробираюсь в ночи наружу, обратно в хижину.

— Где ты была, черт побери? — спрашивает Сайлас, в то время как я в полном обмундировании забираюсь в кровать.

Брюс и Мод все еще храпят. Зонг лежит с открытым ртом как покойник. Дориан повернулся ко мне спиной.

— Квинн говорит, что Беа и Джаз в затруднительном положении, — говорю я.

— Джаз еще жива? — спрашивает Сайлас.

— Несколько дней назад была жива.

БЕА

Оскар и я сидим на потрескавшихся кожаных креслах под толстым слоем одеял, шалей и пальто на балконе бывшего вокзального ресторана.

Руины вокруг открывают вид на восход солнца. Оскар показывает мне расплывшуюся фотографию на Pad.

— Ты не хочешь более сфокусированную фотографию? — спрашиваю я.

Я закручиваю вентиль моего кислородного баллона. Было бы умнее и далее пользоваться аппаратом на солнечных батареях, чтобы сэкономить кислород, но гигантская машина просто не могла протиснуться в узкую балконную дверь.

— Для меня важны цвета. Я обработаю ее, когда вернусь, — он медлит. — Можно сделать одну с тобой?

— Зачем?

— Чтобы я мог передать ее потом министерству и получить мешок с вознаграждением. Ты — дорогой улов, — он смеется, но зерно правды заставляет меня автоматически смотреть в сторону. Так как это уже происходило.

— Удали ее! — я пытаюсь отнять у него Pad.

— Нет, — говорит он.

— Что, если кто-нибудь посмотрит и узнает меня?

— Она такая же не четкая, как и все остальные. И, кроме того, никакую свинью не заинтересуют фотографии художника, — он смотрит на фото, а затем на меня во плоти. — Почему ты в Пустоши, Беа? — спрашивает он.

— Так как твой отец хотел поймать меня, живой или мертвой, уже не помнишь?

— Но почему ты вообще присоединилась к мятежникам? Для вторых и правда так невыносимо в Куполе? — спрашивает он. Типичный Премиум. Каким надо быть слепым и сосредоточенным только на себе, чтобы совершенно не замечать, как живут остальные девяносто пять процентов?

— Ты вообще бывал в Зоне 3?

— Пару раз, — говорит он стыдливо.

— Если бы я могла хоть как-то достучаться до вас, я бы сделала это, — говорю я.

Он молчит довольно долго, уткнувшись в свои фотографии.

— Должен быть способ, чтобы все были равны. Ну да, нет ничего невозможного, — высказывает он наконец.

— Ты можешь попытаться достичь чего-то в Куполе. Я больше туда ни ногой. И кроме того я

кое-кого жду, — я все еще не упомянула о Квинне.

Министерство считает его мертвым, и никто не должен предполагать обратное.

Оскар пристально смотрит вдаль, затем закрывает глаза. Его веки подергиваются. Сон убаюкивает его. Однако затем он открывает один глаз и направляет его на меня.

— Ты тоже хочешь спать или хочешь просто на меня смотреть?

Мои щеки становятся красными.

— Здесь, на улице? Сегодня ниже нуля.

Он вытаскивает из рюкзака легкое одеяло и кидает его мне.

— Попробуй укрыться.

Я натягиваю одеяло выше подбородка и подгибаю ноги под зад.

— Лучше? — спрашивает он. Я киваю и закрываю глаза.

Оскар будит меня.

— Беа, вставай, — шепчет он. — Беа.

Я зеваю.

— Как долго я спала?

— Сейчас это совершенно не важно. Шевелись!

— Что случилось?

Я хотела сначала встать на ноги и потянуться, но он держит меня, обхватив за бедра. Поэтому у меня ничего не получилось.

— Так они могут тебя увидеть, — говорит он.

Я соскальзываю с кресла на пол балкона.

— Они из министерства?

Оскар качает головой.

— Без понятия, кто это. Должно быть, они нас обнаружили.

Вдруг мне становится не так холодно. Я чувствую легкость в болящем теле. Должно быть, это Квинн и Алина, и кто-нибудь из Секвойи пришли, чтобы меня спасти.

— Наконец- то они здесь, — говорю я и пытаюсь выплунуть на улицу.

— Готов поспорить, это не тот, кто нам нужен, — говорит он. — Туда.

Нехотя я проскальзываю следом за ним через балконную дверь в ресторан, где стоит дюжина других кресел.

— Нагни голову, — говорит он и наклоняется сам. Мы приближаемся к окну.

— Уж не их ли ты ждешь?- спрашивает он.

Через испачканное стекло почти невозможно что-либо разглядеть. Я вытираю его рукавом и прижимаюсь к стеклу лицом. Трое бородатых, оборванных мужчин прочесывают вокзал.

Все носят оружие: навозные вилы, бейсбольную биту, и большую металлическую трубу. На спине они таскают огромные солнечные дыхательные аппараты.

— Отверженные, — говорит Оскар. Он вытаскивает свое огнестрельное оружие и заряжает его горсткой патронов.

— Что это значит? Это не монстры.

Во всяком случае, не Мод и не те, которые согласно Джаз, помогали защищать Рошу.

Я хочу выхватить у Оскара оружие, но он так сильно толкает меня, что я падаю на руку и подворачиваю ее. Я стону, но в ответ не получаю ни извинения, ни руку помощи.

— Тсс! — он находит выбитое стекло и целится.

— Пожалуйста, дай им шанс, — говорю я.

Я ползу к окну. Трое мужчин обходят вокзал, пристально смотря наверх.

— Они однозначно воинственно настроены. Не будь такой наивной, Беа, — его снисходительный тон приводит меня в ярость.

— И двух секунд не прошло, как ты покинул Купол, а уже считаешь себя экспертом. Смотри сюда, тебе есть чему поучиться.

— Куда ты собралась? Вернись! Сейчас же вернись!

Быстрым шагом я выхожу из ресторана. Иду вниз по лестнице на улицу и останавливаюсь рядом с входом.

Только я собралась заговорить с одним из них, как тот, что с бейсбольной битой, поворачивается спиной к вокзалу.

— Эй, Brent, ты уверен, что это тот дом? Я не слышу ни звука.

Шаркая ногами, он уходит на другую сторону улицы и облакачивается на небольшой грузовик.

— Расслабься Ёрл, там внутри есть живые, сто процентов. Прошлой ночью я слышал визг.

— Без разницы, в случае чего скормлю тебя.

Brent наносит Ёрлу удар металлической трубой по груди и злорадно смеется. Даже отсюда я могу видеть его черную челюсть. Ёрл быстро приходит в себя и бьет бейсбольной битой по колену Brenta.

— Смотри, а то получишь пару пробных ударов по черепу.

Это не выглядит хвастовством. Они бы действительно с превеликим удовольствием друг друга линчевали.

Это была моя ошибка.

Я ухожу с улицы внутрь вокзала и вдруг замечаю третьего с вилами в руках, стоящего позади меня и таранившего глаза.

— Ты посмотри, кто тут у нас такой хорошенький, — говорит он и потирает себе живот.

Он замахивается на меня, но я стремительно уклоняюсь в сторону. К счастью он оголодал, несет тяжелый солнечный прибор на спине, да и просто не достаточно ловкий. Я несусь вверх по ступеням в ресторан.

— Оскар! Оскар? — ору я.

Но его уже нет.

— Спускайся вниз, глупая баба, — ревет один из них. Остальные тоже кричат.

Я прыгаю через сломанные кресла, перевернутые столы, разбитые тарелки и стаканы и бросаюсь к кухонной двери, но она не поддается.

Что-то блокирует ее с другой стороны. Взглядом я блуждаю по ресторану. Никакого укрытия нет и в помине. Остается только прыгать с балкона.

Мне попадает разбитая бутылка, которую я хватаю за горлышко, в то время как мужчины с

горящими глазами выбивают дверь.

Под насмешливые улыбки остальных, Ёрл размахивает бейсбольной битой. Когда он приблизился, я попыталась увернуться, но он превосходил типа с вилами в плане ловкости.

Он бросился на меня и толкнул на землю. Затем он грубо рванул меня за волосы вверх. Его лицо покрыто шрамами, тонкие жирные волосы прилипли к голове.

— Надоедливая, — говорит он. — Но соблазнительная. Как тебе, Гетти?

Человек с вилами бросает оружие и выступает вперед.

— Она, конечно же, это сделает, — говорит он. Он расстегивает мне пальто и пялится на меня.

Брет подходит, шаркая ногами.

— Я возьму дыхательный аппарат, — говорит он и уже собирается мне его отстегнуть.

— Подожди немного, — Гетти толкает его в сторону.

Я хочу вырваться, но Ёрл тащит меня за волосы и останавливает.

— Стой спокойно, — хрипит он.

Теперь ясно, что эти варвары собираются со мной сделать. Я этого не выдержу. Все что угодно, но только не это. Все.

Я хныкаю. Ну почему я не позволила Оскару выстрелить? Где он пропадает? И где Квинн?

Гетти сжимает мое лицо и лижет мою щеку. Несмотря на маску, его гнилое дыхание стоит у меня в носу. Мой крик вызывает у них лишь смех.

— Пожалуйста, не надо, — говорю я и смотрю в его глаза, которые уже давно не узнают во мне человека.

Он сбрасывает грязную куртку и скребет ногтями вдоль моей ключицы.

— Первый, — говорит он. В этот момент я решаю просто закрыться в себе и думать о Квинне, о родителях, о Мод и вообще обо всем, чего нет здесь и сейчас.

— Готова? — спрашивает Ёрл.

Я закрываю глаза.

— Квинн! — ору я. — Квинн!

Но он меня не слышит. Никто меня не слышит.

КВИНН

Мне снится Беа, и я просыпаюсь в холодном поту. В голове полно картинок ее тела на старых железнодорожных путях и голодных отверженных, с клювами вместо рта, которыми они клюют его, пока не насытятся.

Я только что упаковал свой рюкзак, чтобы найти Алину, когда Ваня забежала в мою комнату:

— Как прошла ночь?

— Мне снился кошмар, — отвечаю я, все еще находясь под его влиянием.

— В чужой постели мне всегда плохо спится, — говорит она с ухмылкой на лице, проносится мимо меня и раздвигает занавески. — Какой прекрасный день!

— Только не для моих друзей. Им нужна помощь, немедленно, — я иду к двери. — У Вас

есть внедорожник?

— Внедорожник? Конечно же, у нас есть внедорожник, Квинн. Здесь не Роща, — она садится на край кровати и хлопает по ней, приглашая к себе. Я остаюсь, там где стою.

— Там девочка истекает кровью, — говорю я и указываю в окно.

— Звучит серьезно, — она перемещает свой вес так, что скрипят пружины. Чем больше она колеблется, тем более нетерпеливым я становлюсь. Если она не хочет помогать, чего тогда она хочет?

— Здесь есть врач или медсестра? Мне просто нужен только автомобиль и медик... пожалуйста, - я не привык что-либо просить, но сейчас я б не постеснялся встать перед ней на колени и лизать ее ноги, если бы только она мне помогла.

Собственно, я бы сделал все, абсолютно все.

— Здесь никто больше не выходит наружу, — при этом она улыбается, как будто это шутка, а не вопрос жизни и смерти.

— Но я не оставил умирать моих друзей! — кричу я.

На пути к двери она встает возле меня и начинает объяснять мне медленно и очень четко:

— У нас не отель, Квинн. Ты не можешь просто зайти и потом, приняв душ, наевшись и выпавшись, снова идти своей дорогой. Абель должен был напомнить об этом. Я запланировала на сегодняшний день несколько тестов для тебя. Если ты хочешь здесь жить, я выдвигаю тебе предложение, ты просто соглашаешься с ним. Все эти рикошеты действуют мне на нервы.

— Я не собираюсь здесь торчать, в то время как другие еще там, вне этих стен. Ты вообще в своем уме?

Я хватаю ее за руку, но она выворачивается и дает мне пощечину, как будто мы находимся где-нибудь в глухой, дикой местности. Она сильнее, чем кажется.

— Не прикасайся ко мне больше никогда, — шипит она.

Я проскальзываю мимо нее в коридор.

— Куда его? — спрашивает Макс.

Ваня хрустит костяшками пальцев. Вена на ее шее пульсирует.

— Убери его в камеру, вколи пару успокоительных и тщательно осмотри, — сказав это, она отворачивается.

— Ты хуже чем Петра, — говорю я.

Ваня неожиданно оборачивается.

— Рассматриваю это, как комплимент.

— И на этом все? Джаз должна погибнуть или что?

Я отталкиваю Макса от себя и отхожу. Пусть он и громила, но зато я быстрый. Если я побегу, то тогда у меня будет шанс.

— Джаз? — спрашивает Ваня нерешительно.

— Да. Она только ребенок.

— Ну, это меняет дело. Иди за мной.

В то время, пока я трачу драгоценное время в комнате Вани, Максу назначаются какие-то приказы. Ваня больше не страшная и холодная как лед, она вне себя.

Она непрерывно задает мне разные вопросы:

— Кто такая Беа? Сколько лет ребенку? Где он родился? Как она оказалась в Роще? — вопросы, на которые у меня не было ответов - и чем меньше я отвечал, тем беспокойней становилась Ваня.

Наконец-то Макс притащил Алину и Дориана в комнату.

— Что здесь происходит? — спрашивает Алина.

— Вы сказали, что все в Роще погибли. Вы солгали, — говорит Ваня.

— Они все уничтожили, — говорит Дориан. Он косится на Макса, который, кажется, уже избрал его козлом отпущения, после того как мне удалось от него улизнуть.

— Квинн рассказал, что было больше выживших, — настаивает Ваня.

— Откуда мы должны знать? — рассердился Дориан. — Это его отец был тем, кто разрушил Рощу. Что он вообще здесь делает?

Алина тыкает Дориана локтем в бок. Макс криво усмехается.

— Квинну можно доверять, — говорит она. — Если он говорит, что есть выжившие, значит так оно есть. Мы просто этого не знали.

Ваня идет к кислородному ящику на стене и делает глубокий вдох.

— Так значит, внутри еще были люди, когда вы спасались бегством?

— Что только мы не делали, чтобы вытащить оттуда Петру, — говорит Дориан. — Она сопротивлялась. Забралась на дерево и не слезала. Мы не знаем, что случилось с остальными, потому что мы стояли на посту в разных местах. Но Петра, она просто была полна решимости умереть.

Дориан говорит без умолку, совершенно запыхавшись.

— Квинн подобрал какого-то ребенка, — говорит Ваня. — Кто это может быть?

Мы с Алиной рассчитывали на то, что это вопрос возникнет. Тем не менее, она делает вид, что раздумывает.

— Единственным ребенком в Рощи была Джаз, — подчеркивает она. — Мы пытались ее спасти, но она не хотела оставлять Петру.

Ваня барабанит по подбородку и строго разглядывает меня.

— Мне все это не нравится, — говорит она.

— Помоги мне ее найти, — настаиваю я.

Ваня обращается к Мэйлсу.

— Подготовь Цып к запуску.

— Спасибо, — вздыхаю я.

— Я делаю это не для тебя, — отвечает Ваня. — А ради своей дочери.

Она пошла в ванную рядом и оставила нас стоять одних в шоковом состоянии.

Макс положил одну руку на плечо Дориана, другую на плечо Алины. Он отталкивает их в сторону и устремляется вслед за Ваней.

— Джаз твоя дочь? — спрашивает он.

— Да, — кричит Ваня из ванной. — А теперь иди и найди ее.

ОСКАР

Когда я покидаю вокзал через заднюю дверь и обхожу его вокруг, чтобы застать Извергнутых врасплох, то не нахожу их. Также как и Беа. Похоже, она сбежала.

Я только надеюсь, что она была достаточно умной, чтобы снова пробраться на вокзал, в единственное здание вокруг, которое не могло обрушиться в любой момент.

— Беа! — кричу я, перепрыгиваю ямы в асфальте и врываюсь в двери.

Я слышу ее животный крик раньше, чем вижу ее.

— Давай же, Брент, не жеманься так. Если тебе влом, давай сначала я, — я хватаю пистолет и поднимаюсь по ступеням. Через окно в двери ресторана я могу видеть, как они держат Беа на балконе и лапают ее.

— Нет, — пищит она. — Я отдам вам все, что вы захотите.

— Ну, конечно, ты сделаешь это, — отвечает кто-то.

Беа тяжело глотает. Ее рубашка исчезла, и она дрожит в нижнем белье.

Я крадусь в ресторан. Я завалю их раньше, чем они поймут, что с ними происходит. По крайней мере, так выглядит план, но из-за спешки я не смотрю на пол, и под моими ногами скрипит стекло.

Мужчины обернулись. Они не медлят ни секунды. Двое из них кидаются ко мне и задумываются только тогда, когда я снимаю с предохранителя пистолет.

— Теперь не делай ошибок, спортсмен, — говорит один.

— Давай поговорим об этом, — предлагает другой.

— На землю, — говорю я. Они ухмыляются, как будто услышали что-то глупое.

— Застрели их, — говорит Беа необычно командным голосом. Парень, который держал ее, ударяет ее по лицу. Колени Беа подгибаются, и я нажимаю на курок.

Мужчина потерял сознание, не сказав ни слова. Я стреляю еще раз, чтобы быть уверенным, что он никогда больше не встанет, другие хватаются за оружие. Тип рядом с Беа прижимает к ее шее вилы.

— Только попробуй, ты, маленький пачкун, и я распарю ее, — ревет он. — Теперь отдай свое оружие Эрлу, — Извергнутый с бейсбольной битой плетется ко мне.

— Оставайся там, где стоишь, — шепчу я.

— Не отдавай его им. Иначе мы оба покойники, — говорит Беа. — Застрели его.

— Ты не можешь заткнуть пасть? — хрипит Эрл опустив взгляд. Тип с вилами ударяет Беа ладонью в висок.

Я щурю глаза, беру на прицел лоб мучителя Беа и нажимаю. Отдача слегка отбрасывает меня назад.

Извергнутые опускаются на пол и в следующий момент Беа обхватывает руками вилы и направляются в сторону оставшегося мужика.

Он разворачивается, но уже слишком поздно. Последнее, что он увидит на земле - Беа, которая втыкает ему зубцы вил в грудь.

Она роняет оружие, смотрит, как он опускается на землю и съезживается. Мягкий ландшафт ее позвоночника ярко выделяется под ее белой кожей.

Блузка и кофта Беа лежат на ковре, во время встряхивания стекло и грязь цеплялись упорно

за волокна, особенно острое воспоминания, которые просто не хотят отпускать.

Я отбрасываю части в сторону, выскальзываю из пальто и снимаю свой пуловер через голову. Из глубины ее живота извергается всхлип, когда я мягко прикасаюсь к ее спине. Всклипывая, она держит руки перед грудью.

— Я должна была послушаться тебя, — говорит она. — Я хотела быть сильной. Теперь я — убийца.

Я снова поворачиваюсь к ней и сажусь на корточки рядом с ней.

— Это была самооборона.

— Я думала, что ты убежал. Я думала, что была одна, — больше она не говорит ничего, только сильно плачет.

— Я бы никогда не оставил тебя одну, — говорю я, смотрю на нее и дышу в мертвой тишине вокзала. Мой пистолет еще теплый. Я снова ставлю на предохранитель. Мужчины, которых я убил, лежат пластом на ковре. Каким-то образом, это должно волновать меня, но никакой реакции.

Теперь нужно идти назад к Куполу. И уговорить Джада помочь Беа вместо Квинна. Так как она не должна жить здесь снаружи. Никто не должен делать это.

БЕА

Оскар подводит меня к зеленому стулу и поворачивает его к окну, прочь от Извергнутых.

Он открывает до краев наполненное протеиновыми и энергетическими батончиками отделение рюкзака и вытаскивает мне один. Я убираю мундштук в сторону и делаю маленький укус, большой я просто не могу.

— Ты должна оставаться сильной, — говорит он.

Каждый раз, когда наши глаза встречаются, я вижу сожаление и ужас от того, что могло бы произойти. Мне стыдно.

Так как я втянула нас в это. Я хотела доказать сама себе, какой сильной стала. И я хотела доказать Оскару, что все его знания об Извергнутых неправда. Но неправда здесь была только я.

— Что вообще ты делаешь здесь в Пустоши, Оскар? Разве дома тебя не ждет какой-нибудь слуга, чтобы приготовить для тебя ванну и еду?

— Конечно, — говорит он. — Но я же уже объяснял тебе, что я ищу кое-кого, — он медлит. — Квинна Каффри. Его отец послал меня сюда. Ты знаешь, где он?

Как бы я не хотела или даже должна ему доверять, после всего того, что он для меня сделал, но то, что мистер Каффри идет по следу Квинна не предвещает ничего хорошего.

— Я больше не видела Квинна со времен Купола.

Оскар разглядывает меня. Он знает, что я лгу.

— В любом случае мне нужно его найти, — говорит он. — Ты поможешь мне?

— Мне бы этого хотелось.

— Я из специального подразделения, Беа. Я был в Роще и знаю, что сделало министерство, потому что я боролся за них.

Я приподнимаюсь. Держа одной рукой маску, стаскиваю через голову его пуловер и швыряю

в его сторону. Как он мог уничтожить все эти деревья и убить столько людей?

— Ты-мне-осточертел, — говорю я, устремляюсь назад в ресторан, где трое мужчин все еще заливают кровью ковер.

Оскар бежит следом за мной, хватая за руку и заставляет меня посмотреть ему в лицо.

— Я и понятия не имел, что там происходит, пока не стало поздно. Я знаю, какое дерьмовое заведение это министерство. Я хочу уйти оттуда, Джад поможет мне в этом. Если я найду для него Квинна, то он подыщет мне новую личность, и тогда я смогу уйти из специального подразделения. То же самое относится и к Квинну, и наверняка к тебе.

Он не так уж уверен в своих словах. Ни один первоклассный отец не пожелал бы, чтобы его сын связывался с такими людьми, как я.

Я соскребаю с руки запекшуюся кровь Джаз.

— Я не хочу обратно, — отвечаю я просто. — И я не понимаю, как ты можешь этого хотеть, теперь, когда ты знаешь, что там происходит.

— Я стану гражданином второго класса. Я стану таким как ты, — он ведет себя так, как будто это самый грандиозный жест в мире. Я еле сдерживаю руки за спиной, чтобы не поколотить его петушиную грудь.

— У тебя есть какое-нибудь представление о том, как живетя второсортным? Тебе нравится танцевать, бегать, целоваться или делать еще что-нибудь более-менее нормальное? Ведь если ты станешь таким как я, ты будешь платить за каждый вздох. Думаешь, это та жизнь, которую бы я хотела вернуть или которую я желаю Квинну? Уход из специального подразделения и переход в зону 3 ничего не улучшит. Ты прячешься, больше ничего. Прячешься как трус.

Я замолкаю.

От этого рева у меня уже болит горло. Оскар выглядит как побитая собака, хотя я даже к нему не прикоснулась.

— Просто я больше никому не хочу причинять боль, — шепчет он, не глядя на меня.

— Тогда борись, чтобы стало лучше.

Теперь взрывается он.

— И как, по-твоему, я должен это сделать? Повстанцам понадобились годы, чтобы украсть саженьцы и создать новый мир. Я совсем один. Не делай вид, что я могу просто взять и свергнуть правительство.

Может быть, я слишком жестка с ним, но на это есть причина. Только люди в его привилегированном положении могут что-нибудь изменить.

— А что, если бы мы могли свергнуть правительство? — спрашиваю я.

Он наступает на бутылку и измельчает ее на мелкие осколки.

— Ну и как же? — спрашивает он.

Пока я еще не знаю как. Но зато сейчас я знаю, что он к этому готов. Кто хочет — тот добьется.

КВИНН

Цып из арсенала Секвойи выглядит, как волочимый скот под склонами из болот из старых времен. Покраска облупилось, крылья заржавели.

Я сильно сомневаюсь, что он вообще способен подняться в воздух, не говоря уже о перелёте в город и обратно. В любом другом случае, я бы отказался подойти к нему даже на шаг.

Макс верно истолковывает выражение моего лица и ласково похлопывает машину.

— Это сокровище я нашёл в старых казармах королевских военно-воздушных сил, - говорит он.

Я забираюсь вовнутрь сзади, рядом с каким-то типом, у которого абсолютно обглоданы ногти. Когда он замечает меня, он прячет их из поля зрения, обхватив винтовку.

Макс садится рядом с пилотом.

— Вот, — говорит он и бросает две пары гигантских наушников назад. — Все готово, — каркает его голос наружу.

Цып оживает, пропеллеры крутятся так быстро, что я вздрагиваю. Пилот поднимает нос вверх и говорит:

— Контрольная вышка Секвойя. Стартовое направление 07. Планируемая высота полета восемьсот футов. Непосредственно готов к старту.

— Это радиостанция Сейвойя. Сообщение принято. Взлет разрешаю.

— Понял, — пилот двигает регулятор толчка вперед и Цып отрывается от асфальта. Он пищит, как тысячи несмазанных маслом шарниров двери, и я крепко хватаюсь за сидение, парализованный паникой от мысли, что эта штука рассыплется в воздухе на части.

Пилот выдвигает штурвал управления, и нос Цыпа вытягивается под еще большим рывком в направлении неба.

Но вскоре мы находимся в облаках и смотрим вниз на страну с изобилием серых и черных гор гальки и нескончаемых разоренных улиц.

Вид абсолютно новый для меня, и я хочу поглотить все, но страх за Джаз и Беа не позволяют мне этого. Надо надеяться, что мы не прибудем слишком поздно.

Борт наклоняется на левый бок, и мне приходится схватиться за дверную ручку, чтобы не упасть с сидения. Мы пролетаем над рекой и омываемые ею доки.

— Просто небольшой ветер. Никаких проблем, — говорит пилот и выравнивает машину назад на курс.

Макс извивается в своем сидении и смотрит на меня.

— Обосрался? — спрашивает он. Я качаю головой. Нет. Он поднимает брови. — А должен был. Я бы ни за что не хотел оказаться в твоей шкуре, если ребенок Вани потеряется, — улыбаясь, он отворачивается.

Я смотрю вниз на поля и думаю о Джаз. Ее нога уже была заражена, когда я уходил. И теперь более вероятно, что она уже мертва, и в таком случае у нас с Беа нечем защититься от гнева Вани.

Как Беа справляется с одиночеством? Осталась ли она на вокзале?

— Как долго еще лететь? — спрашиваю я, но на моих наушниках нет микрофона, и из-за шума пропеллеров меня никто не слышит.

Мне остается только ждать, больше ничего.

БЕА

В течение часа я и Оскар движемся по кругу. Наружу - на балкон, внутрь - в ресторан,

размышляя о том, как заставить министерства исчезнуть.

Но в каждой идее присутствует сотня слабых мест. После всего, что произошло, нам нужен безупречный план действий.

— Это ничего не даст, — говорит он наконец и опускается в кресло на балконе. — Если бы была возможность, мы бы уже нашли ее.

Я не могу согласиться с этим. Только потому, что никто до сих пор не сделал этого, не значит, что в будущем это не возможно.

Может быть, я и бездарна в рукопашном бою и стрельбе, но на мои мозги можно положиться. Поэтому я что-нибудь придумаю.

— Ты рассказывал, что армия понесла большие потери после нападения на рошу, — я сажусь рядом с ним и полностью концентрируюсь на разбитом окне в здании напротив.

Он качает головой.

— Недостаточные, чтобы сделать Купол уязвимым. Кроме того, Джад снова пополняет ряды.

Каким-то образом сюда занесло вилку. Я поднимаю ее и швыряю через улицу, где она исчезает в отверстии оконного стекла. Оскар смеется.

— Бросок высшего класса, — говорит он.

Вдруг в моем мозгу что-то щелкнуло. Я встаю и опираюсь на перила.

— Если это правда, что Джад — своего рода перебежчик, тогда мы должны взяться за него, — говорю я.

Оскар пожимает плечами.

— Он такая же марионетка, как и я.

— Но он — могущественная марионетка. Они ведь доверяют ему свою армию, не так ли?

Я жду, смотря на Оскара. Решение близится... оно уже близко... И вот оно здесь.

Я хватаю Оскара за руку и дергаю его вверх.

— Ты говорил... — Я глубоко набираю воздух. Мне страшно от того, что моя идея может исчезнуть, если я не выражу ее словами. — Ты говорил, Джад пополняет ряды армии. А что если... — Может ли это получиться? Согласится ли отец Квинна в этом участвовать? — Что, если он будет набирать второсортных, симпатизирующих повстанцам? Он мог бы их обучить, раздобыть им оружие и обеспечить конфиденциальной информацией. Это могло бы сработать, Оскар. Или нет?

Какое-то мгновение он раздумывает, затем сжимает мою руку, смотрит на меня и начинает улыбаться.

— Черт возьми... это может получиться.

Только я собралась его обнять и поведать ему, что Квинн уже в пути и нам просто нужно подождать, как вдруг я слышу до боли знакомый звук, от которого волосы на затылке встали дыбом.

Весь вокзал содрогается от сильного грохота в небе, как при ужасной грозе.

— Ты вызвал Цып, — я отпускаю его руку и отстраняюсь назад.

Оскар как сумасшедший качает головой.

— Это не я. Честное слово!

В один момент он становится чрезмерно напряженным.

— Снимай одежду, — указываю я ему. Он быстро соображает, потому что, не успев я раздеться, как он тут же, следом за мной снял одежду. Я расшнуровываю сапоги.

— Мы должны быть холодными, чтобы термоматчики нас не обнаружили.

— Да, да, только не порежь себе ноги, — предупреждает он меня. Я развязываю шнурки и стаскиваю штаны через сапоги. Он уже видел меня в нижнем белье, но чувство стыда все-таки остается. Я подавляю в себе смущение и концентрируюсь на выживании.

Снаружи, на балконе, я натираю себя грязью, все еще примерзшей к углам. Оскар следует моему примеру.

Нельзя не заметить, какое мускулистое у него тело. А какое загорелое! Рядом с ним моя кожа кажется бледной и сухой. Дрожа, он натирается снегом.

Цып уже приближается, лавируя при полете между зданиями. Он намного меньше того, который мы видели с Алиной и Мод, и летит низко.

— Он прилетел с запада, — кричит Оскар сквозь шум моторов. — Купол расположен на востоке. Это значит, он движется из неправильного направления.

— Тогда кто это? — кричу я. Могут ли это быть Квинн и Алина? В конце концов, она уже крадя танк, почему бы ей не украсть и Цып? Но как она может на нем летать?

Мы торопимся внутрь, и я как дура прикрываю голову руками. Гул лопастей винта то стихает, то нарастает вновь, в то время как они кружат над нами.

— Они знают, что мы внутри, — ору я.

— Сюда! — У нас нет времени одеваться, поэтому мы все заталкиваем в рюкзак Оскара и спешим вниз по ступеням. Стоит оглушительный шум.

Цып приземляется на улице. Вращающийся пропеллер разносит мусор во все стороны.

— Быстрее, — торопит меня Оскар. Я следую за ним по вокзалу на улицу, перепрыгивая через человеческие кости.

Оскар направляется к башне с часами, лишившимися стрелок.

Он бежит впереди, расстояние между нами все больше увеличивается. Когда шум наконец стихает, я останавливаюсь.

Оскар делает мне знак следовать за ним, но мое сердце так бешено стучит, что я не могу говорить. Спотыкаясь, я иду к нему и позволяю ему тащить меня за руку дальше.

— Что случилось? — шепчет он.

— Я не относилась к Премиум классу.

В замешательстве он касается мочки уха. Не отпуская мою руку, он тащит меня вниз по переулку.

— Дыши, только медленно, — говорит он. Я останавливаюсь и несколько раз глубоко вдыхаю, пока он надевает брюки, рубашку и пальто.

— Здесь! — кричит чей-то голос совсем неподалеку от нас. Оскар снова берет меня за руку, и мы прячемся за старым, вонючим мусорным контейнером.

Он распахивает пальто и притягивает меня к себе. Спиной я чувствую его грудь и еще глубже погружаюсь в его тепло. Он кладет свою руку вместе с пистолетом мне на живот.

— Все в порядке? — шепчет он. От холода мои зубы стучат. Мне так холодно, что я даже не могу кивнуть.

Услышав, что кто-то бродит по переулку, Оскар еще крепче прижимает меня к себе.

Скрипящие подошвы раздавливают мусор. Появляется дуло пистолета. И лицо!

Квинн.

— Беа? — я сижу, вплотную прижавшись к Оскару. Квинн удивленно смотрит на нас.

Мы снова слышим шаги и чей-то голос в переулке.

— Ты что-нибудь видишь?

Квинн отводит взгляд.

— Ничего. Я еще посмотрю там внизу. Они не могли уйти далеко. Шаги удаляются.

Я высвобождаюсь из тисков Оскара и бросаюсь на Квинна. Он стоит так, как будто аршин проглотил.

— Квинн, — шепчу я. Я наклоняюсь, натягиваю свитер Оскара через голову. Мои ноги остаются голыми.

Квинн не смотрит на меня, также как и Оскар. Я чувствую слезы в уголках глаз и тут же быстро вытираю их ладонью.

— Оскар Кнавери? — говорит Квинн. — А где Джаз?

— Твой отец забрал ее, — говорит Оскар. — Она в безопасности.

— Мой отец?

— Он хочет, чтобы ты вернулся назад. Он защитит тебя, — говорит Оскар.

Квинн смотрит на него враждебно. Он не доверяет Оскару, так же как и я в начале.

— Пойдем, Беа, — говорит он и берет меня за руку.

— Куда ты хочешь идти? — спрашивает Оскар.

— Не твоё дело.

Квинн тащит меня прочь, но я все равно остаюсь на месте.

— Я думаю, твой отец действительно ищет тебя, Квинн, — я прижимаю руку к его щеке, чтобы он взглянул на меня.

Это срабатывает.

— Ты веришь ему? — спрашивает он.

Но здесь речь идет не том, верю я Оскару или нет, речь идет о Квинне, и его шансе помириться с отцом.

Если бы мне кто-нибудь предоставил такую возможность, то я бы, по крайней мере, дала ему высказаться.

— У нас есть план, как избавиться от министерства, если нам удастся уговорить твоего отца участвовать в этом.

— Тебя он послушает, я уверен в этом, — говорит Оскар.

— Меня? Да он меня ненавидит. Оскар, иди домой, — голос Квинна звучит надменно. Но Оскар этого не заслужил. Он был такой приветливый, без него нас бы уже не было в живых, меня и Джаз.

— Возвращайся обратно в Купол, и мы вместе займемся этими изменениями, — говорит Оскар и ударяет кулаком по ладони. — Зачем нам тут стоять на улице и мучиться?

Квинн смеется.

— Если в Куполе что-нибудь и изменится, то только тогда, когда один из этих министров

отдаст концы.

— Ну, так давайте ему в этом поможем, — возражает Оскар.

Сказанное привлекло внимание Квинна. Он толкает Оскара в грудь.

— Можно подумать, ты поставишь на карту свой шикарный дом и мастерскую, ради таких, как Беа.

— Он говорит серьезно, — говорю я, хотя тоже не могу дать голову на отсечение, что это правда. Я знаю только то, что он мне рассказал.

— Ну, где они пропадают? — кричит кто-то сзади на улице. Квинн моргает и смотрит не меня.

— Извергнутые не поверят ни сыну Джада Каффри, ни сыну Каина Кнавери. Вы оба нужны мне, — говорит Оскар.

— Ваня вырежет твою печень и съест ее на ужин, — кричит чей-то голос.

Квинн дотрагивается до моего лица. Ох, мне его так не хватало.

— Есть ли хоть малейший шанс, что это сработает? — спрашивает он.

Я киваю.

— Твой отец забрал Джаз. Мне кажется, в нем уже что-то поменялось, Квинн. Если есть хоть малейшая возможность, то мы не должны упустить ее, не так ли?

— Ваня совсем рехнулась. Если мы заявимся туда без Джаз, то мы пропали. Она — дочь Вани, — говорит Квинн, обращаясь больше к себе, чем к нам. Внезапно он хватается Оскара за воротник пальто. Оскар реагирует спокойно.

— Мой тебе совет, не дай бог это окажется ловушка, — говорит он и скрывается за мусорным контейнером, вне видимости с улицы. — Теперь нам надо как-то выбраться отсюда, — говорит он.

— Сюда, — говорит Оскар, не устраивая лишних дискуссий, и бежит до конца переулочка. Мы следуем за ним. Не успели мы его догнать, как он в панике оборачивается к нам.

— Там мы не пройдем, — говорит он и перезаряжает патроны. — Единственный путь, ведущий отсюда, пролегает мимо твоих спутников.

— Квинн, нам надо уходить. Где ты застрял? — зовет бестелесный голос.

Оскар прикладывает палец к губам и вынимает пистолет.

— КВИНН!

Квинн смотрит на оружие Оскара.

— Если он не попадет в цель, то это будет катастрофа, — шепчет он мне. Только я открыла рот, чтобы заверить его в том, что Оскар хорошо стреляет, как Квинн отпускает мою руку. — Иди вместе с Оскаром обратно в Купол, а я приду потом. Чтобы у нас здесь все получилось, нам нужно созвать всех на подмогу. Я соберу остальных, и мы присоединимся к вам.

У меня кружится голова.

— Ты мне нужен, — говорю я Квинну. Надеюсь, ему понятно, насколько это все для меня серьезно. Я нуждалась в нем уже тогда, когда мы были просто друзьями.

— Нам нужно, чтобы Алина и Сайлас были на нашей стороне. Это их борьба, — говорит он.

— Кроме того, у них есть образование и связи.

— Но...

— Спрячься, — он толкает меня по направлению к стене, где я укрываюсь за кучей мусора.
— Ты тоже, — приказывает он Оскару, который качает головой и держит оружие наготове. — Позаботься о Беа, — говорит Квинн.

Оскар медлит какое-то время, но затем прячется вместе со мной. Кажется, я прямо-таки задыхаюсь, потому что он кладет руку на воздухопропускающий вентиль моей маски.

Квинн застегивает пальто на все пуговицы и вешает винтовку через плечо.

— Оставайтесь там внизу, — говорит он.

— Что-нибудь нашел? — раздается голос.

— Неа, — кричит Квинн.

— Тогда давай сматываться. Должно быть их поймали Извергнутые. Ване это совсем не понравится. Как я рад, что тебе придется это расхлебывать, — человек, чей голос мы слышали, шипит от злости.

Квинн стоит, ооченев, но как только тот тип уходит, он смотрит на меня. На моих руках все еще запекшаяся кровь Джаз.

Мое тело еще хуже, чем когда-либо, я целую вечность не видела воды. Я выгляжу как раз как тот, кого нужно защищать.

— Я люблю тебя, Беа, — говорит он, и до того как я успеваю возразить или сказать ему, что я тоже его люблю, он уходит вверх по улице и исчезает.

АЛИНА

Ваня не пустила меня лететь вместе с Квинном в Цыпе, поэтому мне остается только ждать. Мод и Брюс вкалывают в оранжевое.

Все остальные и я, в том числе, находимся в кардио-спортзале, где проводим тренировку по интервальному методу вместе с девушкой и парнем, которых мы не знаем.

Терри, наш вчерашний сосед по столу, заходит в зал с кипой бумаг в руке.

— Только для новеньких, — говорит он.

Мы сходим с беговых дорожек, и он протягивает каждому из нас отпечатанный на плотной серой бумаге список. Я тру его меж пальцев.

— Это камень? — Зонг крутит список в руках.

Терри кивает.

— Наконец-то у нас получилось сделать стопку.

— Известь и смола, — говорит Зонг. — В Роше мы их никогда не пробовали, не дошли до этого из-за деревьев.

— Что это вообще такое? — спрашивает Дориан, пробежав текст глазами.

— Ваш график на завтра. Окончательный вы тоже скоро получите.

Я внимательно читаю расписание. Дообеденные занятия не представляют из себя ничего нового: кардиотренировка, медитация, перерыв на обед. А вот вся вечерняя программа состоит из чего-то, что носит название «церемония спаривания».

Дориан машет бумагой перед Терри.

— Спаривание?

— Вы получаете задание и партнера, и тогда переедете в главное здание. Во всяком случае, большинство из вас. Некоторые получают только задание, а поиск пары происходит позже.

Сайлас, запыхавшийся после часа тренировки на выносливость, повторяет вопрос Дориана.

— Спаривание?

Терри перебирает пальцами листы, которые держит в руке.

— Разве Ваня вам еще не объяснила? Сайлас качает головой. — Вам выделяют постоянных партнеров, — говорит Терри.

— Как коллеги по работе, — говорит Зонг. — Я видел, что люди здесь работают вместе. Меня это удивило.

— Примерно так, — Терри улыбается и уже собирается быстренько исчезнуть.

Сайлас останавливает его.

— А я мог бы стать партнером Алины?

— Вряд ли, вы ведь двоюродные брат и сестра, — говорит Терри, переминаясь с ноги на ногу. — Генетически вы должны быть совместимы, не правда ли?

Сайлас морщится. Дориан и Зонг, стоящие рядом, удивленно поднимают брови.

После все этих обследований, через которые они нас прогнали, это больше не вызывает большого шока. Ваня решает за нас не только то, как мы проведем остаток жизни, но она еще и хочет выбрать нам спутников жизни.

Мне уже почти хочется обратно в Купол. Почти.

— Размножение будет только приветствоваться. Большинство пар произведут на свет детей, у которых здесь будут высокие шансы на выживание, — Терри машет рукой по всей комнате, за этим он подразумевает нечто великое - Землю. — Вполне обычное дело, как мне кажется.

— Совершенно обычное? — передразнивает его Сайлас, скрипя зубами.

— Но тогда, где все эти дети? — я пытаюсь держать свой голос под контролем, когда я вспоминаю о девочке на чердаке, страх в ее глазах и врач, который совершенно хладнокровно и непричастно измерял ее. Это моя судьба, если мы останемся здесь, материнство?

— Мы отправляем их в детскую комнату и тренируем с самого детства, — говорит Терри.

— Вы забираете детей у матерей? — ужас в моем голосе читался очень отчетливо.

— У меня нет непреодолимой потребности размножаться, вообще когда-нибудь, — говорит Сайлас. После того как он потерял Инжера, его возмущение нисколько меня не удивляет.

— Но ты ведь хочешь жить здесь. Именно об этом и идет речь, — говорит Терри просто.

Сайлас садится в конец беговой дорожки, подперев голову руками. Мы садимся на корточки вокруг него. Мы были настолько поражены, что даже не стали задавать дальнейших вопросов. Уход Терри, которому видимо больше нечего было сказать, остался незамеченным.

— Это фабрика по производству детей, — говорит Сайлас. — Не удивительно, что они нисколько не интересуются Мод и Брюсом.

Он искоса смотрит на тренирующуюся в зале пару.

Они истекают потом и наверняка сильно вымотаны, чтобы подслушивать. Тем не менее, Сайлас встает и делает нам знак на всякий случай перейти в другой угол.

— Мы должны исчезнуть отсюда, — говорит он.

— И куда мы пойдем? — спрашивает Дориан.

Сайлас сверкает на него глазами.

— Кого это волнует?

— Может мы, будет спариваться с кем-нибудь нормальным?— говорит Дориан.

Он серьезно так думает? Он вообще сам слышит, что говорит?

— Да, зашибись. Может тебе достанется сексапильная невеста, — говорит Сайлас. —
Поставь себя на место Алины.

Именно этого я и не хочу - я не хочу, чтобы их решение зависело от моего пола. Мы все заслуживаем только лучшее.

— Мы можем покинуть это место только тогда, когда станет совсем уж плохо, — говорит Дориан. — Снаружи нет воздуха. Мы все погибнем в течение недели.

— После этой смехотворной церемонии они будут заставлять нас..., — Сайлас пинает лежащую на полу бутылку. Я прижимаю его к себе, чтобы он перестал дрожать.

Он отталкивает меня.

— Инджер мертв, а я просто должен все забыть и спать с какой-нибудь девчонкой?

Сайлас и Дориан стоят друг против друга, глаза в глаза, готовые броситься друг на друга. Зонг расталкивает их и встает между ними.

— Пока мы не узнаем, что случилось с Квинном, Беа и Джаз, мы все равно не сможем ничего сделать, — говорю я.

— Тогда подождем, — говорит Дориан.

Сайлас закатывает глаза.

— Если мы будем выжидать, то может у нас вообще не будет больше шанса об этом поговорить. Извини, но какой аспект этого отвратительного дела до тебя еще не дошел?

Дориан выпучивает глаза и поднимает кулак, как будто хочет врезать Сайласу. В это время дверь снова открывается.

Это Абель.

— Оставайтесь там, — говорит он, затем смотрит на меня и пожимает руку Сайласу. — Терри сказал, что вы здесь, и что вас очень взволновало то, что он вам рассказал.

— Мы думали, ты мертв. Ну и еще всякое другое, — говорит Сайлас.

— Вы знакомы?— спрашивает Дориан, все еще сжимая кулаки.

— Помнишь, когда я появилась в Роще, я рассказывала тебе, что Абеля убили? Это он, — говорю я.

Пару секунд я смотрю на него, затем отвожу взгляд.

— Но ты не один из повстанцев?— спрашивает Дориан Абеля.

Абель не обращает на него никакого внимания.

— Они бы вас перестреляли еще до того, как вы бы добрались до фонтана. Кроме того, куда вы собираетесь? Если вы не задохнетесь, то умрете от голода. Если вы потом снова приползете, а это так и будет, то Ваня превратит вашу жизнь в ад.

Эта история со спариванием приводит меня в отчаяние, но я не могу избавиться от мысли о том, каково бы это было, получить в партнеры Абеля. Если бы у меня была уверенность в этом, изменило бы это что-нибудь?

— Я про это и говорю все время, — говорит Дориан так, как будто Абель его лучший друг.

Он скрещивает руки на груди.

Мы все смотрим на Сайласа. Если он и Дориан не помирятся друг с другом, то наша группа распадется. Этого нельзя допустить, так как мы уже итак многих потеряли.

— Все, что мы делаем, мы делаем вместе, — говорю я.

— Тогда остаемся, — говорит Дориан.

— Мы уходим, — поправляет Сайлас.

— Подождите неделю, — предлагает Абель. — Если вам покажется, что я был неправ, я помогу вам сбежать.

— И что ты будешь с этого иметь? — спрашивает Сайлас.

Абель настораживается и смотрит на меня.

— Мятужникам удалось сделать нечто вполне рациональное. Вместе мы сможем разъяснить Ване, что в лесоводстве есть тоже что-то хорошее.

Я внимательно наблюдаю за ним. Это прозвучало сейчас достаточно снисходительно, или? Даже если и так, Зонгу это не мешает.

— Но Ваня достаточно четко выразила свое мнение по поводу растениеводства, когда она сбежала из Роши, — говорит он.

— Значит, мы должны ей показать, что она ошибается, — говорит Абель.

Сайлас долго и глубоко вздыхает и запрокидывает голову.

— Три дня, — говорит он. — Но нам нужно еще поговорить, Абель.

Дом содрогается, и мы замолкаем.

— Цып вернулся, — говорю я.

КВИНН

Сидение рядом со мной пустое, и во мне все сжимается, когда думаю о том, как Беа прижимала голову к груди Оскара.

Громыхая, Цып опускается на землю, мы снимаем наушники и выпрыгиваем из самолета.

Макс отводит меня к внешнему зданию и открывает дверь.

— Скажи Ване, что мы вернулись, — поручает он пилоту, быстро и сухо.

Я прохожу вниз по коридору до комнаты, от которой вело четыре двери в камеры. Девушка пятнадцати-шестнадцати лет с оливковой кожей сидит в одной, в другой парень того же возраста. Испуганно она смотрит вверх.

— Мы ничего не сделали, — говорит она.

— Почему мы сидим здесь? — спрашивает парень.

— Отпусти нас отсюда, пожалуйста, — она прижала свое лицо между решетками.

— Заткнись, — говорит Макс, и девочка сразу отбегает от решеток в угол. Он поворачивается ко мне и показывает на свободную клетку. — Заходи туда, — говорит он.

— Что я нарушил?

Он поднял бровь и тем самым заставил меня замолчать. Если он захотел бы, то мог бы без всяких проблем сделать из меня пюре.

Он еще даже не запер дверь, когда внутрь влетела Ваня и подбежала непосредственно к моей клетке.

— Где она? — ее палец впивается в мою грудь.

— Она, вероятно, убежала. Мы нашли три тела Извергнутых на вокзале. Выглядит так, как будто недавно там была бойня, — говорю я.

Ваня пережала шланг между моей бутылкой и маской для дыхания и тем самым перекрывает подачу кислорода.

Я срываю маску и пытаюсь дышать. Бесполезно. Как будто я глотал кипяток.

Я кашляю и прыскаю, пока Ваня не отпускает шланг. Я снова прижимаю маску ко рту и носу, так крепко, как только могу.

— Я очень разочарована, — говорит она.

— Это была не ложь. Там действительно было три тела на старом вокзале и реки крови, — возражает Макс. — Я бы сказал, умерли незадолго до нашего прибытия.

Ваня потирает голову и начинает бродить по кругу.

— Позволь мне задать один вопрос. Возможно ли такое, что Джаз никогда с тобой не было? Может ты знал, что она моя дочь и разработал план послать меня на поиски твоей подруги.

— Джаз была единственной, кто умел ориентироваться. Только она могла вести нас.

— Моя дочь привела вас сюда, — говорит Ваня, и ее глаза становятся мягче. Макс подходит к ней и гладит ее по плечу. Она уклоняется.

— Если ты сказал правду, то Джаз должно быть, все равно мертва. Для нас ты теперь абсолютно бесполезен.

— Он бы здесь здорово пригодился, — бормочет Макс.

— Пригодился бы? — Ваня отворачивается и уходит.

Дверь захлопывается, и Макс запирает ее на засов.

— Почему ты меня закрываешь? — спрашиваю я еще раз. И как надолго? Остальные должны узнать, что мы хотим вернуться в Купол и свергнуть министерство.

Макс смеется.

— Будешь ли ты спать здесь или в главном здании, это совершенно безразлично. Ты уже был пленным с тех самых пор, как твоя нога ступила сюда.

АЛИНА

После ужина обстановка в хижине накалилась.

— Хочешь меня задушить? Ну? давай, вперед! — кричит Дориан. Он срывает с себя куртку и засучивает рукава рубашки.

Зонг снова встает между ним и Сайласом, чтобы они не свернули друг другу шею.

— Успокойтесь, — говорит он.

Мод и Брюс лежат в кроватях, подложив руки под голову.

— Как насчет старого доброго бокса? Дингдонг — первый раунд! — говорит Мод.

Брюс смеется, но, тем не менее, также встает между Дорианом и Сайласом.

— Не знаю, что у вас тут происходит, ребята, но так сильно, о как нам, вам не досталось, — говорит он и показывает нам покрытые волдырями руки. — Что вам даст это обоюдное терзание?

Сайлас идет к окну и поднимает штору. На улице уже сумрачно.

— Это заведение приводит меня в бешенство.

— Сайлас забыл, что революция может удался только тогда, когда каждый чем-то пожертвует, — говорит Дориан.

— А Дориан забыл, что мы не жертвуем нашими друзьями, — парирует Сайлас. Он пытается открыть окно, но у него ничего не выходит. Тогда он идет к двери и с силой дергает за ручку.

— Откроешь ее? — спрашивает он Зонга.

Зонг садится на корточки и обследует замок.

— Куда ты собираешься? — спрашиваю я и присоединяюсь к Сайласу.

— Цып вернулся, но Квинна не было за обедом. И Беа с Джаз тоже не было. Я попытаюсь их найти. Я хочу знать, что тут происходит.

— Ты хочешь любой ценой поставить нас в затруднительное положение? — накидывается на него Дориан.

— Да уж, кажется всем остальным здесь на них пофигу, — говорит Сайлас.

— Хей, — толкаю его я. Кто здесь переживает за Квина и Бею, так это я. Я знаю их лучше, чем все остальные, и я же втянула их в это дело.

— Я провожу тебя, — говорю я.

— погоди, — говорит Мод и спрыгивает с кровати. Она протягивает Зонгу шпильку для волос. Он выпрямляет ее и вставляет в замок. Несколько напряженных минут спустя слышится щелчок.

Но Зонг здесь ни при чем. В дверях стоит Урен, девушка из столовой с холодными глазами и платком. У нее на руке тяжелый, красный сверток в руках.

— Я пришла с подарками, — говорит она, входит в хижину и бросает ткань на пол. Мы собираемся вокруг нее. Она поднимает узелок и разворачивает его, там оказываются длинные, красные мантии с бляшками впереди.

— Для церемонии. Стандартный размер, — она протягивает по одной каждому из нас. Мод и Брюс внимательно смотрят на нас. Мы еще не рассказали им о церемонии распределения по парам.

— И когда меня примут в дворянское сословие? Тогда я охотно бы переехала в королевские покои и наняла бы лакея для себя, — говорит Мод. — Кроме того, кто-то должен массировать мне ноги.

Взгляд Урен опускается на узловатые ноги Мод, и она подает ей мантию.

— Для тебя.

Сияя, Мод натягивает мантию через голову. Сайлас и я обмениваемся взглядами. Если они тоже приглашены, речь может идти не только о размножении.

Лицо Сайласа немного расслабляется, и он проверяет длину рукавов у своей одежды.

— Макс и Квинн нашли кого-нибудь? — спрашиваю я Урен.

— Мне кажется, нет, — говорит она. — Как видимо, все мертвы. Убиты или что-то в этом роде.

— Даже малышка? И Беа? — спрашивает Мод. Урен пожимает плечами. Я сильно сжимаю челюсть. Беа убита? После всего, через что она прошла?

Я не могу в это поверить.

— И где теперь торчит Квинн? — спрашивает Сайлас.

— Они заперли его, — рассказывает Урен.

— Заперли? — удивляется Сайлас.

— Так точно, — больше ничего не объясняя, Урен шагает к двери. — Сегодня я тоже наконец получила праздничное платье. Не могу дождаться, когда познакомлюсь со своим партнером, — она сверкает своими желтыми зубами, тянет за собой дверь и закрывает ее.

— Что за безобразная овца? — спрашивает Мод. — Я, по крайней мере, имею отговорку, так как я стара, — она возвращается к кровати и падает.

— Нам нужно поговорить об этом, Мод, — говорю я.

— О чем? У меня нечего сказать, — шепчет она.

Брюс садится рядом с Мод и целует ее в висок.

— Медди?

— Джаз была сильной малышкой, но она всего лишь ребенок, — говорит Дориан, голос которого звучит не так как обычно. — Сколько из нас должны еще умереть? — хотя он говорит с самим собой, мы все единогласно киваем.

— И теперь они арестовали Квинна, — выдает свое мнение Сайлас.

— Так как они не нашли Джаз, и Ване нужен козел отпущения, — говорю я.

— Мы должны с ним поговорить. Нам нужно узнать, что произошло, — делает заключение Сайлас.

Зонг снова подходит к двери. Он снова пытается открыть замок заколкой. Когда ничего не получается, он роняет ее на пол.

— Бесполезно, — бормочет он.

Мод ложится на спину. Она указывает вверх:

— Воспользуйтесь же крышей.

И когда мы смотрим вверх, мы видим, что она имеет в виду верхний свет.

БЕА

Оскар и я находимся на верхнем этаже старого отеля недалеко от вокзала. Половицы скрепят, а стены выглядят так, как будто могли бы обрушиться на нас в любую секунду.

Большим и указательным пальцами Оскар раздвигает пластинки жалюзи

— Почему он так долго? — обдумывает он.

Он падает на кровать рядом со мной. Мы сэкономили на фонарике, чтобы какой-нибудь Извергнутый не увидел свет и не попытал здесь счастья. Тем не менее, мне видны все складки на лбу Оскара.

Мне снова очень холодно. Я не могу совладать ни с дрожью, ни с моими переживаниями о Квинне. Пытаясь согреться, я сворачиваюсь клубком.

— Как они смогут сбежать из Секвойи, если там все так ужасно? — спрашиваю я. — И как

он себе это вообще представляет? Что они так запросто могут вернуться в Купол и помочь нам?

Если бы я только сильнее настояла на том, чтобы он остался. Я просто дала ему уйти. Мог он даже не упомянул. Означает ли это, что она вообще не добралась до Секвойи?

Оскар протирает глаза.

— Не знаю, Беа. Я только знаю, что Джад хочет заполучить Квинна, а вместо этого я сдал ему больного ребенка и объявленную вне закона подругу его сына. Мы должны сначала сконцентрироваться на том, чтобы он перешел на нашу сторону, а потом уже думать о Квинне, ладно?

Он прав. Если я хочу хоть как-нибудь быть полезной Квинну и если смерть моих родителей должна иметь какой-то смысл, то я должна сконцентрироваться на нашем задании.

— Мы просто скажем ему правду. Квинн был здесь и должен был снова уйти. Джад Каффри знает, что мы с Квинном испытываем друг к другу, и он знает, что я не вернусь в Купол, если он не последует за мной.

— Ты кажешься довольно уверенной в себе, — говорит Оскар. Он встает и снова высматривает что-то через жалюзи.

— Это обманчиво, — мне страшно возвращаться на место убийства моих родителей и добиваться заключения договора с человеком, на совести которого бесчисленное количество погибших в Роце.

Но если я хочу, чтобы другие больше не были вынуждены проживать свою жизнь под кнутом министерства, мне остается только один выбор - стиснуть зубы и бороться.

АЛИНА

Зонг помогает мне вскарабкаться наверх, чтобы достать до люка. Но мне не удается его открыть, люк даже не шевелится.

— Там засов, — говорит Зонг.

Ядвигаю засов влево, и окно действительно открывается. Я забираюсь на крышу и нагибаю голову, чтобы патруль меня не обнаружил.

Внизу в хижине Зонг и Брюс помогают Сайласу взобраться наверх. Его руки появляются слева и справа в отверстиях, он также подтягивается, забирается на крышу и садится на корточки на другой стороне люка.

— Это не может быть правдой, Беа, — ворчит он в ночи.

Мой желудок сжимается.

— Я думаю, это правда.

— Давай подождем, что расскажет нам Квинн, — говорит он. — Этим людям здесь я совсем не доверяю.

Мне совсем не хочется раздумывать об этом. Да и зачем? Разве размышления когда-либо что-нибудь меняли? Я ползу до края крыши и медленно скольжу вниз вперед ногами.

Отпустив руки, я грубо приземляюсь на землю. В этот раз свет прожекторов не загорается, и я бегу, согнувшись, в тишине. Несколько секунд спустя Сайлас присоединяется ко мне.

Наклонив головы, мы подкрадываемся сзади к хижине. Облака скрывают луну, поэтому мы окружены полной темнотой. Для надежности Сайлас берет меня за край куртки.

Добравшись до последней хижины, мы останавливаемся. Наши глаза уже привыкли к темноте. Пристройка находится справа от нас, перед главным зданием. Соседние здания по левую руку.

Между соседними зданиями и нами находится большая открытая территория. Если она охраняется датчиками движения, то мы засветимся.

Облака расходятся, и появившаяся луна дарит немного света. Сайлас смотрит блуждающим взглядом.

— Должно быть камеры там. Узкие окна, — говорит он и указывает на приземистое здание вдалеке.

Только он собирается что-то добавить, как мы слышим приглушенные голоса и прижимаемся к стене именно в тот момент, когда внезапно появляются Ваня и Макс. Дышим спокойно и тихо...

— Мне очень жаль, что так вышло с твоей дочерью, — говорит Макс.

— Для меня она уже давно умерла, — отвечает Ваня.

— Может она и не мертва. Я никому из них не доверяю, — говорит он. — Они хитрые.

Ваня улыбается.

— Ну и что? Другим предателям тоже не особо помогли мозги против нас.

В то время как они дружно хихикают, все вокруг озаряется ярким светом. Я быстро прячу голову за угол и инстинктивно хватаю руку Сайласа.

Он кладет палец на воздуховыпускной вентиль моей маски. Как будто он еще должен меня предостерегать, чтобы я не произносила ни звука.

— Что эти идиоты там делают? — говорит Ваня. — Иди и выключи прожекторы.

Макс выполняет приказ.

— Тут Ваня, — говорит другой голос.

— Чем вы там вообще занимаетесь? Что, если вас кто-нибудь увидит? — шипит Ваня.

Прожекторы гаснут. Я снова выглядываю из-за угла.

Сайлас напирает на меня сзади и выглядывает поверх моей головы. Там, где только что стоял Макс, два человека тащат какой-то длинный, обернутый пластиком объект. Они опускают на землю свою ношу. Отчетливо слышно, как они с трудом переводят дух.

— Внедорожник отдал концы, — сообщил один из них Ване. — Пришлось тащить самим.

— Уберите этот мусор, туда, где ему самое место. И если я еще раз вас за этим поймаю, то в пластик обернут уже вас.

Она сильно пинает сверток и в бешенстве уходит, в то время как мужчины смотрят ей вслед.

— У нее критические дни, или что? — шепчет один из них. Второй хихикает. Они снова поднимают предмет, в этот момент Сайлас дергает меня за локоть. — Мы должны следовать за ними, — шепчет он.

— Зачем?

— Ты хочешь увидеть, что спрятано в пластике, или я иду один?

— А что насчет Квинна? — нам нужно узнать, все ли с ним хорошо, и что случилось с Беа.

— Что, если это Квинн там? — спрашивает Сайлас. Я смотрю на сверток. Если Сайлас прав, мы больше ни дня не можем здесь оставаться, с Абелем или без.

— Я не верю в это, — шепчу я.

— Его не было за ужином.

— Давай проверим.

Мы пошли за мужчинами на безопасном расстоянии, пригнувшись и держась рядом со стенами зданий. Они постоянно переговаривались и стонали, снова и снова, под своим грузом.

— Скорее бы утро, — сказал один.

— Лучше бы мы закончили побыстрее, — наконец, мы достигаем задней стены, которая отделяет Секвойю от внешнего мира, как и на главном входе верхние кирпичи нашпигованы обломками. Вздыхая, мужчины роняют сверток и, кажется, свистят из последних сил.

— Мне нужен кислород, — кашляет один.

— Еще как. Как только мы закончим с этим, я разобью лагерь рядом с кислородным ящиком, — он роется в сумке и вытаскивает тяжелую связку ключей. — Держи его, — говорит он и быстро двигается к маленькой стальной двери в стене. Ключ гремит в замке, и дверь открывается.

Двое мужчин медленно выдыхают, наклоняются над свертком и неуклюже шагают с ним непосредственно к двери, один идет задом, второй управляет с другой стороны.

Мы сразу же оказываемся у двери. Быстро проверив, действительно ли мужчины прошли, и крадемся наружу из Секвойи.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

— Быстрей, — шепчет Сайлас.

Мужчины уже далеко впереди нас, медленно перебирая ногами по неровной земле, мимо всех этих мусорных куч, которые здесь накопились с внешней стороны стены, насколько было видно.

Они останавливаются в последний раз, и мы прячемся за перевернутым тухлым деревянным столом. Сайлас пихает меня в сторону. Я слегка поднимаю голову.

Рядом с мужчинами стоит теперь еще третья фигура: худой парень с длинной бородой и дыхательной маской.

— Не очень то и глубока твоя яма, — жалуется один из носильщиков.

— Сначала посмотрим, — ворчит барыга и толкает рукояткой лопаты по свертку. Мужчины роняют его на землю и разворачивают.

Я тянусь еще выше, чтобы рассмотреть получше: перед нами на земле лежит мужчина, безжизненный и неподвижно. Его голова опухла, глаза выпучены. Я снова соскальзываю за стол и закрываю вентиль.

— Не Квинн, — шепчет Сайлас, что меня немного радует.

— Этот слишком толстый, — предполагает барыга. Лопата врезается в землю, он делает яму шире. — Там есть еще одна лопата, — говорит он.

— Делай свою работу, Краб, мы делаем нашу.

Некоторое время все тихо, затем один из мужчин спрашивает:

— Голоден? — мы слышим, как что-то распаковывают, затем чавканье. Я вынуждена сдерживаться. Как можно хоронить кого-то и одновременно с этим устраивать пикник?

И именно тогда мне бросается в глаза странности территории. В свете луны мне становится

ясно, что это не просто неровности природы, а оно стало таким из-за всех этих мертвецов, которые были здесь зарыты.

Я толкаю Сайласа.

— Здесь везде могилы, — шепчу я.

— Кого, черт побери, они там закапывают? — спрашивает он. Мы можем только смотреть друг на друга, слова у нас закончились.

— Все готово, — говорит Краб. Мы выглядываем из-за края стола и видим Краба, бросающего лопату.

Оба носильщика кладут остатки еды в сторону и встают.

— Ты возьмешься за тот конец, — дает указания один.

— Почему я должен браться за череп? — орет его коллега.

— Он тебя не укусит.

— Ну, тогда ты и берись за голову, — первому не повезло, теперь они должны меняться местами.

— Раз, два, три, — они берут мертвеца за руки и за ноги, раскачивают тело из стороны в сторону и бросают его в яму, об дно которой оно с грохотом ударяется.

Краб крутит бороду.

— Засыпать тоже нужно? — спрашивает он, кивая в сторону могилы.

— Ну да, он же не должен тут лежать и вонять.

— В этом нет большого смысла, если постоянно будут новые поставки, — Краб поднимает лопату и втыкает ее в сложенную в кучу землю.

— Это не твоя задача вести тут учет, Краб, — говорит один из мужчин. Они возвращаются обратно.

— Нам надо было уже давно сбежать из Секвойи, — шепчет Сайлас.

— Задний вход мы можем использовать, как запасной выход. Раньше мы о нем ничего не знали.

Сайлас трет двумя руками голову. Оба мужчины уже вне зоны видимости. Если мы хотим их догнать и вперед них проскочить в дверь, то нам надо ускориться.

Мы стремительно лавируем между горами мусора, чтобы незаметно обогнать мужчин. В темноте невозможно что-либо разглядеть. Мы так торопимся, что я много раз спотыкаюсь. Старая металлическая труба, об которой я запинаюсь, издает характерный громкий звук.

Наконец мы видим стену. Дверь стоит нараспашку, до нее нет и 15 метров. Но уже поздно.

Из кустарника не спеша появляются мужчины, и вот несколько секунд спустя они уже за дверью, которую закрывают за собой на замок. Мы мчимся к ней и хватаемся за ручку.

— Закрыто. Надо лезть через стену.

— Вряд ли нам это удастся, — говорит Сайлас. Я не успеваю ничего возразить, как вдруг слышится удар и Сайлас падает на землю как подкошенный.

Я кричу и вовремя наклоняюсь в сторону, увернувшись от лопаты могильщика.

— Извергнутые, — кричит Краб и хватается меня за дыхательную маску. Я бью его обеими ногами в грудь. Он падает на пол. Это обеспечивает мне несколько ценных секунд, для того чтобы успеть сорвать с него маску.

Я так сильно тяну, что срываю заодно и шланги из бака. Он яростно вырывается и бьет в мою сторону.

Ему все труднее дышать и через несколько секунд он сдается. Он начинает хрипеть от недостатка воздуха в легких.

— Дай сюда маску, грязная девчонка, — говорит он скрипучим голосом.

Я быстро мчусь к Сайласу, поправляю ему маску и трясу его.

— Очнись!

Я поднимаю его голову, чтобы посмотреть есть ли на ней раны, но в темноте почти ничего не видно. Внезапно я слышу сзади меня шорох, и кто-то срывает с меня маску.

Я подскакиваю, оборачиваюсь кругом и вдруг ощущаю на шее руки Краба. Он сжимает мое горло так, что у него глаза почти вылезают из орбит.

Нам обоим не хватает воздуха, поэтому мы оба, согнувшись, оказываемся на земле.

Он так крепко вцепился в меня руками, что мне не удастся его сбросить. Такое чувство, что он хочет сломать мне шею.

Я впиваюсь ногтями ему в руку и царапаю ему лицо. Я борюсь, борюсь за свою жизнь. Вдруг над нами нависает тень.

Сайлас.

Краб отпускает меня и пытается сбежать, но у Сайласа лопата. Краб абсолютно бессмысленно держит глаза закрытыми, в этот момент Сайлас наносит ему удар лопатой. Краб беззвучно оседает на землю.

У меня дрожь пробегает по телу. Застывшим взглядом я смотрю на Сайласа.

Он бросает мне свою маску, берет мою и надевает ее на рот и нос.

— Он мертв, — говорю я.

Сайлас немного приподнимает голову Краба.

— Да, — говорит он. Из головы Краба капает темная, красная жидкость. Я чувствую что-то вроде сожаления, но быстро подавляю это чувство. Или он или мы. Так ведь говорится, не правда ли?

— Его никто не должен найти, — говорит Сайлас. Он поднимает меня на ноги.

— Почему? — у меня до сих пор болит шея.

— Они могут заподозрить нас. Я не хочу быть следующим.

Я наклоняюсь и беру Краба за ноги, Сайлас берется за руки. Из разmozженного черепа могильщика капает кровь.

Мы быстро тащим Краба к яме, которую он сам себе выкопал, и бросаем его на первое тело.

— Я принесу лопату, — говорит Сайлас. Я смотрю вниз на Краба и другого мертвеца. Они лежат щека к щеке, с полностью вывернутыми конечностями.

Сайлас возвращается и начинает копать, пока его мускулы не сводит судорогой. Я подменяю его.

Мы провозились до тех пор, пока ничего не стало видно.

— Мы убийцы, — говорю я, вытирая об штаны мокрую от пота руку.

На обратном пути мы пытаемся прикрыть кровавый след Краба камнями и рыхлой землей.

— Давай, сохраним где-нибудь кислородный баллон. Может, он нам еще понадобится, —

говорит Сайлас. Он оставляет меня на несколько минут у стены и идет на поиски хорошего тайника.

Остается только одна загвоздка: как мы сможем снова зайти внутрь? Здесь, на заднем входе в Секвойю, кажется, нет камер, но стены напигованы осколками. Если мы перелезем через них, то каждый за завтраком увидит наши порезы.

—Алина, — бормочет Сайлас. Он встал на колени. — Здесь есть путь внутрь, или наружу. — Я сажусь на корточки рядом с ним и смотрю туда.

Под стеной кто-то вырыл узкий туннель.

— Ты пролезешь там?

Вместо ответа Сайлас просовывает голову в туннель. Сжимаясь и извиваясь, он протискивается внутрь, я слеую за ним, обвальявшись с ног до головы в земле.

— Надеюсь, прожекторы отключены, — говорит Сайлас.

Мы убили человека, больше нам сегодня ничего не удалось сделать. По дороге в хижину, в моей голове непрерывно звучит только одно слово: убийца, убийца.

Именно в это я и превратилась.

КВИНН

Меня будит спор.

— Оставьте меня в покое, — сетует парень из соседней камеры.

— Если ты всё время хранишь, — говорит девушка. — Что я могу сделать?

Я поворачиваюсь на жёстком бетоне. Они стоят друг против друга и борются через решётку друг с другом. Увидев меня, девушка останавливается.

— Ты-то что натворил? — спрашивает она. Я встаю и отряхиваю с себя мусор.

— Ничего, — говорю я. — Но здесь и этого достаточно, — Девушка визжит от смеха. Хихикая, она влепила парню ещё. Но это не настоящий смех, это истерика.

— Отсюда можно выбраться? — спрашиваю я. Дальше наверху, возле потолка, есть узкое окно, но на этом всё.

— Бежать не советую, — говорит парень. Он приподнимает свою рубашку и показывает мне грудь всю в сине-зеленых синяках.

— Макс? — спрашиваю я.

Он кивает, просовывает руки через решётку и открывает спину девушки. Её кожа покрыта красными отметинами,

— Меня он избил, а её избил плёткой, — говорит он. — Потому что мы украли кислородный баллон, больше ничего.

Меня тошнит. Как бы не хватало мне Беа, я рад, что не втянул её в это.

В замке звенит ключ, и Макс распаивает дверь. Парнишка и девушка забились в самом конце их камер и наблюдают, как он направляется ко мне.

— Прекрасные новости. Ваня тебя простила, а это значит, у тебя по программе днем полное обследование.

— Обследование?

— Давай шевелись, — говорит Макс, распахивая дверь камеры и хватая меня за шкуру. Я защищаюсь, ведь я могу быть следующим.

Кроме того вне камеры вероятность больше, что я смогу найти Алину и выбраться отсюда, назад в Купол.

Парень и девушка смотрят мне вслед. Паника во взгляде.

Это, пожалуй, относилось и ко мне.

АЛИНА

Я просыпаюсь вся в поту, ощущаю чужие руки на своей шее. Сайлас сидит на моей кровати.

— Просто сон.

Я убираю пряди с лица.

— Сколько времени? — спрашиваю я. Все остальные уже оделись и готова.

— Шесть часов вечера. Мы наряжаемся для этой придурковатой церемонии спаривания, — говорит он.

— Я проспала весь день?

— Я сказал Ване, что у тебя проблемы с животом, — объясняет он.

Я вспоминаю убийственный взгляд Краба, и мое горло снова сжимается.

— Ты рассказал им? — шепчу я.

Сайлас подвигается ближе ко мне.

— Они знают о трупах, которые хоронят снаружи. О том, что мы сделали, расскажем только тогда, когда дела пойдут не так, как нужно, — он берет меня за подбородок и смотрит в глаза. — Опомнись, Алина. Ты убивала раньше, — я качаю головой в ответ. — В Роще. Ты веришь, что все твои пули пролетели мимо солдат?

Но тогда это было легче, трупы были очень далеко, их лиц не было перед моими глазами, и мне не приходилось зарывать их.

Сайлас повернулся к другим.

— После того, как мы видели вчера труп, больше нельзя медлить... нам нужно выбраться отсюда. Наша основная забота — кислород. Зонг?

Зонг жуёт губы.

— Я могу найти возможность подключиться к кислороду и откачивать в какой-нибудь герметичный контейнер, но для достижения цели нам нужны деревья или формула для искусственного воздуха... и необходимые химические элементы.

— Это отпадает, — говорит Сайлас. Все умолкают. Остается не так много возможностей. — У меня все еще есть карта, на которой Инджер нарисовал расположение приборов для дыхания на солнечных батареях. С ними мы сможем продержаться первое время и подождать, пока Зонг не придумает что-нибудь получше, — он смотрит на каждого из нас по очереди. Я бы охотно внесла другую идею, но у меня нет ни одной.

— Мы хорошо справлялись с аппаратами на солнечных батареях, пока не появились вы, — жалуется Мод. Ага. Почему же тогда она хотела меня убить из-за моего баллона с кислородом, если хорошо справлялась с ним?

Дориан упирает руки в бока.

— В Роше мы тоже хоронили людей, как ты знаешь. Я не понимаю, почему это тело так сильно должно отличаться от других.

— Это был не просто труп, Дориан, — говорю я. — Там были дюжины могил.

Дориан надевает красную одежду через голову и, вздыхая, осматривает нас.

— Эта штука со спариванием также мало подходит мне как и вам, но я не хочу провести остаток моей жизни в Пустоши скорее мертвый чем живой, — выдает он свое мнение.

Мы все смотрим на Сайласа и ждем, что он наколдует какое-нибудь решение, которое успокоит страх Дориана. Страх, который овладевает и нами. Все же у Сайласа нет ничего в запасе.

— Нам нужно выбраться из Секвойи, и лучше сейчас, — только и настаивает он.

— Мы не пройдем и километра, а они уже поймают нас, — говорю я.

Сайлас сверкает глазами в мою сторону, все же это не свойственно мне, толкать его в спину. Нам нужно просто дождаться правильного момента и убежать, когда они будут ждать меньше всего. Иначе они сразу бы поняли, что мы убили Краба.

— Мы нашли путь наружу. Узкий тоннель сзади под стеной, приблизительно пятнадцать метров от стальной двери. Как только мы узнаем что-то, мы сбежим через него и будем ждать на другой стороне. Там не так много убежищ, которые мы можем использовать, — говорю я.

Зонг идет к двери, снимает оставшуюся одежду с крючка и подает их нам. Рукава слишком длинные и прячут наши руки.

Сайлас бьет кулаком по двери. Дориан натягивает капюшон на голову, закрывая полностью лоб так, что остаются видны только глаза.

— Красный — не мой цвет, — говорит Мод. Она пытается снова раздеться, но Брюс останавливает ее.

— Только один час, Медди.

Где-то за хижиной раздается пронзительный свист.

— Спаривание, — говорю я.

Перед тем как отвести нас в оранжерею, где должна состояться церемония спаривания, они отводят нас в обставленную узкими лавками приемную. Я сижу между Сайласом и Дорианом.

Кроме нас, людей из Роши, там сидит примерно с десятков других. Абель сидит напротив меня. Он улыбается, и я улыбаюсь в ответ, так как всегда это делала, даже когда мы находились в затруднительном положении.

Я разглядываю лица других парней. Ни один из них не выглядит особенно опасным. Я бы могла с ними справиться.

Дверь открывается, и в помещение заталкивают очередного кандидата.

— Квинн, — я бегу ему навстречу. — Мы так волновались.

— Я только что прошел трехчасовой тест и самое унижительное обследование всех времен, — говорит Квинн.

— Где Беа и Джаз?

Он пододвигается ближе. Раньше я бы, наверное, тут же отпрянула, но сейчас это не имеет ничего общего с флиртом.

— Они живы, — говорит он, и внезапно в моем теле зарождается надежда.

Если Беа и Джаз живы, то и нам нужно сейчас стиснуть зубы.

— Беа была вместе с Оскаром Кнавери. Они планируют новое восстание в Куполе. В этот раз мой отец на их стороне, и они считают, что им удастся взять армию под свой контроль. Но для этого нам нужны вы.

— Сын Кейна Кнавери? — спрашиваю я. Он кивает. Мне нелегко это переварить, в голове крутится сотня вопросов, но на это уже не остается времени. Звенит звонок, и из противоположного угла появляется Макс, одетый в облегающую, красную рубашку.

— Ну что, уже волнуетесь? — спрашивает он, потирая руки. Этот жест мне не нравится, также как и его похотливое выражение лица. После того, что я видела на лестнице, могу только посочувствовать Джо, живущей с ним. — Тогда давайте перейдем к делу, — говорит он. Мой желудок судорожно сжимается, когда он идет вперед, и все следуют за ним.

— Значит, тот мятеж в Куполе совсем ничего не дал? — спрашиваю я у Квинна.

— Ну как сказать, все-таки удалось настроить моего отца и Оскара против министерства. Ты вернешься со мной обратно в Купол?

— Да, конечно я пойду с тобой, — уверяю я.

Оранжерея представляет собой огромную пристройку зимнего сада, в восточном крыле главного здания.

С трех сторон толпится глазающая публика, состоящая из жителей Секвойи. Остающаяся четвертая сторона занята сценой, украшенной красным баннером, с надписью: "Спаривание дарит нам воздух и пищу". Это ерунда, во всех отношениях.

Чтобы восстановить воздушную оболочку земли, нужны деревья, больше ничего.

Под баннером стоит Ваня в красной рясе, без капюшона, но с глубоким вырезом и металлической булавкой впереди. Макс подводит нас к свободным стульям, затем поднимается на сцену и встает рядом с Ваней.

Мы садимся.

— Церемония спаривания — наше самое торжественное мероприятие, — начинает Ваня. — За счет спариваний мы спасаем человечество от вымирания. Кандидаты получают не только партнера для спаривания, но и задания. Вы будете милиционерами, отвечающими за физическую сохранность нашей группы. Академики будут следить за интеллектуальным благополучием в группе, а учредители будут отвечать за духовные нужды.

Я окидываю взглядом помещение. Среди присутствующих мне никто не кажется особо духовно просвещенным. Ваня, кажется, забыла, что именно люди и перенаселение стали причиной перемен. Валить деревья, чтобы прокормить людей — гениальный план, как выяснилось.

— Наши достижения превзошли все мои ожидания, — продолжает Ваня. — На нашем пути мы совершали ошибки, у нас были жертвы, но все это делало нас только сильнее. В то время как другие группы потерпели неудачу, нам удалось всего добиться. Ваня смотрит на нашу трупку. Меня так и подмывает показать ей средний палец. — Это не наша вина, что Роцци больше нет. Некоторые из наших кандидатов беженцы. Секвойя — это последний бастион против министерства. Мы защищаем не только наше право дышать, но и наше право вырастить новый народ, способный оказать сопротивление элементам общества.

Публика ликует.

Я смотрю на Сайласа. Его взгляд устремлен в пол, щеки горят, а руки сжаты в кулаки. Насколько я его знаю, он в любой момент может вспылить, но насилием мы ничего не добьемся.

Их просто слишком много. Если мы уйдем, то тайно. Точка.

Ваня называет первую группу кандидатов.

— Зонг Джексон, Дориан Чазм, Джуно Макнюр, Марта Спенсер, Квинн Каффри и Кьярис Бёрд. Пожалуйста, поднимитесь на сцену, — говорит Ваня. Встал один только Дориан. — Вы все, — настаивает Ваня.

— Это плохо кончится, — говорит Квинн и поднимается вместе с остальными на сцену. Кажется, что большинство из них сковал страх или волнение, но не Дориана. С каких пор он решил, что ему и правда всего этого хочется?

— Представляю вам... наших академиков, — провозглашает Ваня. Снова раздаются восторженные возгласы, наверно от остальных академиков. — Пожалуйста, прикройте головы, — указывает Ваня. Все надевают капюшоны. — Все спаривания были определены на научной основе, чтобы гарантировать, что каждый в Секвойе получит идеального для него партнера, — Ваня вынимает список. — Пожалуйста, вытяните руки. — Ваня берет за руки Зонга и вторую персону и ведет их вперед, на сцену. — Представляю вам Зонга Джексона и Марту Спенсер, — оба должны встать на колени, в то время как Ваня кладет руки на голову каждого из них и закрывает глаза. — Будущие поколения будут чтить эти дни. Пусть ваши узы способствуют развитию человечества. Всегда стремитесь к высшему благу.

— К высшему благу, — хором повторяет публика. Ваня кланяется, как после удачного фокуса и снимает с обоих капюшоны.

Зонг и Марта впервые смотрят друг другу в глаза. Неужели Зонг дрожит? Ваня заставляет их взяться за руки. Вставая, Зонг запинается о собственные ноги.

Марта помогает ему подняться. Учитывая историю с Холли, меня удивляет его спокойствие по отношению ко всем этим мероприятиям.

Ваня выбирает следующую пару. Квинн и девушка по имени Кьярис. Квинн единственный на сцене, кто носит кислородную маску, и я чувствую, как все глазают на него. Он и Кьярис преклоняются перед Ваней. Она произносит свои заученные слова и соединяет обоих.

Настала очередь Дориана. После церемонии он отводит свою партнершу Джуно в сторону и тут же отпускает ее руку. Увидев, что его половинка оказалась невзрачной, с круглым лицом и легкой угревой сыпью, Дориан уже не горит желанием приспособливаться. Он отстраняется от Джуно так далеко, насколько это возможно.

Макс отводит их к ряду стульев, стоящих сзади на сцене. Несмотря на то, что это вся эта история с Секвойей и спариваниями достаточно серьезна, разочарованный Дориан с его лопнувшими иллюзиями вызывает у меня улыбку.

Ваня объявляет следующую группу академиков. Она называет имена, которые мне ни о чем не говорят, и все больше новых кандидатов в праздничных одеждах устремляются на сцену.

Я мысленно заглушаю ее голос и смотрю вверх через стеклянный потолок на черное небо с мерцающими звездами. Точно так же, как в ту ночь в Роще, когда я спала на деревьях, до того, как весь мир над нами разрушился.

Покой, который я тогда испытывала, был бесподобен. Покой, погруженный в непроницаемую тишину вселенной.

Проходит немного времени и звучит мое имя.

— Алина Мун, Сайлас Мун, Урен Дарсон, Шугар Коллинс и Абель Бун, поднимитесь наверх. И вот я уже стою напротив сотен секвойцев, беспокойно ерзающих на своих стульях.

Те, кто наиболее внимателен, недоверчиво рассматривают меня и Сайласа, потому что мы, как и Квинн, носим дыхательные маски. Да пошли они все... Они ведь понятия не имеют, кто

мы, и на какие жертвы мы пошли, чтобы добраться сюда.

Кроме Сайласа, который не может быть моим партнером, на сцене только один парень - Абель. Это не делает меня счастливой, здесь все неправильно, неправильно, но я чрезвычайно рада, что маска и капюшон скрывают мое облегчение.

— Представляю вашему вниманию милиционеров, — говорит Ваня и произносит имена Сайласа и Урен. Трудно себе представить, что он сейчас думает или чувствует. Потерять Инжер — это уже трагедия. А тут еще это, да еще и с ней. Ваня продолжает. — Представляю вам Абеля Буна и Шугар Коллинз, — говорит она. У меня в груди все сжимается. Я стягиваю капюшон и смотрю, как Абель и Шугар берутся за руки и неуклюже отходят в сторону. Меня пронзает абсолютно бессмысленная ревность.

По толпе пробегает рокот, потому что я осталась единственным кандидатом. Значит ли это, что мне не досталось партнера? С одной стороны — это удача, но с другой стороны... Мой желудок сжимается в узел.

Ваня заставляет меня встать на колени и кладет мне руку на голову, как и остальным. Из-под капюшона я могу разглядеть только ноги зрителей. Ваня откашливается, заглушив тем самым бормотание в зале.

— Процессы спаривания нельзя прерывать. Это всегда было нашим твердым правилом. Но что делать, если спаривание не функционирует? Что, если при повторном изучении результатов теста мы установим, что была совершена ошибка? Джо Роуз сбежала из Секвойи и вернулась через несколько дней. Почему она убежала? Она почувствовала, что результатам теста была дана ошибочная оценка, поэтому мы протестировали ее еще раз и установили, что ей ни в коем случае нельзя было принадлежать милиции, и уж тем более спариваться. Джо была снова аттестована, и теперь она будет учредителем, и тем самым нашей совестью, как и все наши учредители. Она будет проводить свои дни в состоянии медитации, чтобы притягивать позитивную энергию в Секвойю. Эта роль достается немногим, избранным людям, так как большинство даже не в состоянии ее понять. Мы срочно нуждаемся в таких людях, как Джо. В зале так тихо, что можно услышать, как падает булавка. Всем становится ясно, что сейчас последует. — Однако же, партнер Джо будет снова распределен.

Нет...

Я кусаю себя за язык, когда слышу, как под его коленями скрипит пол. У меня в ушах стучит кровь. Нам с Сайласом надо было убежать вчера, когда еще была возможность или сегодня утром, как он предлагал.

Мы уже достаточно видели.

Мой капюшон откидывается назад, и я вижу Макса, скривившего рот в улыбке. Он протягивает мне руку. Мне ничего не остается, как взять ее и присоединиться к остальным на краю сцены.

Макс обхватывает рукой мои бедра и пытается притянуть меня ближе к себе.

— Прекрати это, — говорю я, но его рука так и остается лежать на моем бедре. Тогда я толкаю его локтем в бок.

Он только смеется, кладет руку мне на затылок и тянет за ремень моей маски.

— Осторожно, — шепчет он.

Ваня продолжает свою речь и зовет на сцену Мод и Брюса. Они также становятся учредителями.

— Мне это подходит, я всегда была очень щедрой, — говорит Мод, и все смеются.

Церемония закончилась, и нас выводят наружу. Публика поднялась и аплодировала. Но я от

меня не ускользнуло то, что на некоторых лицах читалось прямо-таки потрясение.

Сзади кто-то наступил на подол моей рубашки. Я оборачиваюсь и вижу шаркающего ногами Абеля, держащего за руку Шугар.

У него такое же паническое оцепенение в глазах, как тогда, во время нашего разбойничьего набега в биосфере.

— Прости, что я уговорил тебя остаться. Я и представить не мог, что ты его получишь, — шепчет он. Макс уже далеко впереди и не может подслушать.

— Поздновато для извинений, — говорю я, хотя он тут вообще-то ни при чем.

Абель отпускает Шугар, которая недоверчиво наблюдает, как он прижимается ртом к моему уху.

— У Мод и Брюса трудности. У Джо тоже, — шепчет он.

— Что? — я останавливаюсь.

— Они могут умереть. Мы должны...

Он замолкает, потому что Макс пробирается ко мне сквозь толпу.

— Алина, — сердито говорит он. — Пошли сейчас же.

— Абель? — кричу я, но он уже не может меня слышать, потому что Макс тащит меня за руку за собой.

БЕА

Меня разбудил звук заглушенного мотора внизу на улице и голос Джада Каффри.

— ОСКАР!

Оскар уже мчится из комнаты, в то время как я только выползаю из кровати. Добравшись до окна, я вижу Оскара, стоящего с Джадом возле внедорожника. Джад кладет руку на плечо Оскара, и в какой-то момент я представляю на его месте Квинна.

Не могу поверить, что я действительно это делаю - объединяюсь с Джадом Каффри.

На лестнице раздаются шаги. Я оборачиваюсь и вижу стоящего в дверях Оскара.

— Готова?

Луч света падает на верхнюю половину его лица. У него круги под глазами, наверное, он всю ночь не сомкнул глаз.

— Ты уже сказал ему? — спрашиваю я. Он подходит ко мне в угол, где я укладываю в рюкзак пожитки, и берет меня за руку. Я быстро вырываю ее. — Он знает обо мне?

— Он в курсе.

— И что, он примкнет к нам? Он поможет мне набрать мятежников в армию?

— Да, — он смотрит на меня сияющими глазами. Я так рада, что готова броситься ему на шею.

— Оскар, ты веришь, что у нас и правда получится избавиться от министерства?

— Мы попытаемся, — говорит он.

Он вытаскивает из рюкзака энергетические и протеиновые батончики, а также два кислородных баллона и бросает их на пол. Я морщусь лоб.

— Ты говорила, некоторые отверженные безобидны. Это пригодится им больше, чем мне, — он крепит лямки рюкзака и надевает его на плечи.

Мы стоим друг против друга. Начиная с этого момента, мы вряд ли увидимся с глазу на глаз. Я не могу подобрать правильных слов и только улыбаюсь.

Надеюсь, что он все равно чувствует, как я ему благодарна за то, что он спас меня и Джаз от Извергнутых.

Джад кричит снизу. Оскар смотрит в окно, потом на меня, затем на дверь.

— Идем, — говорит он.

На улице Джад осматривает меня с ног до головы и вздыхает.

— Беа Виткрафт... не ожидал, что увижу тебя снова.

— Скорее не надеялся, — парирую я.

— Нет, наверное, нет, — говорит он. — Но, ничего не поделаешь. Джад пихает руки в карманы и качается вперед назад. Он внимательно рассматривает сначала мой неухоженный внешний вид, затем Оскара. — Прости, что я не приехал вчера. В Куполе был полный хаос.

Оскар пожимает плечами.

— Но сейчас-то ты здесь. Я уже задавался вопросом о том, появишься ли ты вообще.

Джад позволяет себе слабо улыбнуться.

— Уверена, что хочешь вернуться назад? — спрашивает он меня. Я киваю. — Если министры тебя поймают, то ты глубоко увязнешь в дерьме. Тогда мы все глубоко увязнем в дерьме.

— Они ее не найдут, — говорит Оскар и ведет меня к внедорожнику. — Садись на пассажирское сиденье.

Чтобы мне пришлось целый час сидеть рядом с Джадом? Я качаю головой.

— Мне нравится ездить сзади, — говорю я и сажусь.

Двигаясь резкими толчками, внедорожник едет вдоль улицы. Долгое время никто из нас не говорит ни слова. Вдруг Джад оборачивается и смотрит мне в глаза.

— Квинн жив. Правда? — спрашивает он. — Ты бы не стала меня обманывать.

Никогда не слышала, чтобы он так говорил — с такой любовью к своему сыну.

— Он жив, — говорю я. — И он придет.

ОСКАР

В Куполе много дверей, которые служат выходом для мятежников, от которых хотят избавиться. К одной из них Джад приводит Беа. Там она должна ждать в полной темноте.

Джад и я входим в Купол через официальный контрольно-пропускной пункт. Пограничник занят своим айпадом, но увидев меня, отрывается от него.

— Добро пожаловать назад, господин Кнавери. Я уверен, вы сделали все, что было в ваших силах.

Он косится на своего коллегу и язвительно ухмыляется.

Я так выбился из сил, что, даже особо не раздумывая, тыкаю пограничнику указательным пальцем в грудь. Он отступает назад, но я следую за ним, не убирая пальца.

— Осторожно.

Его нос подергивается.

— Я только имел в виду...

— Мне ясно, что вы имели в виду.

Он ищет взглядом своего коллегу. Сейчас я мог бы без проблем пройти мимо него, но я этого не хочу.

— С дороги, — говорю я, и он немедленно подчиняется.

Джад идет по пятам. Мы садимся в ожидающий нас внедорожник.

— Как девчонке это удастся? — спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду?

— Беа Виткрафт превращает молодых парней в мужчин.

На нескольких перекрестках нас встречает контроль, но увидев Джада, солдаты делают знак ехать дальше.

— Все еще сохраняется максимальный уровень безопасности, — замечаю я.

Он сопит.

— Уже две ночи подряд проходят облавы по квартирам жителей второго класса. Есть еще больше мест на радиолокаторе и заявление, чтобы выслать вторых их первой зоны.

Мы останавливаемся перед зданием суда. Джад выходит из автомобиля, и я следую за ним по ступеням вверх в вестибюль. Группа министров недоверчиво поглядывает на меня. Я — первый солдат в специальном подразделении, который вернулся.

— Ты слышал о других? — спрашиваю я Джада. — Рик уже кого-нибудь заколол?

— Он связался со мной и сообщил, что он спустился на анате в какой-то канат, так как хотел услышать там голоса, — он улыбается. — У меня такое чувство, что другие тоже скоро вернуться. Робин знает, что все это чисто трудовая терапия.

— Она также разочарована, как и я.

— В то, что мы сейчас проводим, ты не будешь втянут. Чем больше Премиум мы привлекаем, тем больше шанс измены.

После внимательного взгляда на Рад мы идем вдоль по коридору мимо многого количества дверей. Лампы мерцают. Откуда-то слышны стоны, которые заставляют меня остановиться. Джад продолжает шагать дальше.

— Во время твоего отсутствия мы провели более тридцати арестов. В основном потенциальных КРЫС. Там как раз была голодная судорога, — объясняет он.

— Почему вы морите их голодом?

Джад останавливается.

— Министры считают, что они быстрее расколются, если достаточно голодны. Твоя сестра приходит каждый день, чтобы повертеть перед их носами коктейлем из фруктов или тортиком.

— Моя сестра?

— Она работает как ассистентка Ланса Вина. Кажется, что ей это доставляет удовольствие.

Я не понимаю этого. Ниам искала работу?

Джад открывает дверь, на которой висит табличка "Вход только с прибором для дыхания", он входит, и поток холодного воздуха проникает в коридор. Назад он возвращается с Беа на

буксире.

— Туда, — говорит он и толкает нас в пустую камеру, по стенам которой стекает вода от конденсата. — Я хочу напомнить только один раз, что Купол всегда был в руках Министерства, даже если менялись главы. Никто не сдастся без боя.

— Они получают борьбу, — отвечаю я. Если бы только это было так легко, как я делаю здесь. Это было сложнее всего, что я когда-либо видел.

— Ты уже нашел рекрутов?

— У нас почти нет заявлений. Чиновничья жизнь в Зоне 2 не так уж и заманчива, с тех пор как они начали понимать, какая игра там ведется.

— Через пару дней у тебя будут сотни заявок, а может даже и тысячи. Мы с Беа разузнаем, кто еще остался из мятежников, и объясним им наш план. Они пошлют людей, которые возьмут на себя обязательства...

Джад грызет ноготь.

— Тем самым я подвергаю мою семью опасности.

— Но ты уже ввязался во все это, — мой голос звучит жестче, чем я предполагал. Джад прикладывает палец к губам. Он не может сейчас взять и отказаться от своих слов. Мы нуждаемся в нем. — Ты предоставляешь убежище разыскиваемой террористке.

Он смотрит на Беа так, как будто ему только теперь стало ясно, кто она и за кем стоит.

Затем он понуро опускает голову.

— Я знаю, — говорит он. — Где Джаз? — жалобно хнычет Беа.

Джуд потирает виски.

— В больнице. Она уже поправляется.

— А ее нога? — спрашивает она.

— Она почти ее потеряла, но все обошлось.

— Ее опросили? — спрашиваю я.

— Она пыталась их убедить в том, что она дочь отверженных и ее родители погибли, сражаясь на стороне мятежников. Она делает вид, что ненавидит мятежников, так как они виноваты в смерти ее родителей. Прирожденная актриса.

Беа смеется. Удивившись ее смеху, мы оба смотрим на нее.

— Малышка и правда несокрушима, — объясняет она. — Мне можно к ней?

— Вряд ли, — говорит Джад. Он открывает металлический шкаф в углу камеры и достает оттуда солдатскую униформу. — Ты должна надеть ее, — говорит он.

— Нам нужно выработать какую-нибудь стратегию, чтобы министерство не арестовало всех без исключения мятежников, — говорю я.

— Олд Ватсон должен знать, где они скрываются, — говорит Беа.

— Кто это, Олд Ватсон? — спрашивает Джад. Беа сжимает губы и ощупывает солдатскую форму. Она все еще не доверяет ему.

Он закатывает глаза.

— Где нам тебя спрятать? — спрашивает он.

— Мы доставим ее ко мне домой, — говорю я.

АЛИНА

В комнате, которую я делю с Максом, стоят двуспальная кровать, две прикроватные тумбочки и комод.

Он закрывает дверь и начинает раздевать меня глазами. Что бы он там себе не представлял, ему все равно ничего не светит. Я поворачиваюсь к нему спиной, стаскиваю вечернее платье через голову и бросаю его в мусорное ведро.

— Может, хочешь еще что-нибудь снять? — пол скрипит, и когда я быстро оборачиваюсь, то вижу его, стоящего так близко, что его горячее дыхание касается моего лба. — Только без паники, — говорит он. Он убирает волосы с моего лица, и я вся содрогаюсь. Я не хочу, чтобы он приближался ко мне. Оттолкнув его, я пытаюсь выглядеть сильнее, чем я себя чувствую.

Я окидываю комнату быстрым взглядом, в поисках какого-нибудь оружия. Мой взгляд останавливается на часах с мраморным цоколем. Если он будет приставать ко мне, я огрею его ими по затылку.

— Оставайся на своей половине комнаты, — говорю я и указываю на другой угол. Он потирает рот и, прежде чем я успеваю хотя бы приблизиться к часам, он бросается на меня, хватая сзади за волосы и притягивает мое лицо к своему.

— Думаешь, я откупорю тебя без твоего специального разрешения?

Свободной рукой он вытаскивает заправленную рубашку из брюк. Неужели то, что я еще девственница, настолько бросается в глаза? Я застываю на месте.

— Я не хочу тебя, — говорю я. Как бы мне не было страшно, я не должна ему это показывать.

— Да брось ты, я видел, как ты на меня смотришь.

Его пристальный взгляд не заставит меня сдаться.

— Где Джо? — спрашиваю я.

Он проводит языком по верхнему ряду зубов.

— Ты же слышала Ваню. Она теперь учредитель.

— Её ребенок тоже?

Он отпускает меня и идет к окну. Распахнув его, он вдыхает ночной воздух. Для меня это никогда не было возможным.

— Ты видимо думаешь, что видишь нас насквозь. Это заблуждение. Ты видишь все неправильно, — когда он снова поворачивается, в его глазах стоят слезы. Но меня не проведешь, я видела, как он обращался с Джо.

И еще мы с Сайласом видели, как его прислужники закапывали труп. Невозможно в этом что-то неправильно понять.

— Я сплю на полу, — говорю я.

— Отлично, — говорит он. — Джо протянула так весь год. В один прекрасный момент она прискакала ко мне в постель, и не потому, что ей было холодно.

Он стягивает рубашку и обнажает грудь.

Наверно он думает, что может пленить меня своим телом. Я отвожу взгляд и ложусь на пол.

Нам ни за что нельзя было приходить сюда.

Остается только возвратиться назад в Купол и сделать его нашим домом, каким он и всегда должен был быть.

ОСКАР

Ниама нет дома, поэтому мне удастся беспрепятственно провести Беа через сад. Венди открывает дверь своей пристройки и, улыбаясь, машет нам, чтобы мы заходили. Уже через десять минут после знакомства она предлагает Беа свою кровать.

Она была единственной, кому я мог довериться.

Я пытаюсь уговорить Беа немного отдохнуть, но перекусив и приняв душ, она снова надевает униформу и готовится искать мятежников.

— Я засну тогда, когда смогу закрыть глаза, — говорит она.

Она не проходила обучение в специальном подразделении, но ее боеготовность ни в чем не уступает моей.

Беа звонит в дверь Олда Ватсона.

— Оставайся вне зоны видимости, иначе он не впустит нас, — она снимает куртку и шапку и занимает такую позицию, чтобы он смог увидеть ее в дверной глазок.

— Ватсон, — говорит Беа, когда он открывает дверь и хватается за руки.

— Великая матушка-земля, что ты тут делаешь? И что это за униформа? — спрашивает Олд Ватсон. Он собирается затащить ее в дом, но тут обнаруживает меня. Он отпускает руку Беи и собирается закрыть дверь, но Беа блокирует дверь ногой.

— Он на нашей стороне, — говорит она.

Мы следуем за Олдом Ватсоном в его убогое жилище и садимся на диван. Я всматриваюсь в темные углы комнаты, и у меня перехватывает дыхание.

Повсюду прорастает что-то похожее на настоящие растения, растения, растущие в его гостиной.

— Что это? — спрашиваю я, обалдев от того, что он провернул такое под носом у министерства.

— Они выращены из черенков из Биосферы, — бегло объясняет Беа. Почему я слышу об этом впервые?

Я подхожу к растениям, отщипываю один листочек и растираю его между пальцами. С одной стороны он словно покрыт воском и зеленый, а с другой кожеобразный и серый.

Беа садится рядом с Олдом Ватсоном и прижимается к нему. Я убираю чашки и стаканы с маленького столика и сажусь на него.

— Ты знаешь, где прячутся мятежники? — спрашивает Беа.

Олд Ватсон чешет череп.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — отвечает он, косо глядя на меня.

— Рожи больше нет, — рассказываю я. — Теперь люди должны нанести ответный удар, это единственный шанс.

Подбородок Олда Ватсона дрожит.

— А что с... Сайласом и Алиной? — заикается он.

Беа берет его за руку.

— Они смогли выбраться. Квинн приведет их сюда. И тогда все вместе мы всех освободим,
— она говорит убедительно, но Олд Ватсон уже опускает со стоном голову на руки, прежде чем она вообще разъяснила план.

— Тебя не было здесь после восстания, Беа. Любые попытки бесполезны.

— На нашей стороне теперь Оскар и Джад Каффри, — объясняет ему Беа.

— Джад Каффри? Как ты можешь ему доверять, после того, что он сделал со своим собственным сыном? Беа с трудом глотает. Ей действительно не нужно напоминать о Квинне или о том, на что способен Джад Каффри. — И почему ты доверяешь сыну Кейна Кнавери?
— спрашивает он, как будто меня здесь нет.

— Каффри наберет вторых в армию, — сообщаю я ему. — Министерство вооружит их, и будет подавлено своим собственным оружием.

Олд Ватсон пристально смотрит сначала на меня, затем на Беа, пока пережевывает наш план.

— Вы серьезно? — спрашивает он. Беа кивает.

Олд Ватсон шумно пыхтит и хромот к балконной двери, где открывает старые занавески и выглядывает в окно на зону три.

— Если Ланс Вин узнает, что вы строите заговор против него, тогда вы проснетесь с выпотрошенными внутренностями.

— Ты готов пойти на такой риск, Оскар? — спрашивает Беа.

— Да, — говорю я.

Олд Ватсон хватая свою потрепанную, вязаную кофту со спинки стула.

— Постепенно я становлюсь слишком старым для этого дерьма, — объявляет он.

Оставшиеся мятежники затерялись по всему Куполу, чтобы при успешной облаве не переловили всех по цепочке, но все же убежище Харриет и Гидеона известно Олду Ватсону.

Он ведет нас по улицам зоны 3 до выделяющегося своей ветхостью квартала с квартирами второго класса. Лифт не работает, поэтому нам приходится, тяжело дыша, подниматься до двенадцатого этажа.

Хрипя, Олд Ватсон 3 раза стучит в дверь и 2 раза нажимает на звонок. Дверь тут же открывает высокая женщина с волосами, собранными в строгий пучок. Увидев меня, она по инерции вытаскивает из-за пояса револьвер.

— Это я привела его, Харриет, — говорит Беа и загораживает меня.

— Беа? — говорит Харриет, опускает оружие и рассматривает ее униформу.

— Это всего лишь маскировка, — говорит Беа. — Мы можем войти?

Харриет ведет нас на кухню. Мы садимся, и Беа начинает рассказывать. Харриет и Гидеон терпеливо слушают.

Они не торопят и не переспрашивают. Когда Беа закончила рассказ, Гидеон подошел к мойке и наполнил чайник горячей водой из-под крана.

Он добавляет несколько чайных ложек темно-коричневого порошка, перемешивает и с грохотом ставит чайник вместе с несколькими пришедшими в негодность кружками на стол.

Олд Ватсон наливает себе и делает небольшой глоток. Так же как и в его квартире, здесь повсюду растения и рассада в стаканах.

Каждый свободный квадратный сантиметр занят спальными мешками и подушками.

Гидеон снова садится и откидывается назад.

— Джад Каффри - это просто кусок дерьма, который отправил на смерть собственного сына.

— Квинн жив, — говорит Беа, смотря в пол.

Харриет скрещивает руки на груди.

— Ну что же, мы сразу отпадаем, — объясняет она. — Мы — нелегальные беженцы, и нас разыскивают.

— Но вы можете уговорить других завербоваться. Это не так уж и трудно собрать второсортных, желающих нанести ответный удар, — впервые вступаю в разговор я.

Беа и я уже заранее обговорили план, но вполне может быть, что мы себе все неправильно представляем. Беа одобрительно кивает.

— Восстаниями ничего не удалось добиться, потому что они произошли спонтанно. Согласно нашему плану, повстанцы пройдут первичную военную подготовку и, прежде всего, получат оружие. Нас будет больше, и мы будем лучше организованы.

— Во время всех этих ночных облав, мы рады уже тому, что нам удастся убежать от них на пару дней, — говорит Гидеон. — Мы еще живы только потому, что постоянно переезжаем. Как только измерительные приборы указывают на пустую квартиру, где потребляется кислород, они уже тут как тут.

— Что ты хочешь этим сказать? — спрашивает Харриет мужа.

— Границы плотные, так же как и биосфера. Они перекрыли нам кислород, — отвечает он.

— Они этого еще не сделали. Передвигайтесь и дальше. Если нам удастся раздобыть баллоны с кислородом, мы доставим их вам, — говорит Беа. — Заботьтесь дальше о растениях, затем мы пополним ряды армии и будем дальше тренироваться, чтобы уметь обходиться низким содержанием кислорода.

Олд Ватсон зевает и опустошает свою чашку.

— С какой стороны ни посмотри, в альтернативе только война, плен или смерть.

— Так и есть, — говорит Беа. — Давайте начнем.

Я прячу Беа у Венди и иду в главное здание. Слышится бурление смыва в туалете, и на кухню заходит Ланс Вин, на ходу застегивая ширинку.

—Оскар, — говорит он и вытирает руку об штаны, которые немного коротки для его длинных худых ног.

— Совсем не ожидал вас здесь увидеть, господин президент, — говорю я. Более того, он последний, кого я ожидал здесь увидеть. Я концентрируюсь на его лице, чтобы автоматически не смотреть в сторону Венди.

— Ниам помогла мне напечатать новый законопроект. Мне удалось полюбоваться на ваш красивый дом. Настоящий мрамор? — он ощупывает столешницу и посвистывает сквозь зубы. — Сомневаюсь, что кто-то из министров живет в такой роскоши. Но Каин всегда любил пожить в свое удовольствие, — Он открывает один из кухонных шкафов и косится на ряды из стаканов и порцелана. Затем улыбается. - Никаких следов КРЫС? — Я качаю головой. - Пора заводить Цыпы, я бы сказал.

— Я так не считаю, — говорю я. Ланс Вин - это однозначно работа Джада. — Что за закон, над которым вы работали? — я достаю свой Рад и просматриваю новости, чтобы не дать ему почувствовать мой интерес.

— Мы откачиваем кислород из пустых квартир или у жильцов, отказывающихся платить. Должна же быть справедливость. — Он не выпускает меня из поля зрения.

— Тогда люди будут умирать, — говорю я.

— КРЫСЫ, которые там незаконно обитают и выклянчивают воздух.

— А, ты снова здесь! — сияющая Ниам стоит в дверях, не решаясь броситься от радости в мои объятия.

— Наш новый закон, кажется, не очень убедил твоего брата, — сообщает ей Вин.

Ниам неодобрительно щелкает языком.

— Он всегда хочет казаться жестким, но в глубине души Оскар очень мягкий и чувствительный.

— В самом деле? — спрашивает Вин.

— Только если речь идет о невиновных, — говорю я, холодно смотря на него. Он не вызывает у меня и доли того страха, который вызывал у меня отец.

— Ну, КРЫС невиновными никак не назовешь, — говорит Ниам очень отчетливо, демонстрируя Вину таким образом нашу верность системе.

— Как ты можешь быть так уверена? — спрашивает Вин. Ниам теряется и пытается вымучить какой-нибудь ответ, как в этот момент Вин игриво улыбается. — Маленькая шутка, — говорит он и надевает куртку. — Уже поздно. Я вас покидаю, можете идти спать, — ничего больше не сказав, он уходит через заднюю дверь.

Ниам садится на табуретку рядом со мной и кладет голову на столешницу.

— Он считает меня совсем тупой, — говорит она и со стоном закрывает глаза. — Спорим, он меня вышвырнет?

Я поднимаю на нее взгляд и смотрю ей в глаза.

— Почему ты вообще работаешь на министерство?

Она так внимательно смотрит на меня, как будто с трудом пытается вспомнить, кто я.

— КРЫСЫ убили папу.

— Вин его тоже не вернет, — мягко говорю я.

— Ланс Вин был папиным другом, — она идет к окну. — Я хочу быть полезной.

Я даже могу это понять. Мне тоже хочется быть полезным. Но почему мы должны быть на разных сторонах? Разве она совсем не видит, что там происходит?

— Ты должна пойти спать, — говорю я.

— Я рада, что ты снова здесь, — говорит Ниам. Она наливает стакан воды и плетется из кухни.

Я не могу убеждать Ниам в том, что наш отец был сам виноват в своей смерти. Если я в это верю, значит, я обманываю сам себя.

И я не могу быть ее совестью. Это с самого начала обречено на провал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. «ПРЕДАТЕЛЬСТВО»

КВИНН

Беа спасается бегством, ее преследуют вооруженные солдаты. Впереди бежит мой отец, держа в руке старомодный мушкет.

В конце концов, Беа падает. Я вдруг тоже оказываюсь там, но не могу ей помочь, так как прирос к дороге.

— Все лучше, чем это, — говорит она. До того как я успеваю ее спасти, ее уже уволок Оскар. Я забираюсь в темное место, как трус. Она смотрит на Оскара и улыбается. Затем их губы соприкасаются.

Я мгновенно просыпаюсь, с таким ощущением, как будто меня кто-то душит.

Кьярис обхватила меня рукой и храпит.

Я высвобождаюсь, сажусь и распутываю кислородный шланг, который каким-то образом ночью обмотался вокруг шеи. Такие кошмары мне не нужны.

Держа баллон с кислородом, я встаю с кровати. На мне только нижнее белье, поэтому я быстро натягиваю пуловер, лежащий на прикроватной тумбочке.

Кьярис шевелится и поворачивается ко мне.

— Нам сейчас немного неловко, — зевая, говорит она. Это спокойно можно назвать преуменьшением года. — Но не волнуйся, мы привыкнем друг к другу.

Она выглядит безобидной, но чувствуя угрызения совести, я даже не могу назвать ее милой.

Это Беа должна лежать рядом со мной, это ее бедра я должен обнимать по ночам. Вместо этого, я всю ночь лежал скорее рядом с кроватью, чем в ней, чтобы случайно не задеть Кьярис. Мой взгляд был постоянно устремлен на дверь, в ожидании Макса или Вани, пока, в конце концов, мои глаза не закрылись.

— Как долго ты уже здесь живешь? — осведомляюсь я.

— Четыре года. Я родом из Купола. Но я ужасно рада, что мне удалось выбраться оттуда. Особенно сейчас, когда это все происходит.

— Ясно, — говорю я. Я иду к двери, в щель которой, кто-то ночью протолкнул два серых, похожих на бумагу листа. Они идентичны, кроме стоящих на них имен. Я бросаю Кьярис ее лист и читаю свой.

Расписание для Квинна Б. Каффри.

Данные - Иммуитет: 7/ Репродуктивная способность: А/ IQ: 152/

Коеффициент нагрузки: превосходный/ Группа крови: А+

Партнер: Кьярис Берд

6.30 - Медитация - Кабинет 12

9.30 - Завтрак (Академики) - Вебенхаус

10.00 - Кардио- Кабинет 20

13.30- Обед (Академики) - Вебенхаус / 14.30 - йога - Кабинет 7

17.30 - Рабочее время - Библиотека/ главное здание

19.30 - Ужин (Группа 1) - Вебенхаус

20.30 - Инъекции - Кабинет 4Е

21.00 - Медитация- Кабинет 12

22.00 - Комендантский час

Любое изменение в расписании требует непосредственного разрешения Вани. При невозможности выполнения обязательных пунктов в расписании, необходимо сообщить дежурному, самое позднее - за 30 минут до начала мероприятия. В случае болезни обращаться к сестре Джонс, сестре Лайявитч или к доктору Марселе.

Партнеры обязаны появляться всегда вместе, без исключений.

— Сколько времени? — уточняет Кьярис.

— Почти шесть, — говорю я, взглянув на часы над кроватью, и задаюсь вопросом, вернулась ли Беа назад в Купол.

— Тогда у нас несколько последних минут свободного времени, — вздыхает Кьярис и встает, на ней нет ничего кроме короткой футболки. Я намеренно стараюсь не замечать этого.

— Свобода выглядит по-другому, — я просматриваю наше расписание. Если я пренебрегу рабочим временем, бросится ли это в глаза? Я просто не могу провести еще одну ночь в этой кровати.

И Алина ни в коем случае не должна проводить следующую ночь с Максом. Нам нужно выбраться отсюда как можно скорее, если мы хотим поддержать Оскара и Беа в их плане, чтобы отвоевать Купол.

— Иногда люди сбегают отсюда, так как им не нравится их партнер. Ты тоже это сделаешь? — спрашивает Кьярис и наблюдает за мной.

Она собирает волосы и закалывает их чем-то, что напоминает палочку для еды.

— Вздор, — вру я, широко улыбаясь, и туго затягиваю шнурки.

— Это хорошо, — говорит она, — так как каждый, кто сбегает отсюда, в конце умирает, я правда не хотела бы, чтобы ты умер. По крайней мере, не раньше, чем мы дадим потомство.

АЛИНА

Макс ни на секунду не выпускает меня из виду и тем самым предотвращает любое запланированное бегство.

Единственная часть этого дня, которая не была настоящим адом, — занятия групп. Бег, бокс, метание, растяжка стоят на самом верху моего списка желаний, и кажется, что даже Макс удивлен, когда я точно попадаю в цель во время стрельбы по мишеням — банкам и бутылкам, висящим на проволоках.

— Совсем не плохо, — говорит он. Вероятно, он думает, что я готова ради Секвойи на все, но я хочу быть подготовленной в технической самообороне, когда вернусь в Купол.

Всегда, когда я вижу Сайласа, Урен висит на его шее, а когда пытаюсь завести разговор, Макс в прямом смысле слова тянет меня прочь.

А Шугар уже полностью забралась на Абея. Во время обеда он незаметно пытается вступить со мной в контакт, но Макс следит за каждым куском, который я отправляю в рот, и бросает знойные взгляды на Абея.

После того как в первой половине дня мы поработали над нашей меткостью, нам раздают рюкзаки наполненные камнями для путешествия.

Даже опытные получают кислородные баллоны.

— Используйте экономно, — призывает нас Макс и выводит сотню солдат из Секвойи и ведет по тропе в горы, мимо скалы, омертвелой травы, обветренных скелетов зверей.

Под проливным дождем мы идем час за часом. Промокли до костей. Я открываю вентиль на баллоне с кислородом, но это все слишком: новички, включая меня, отстают все больше.

Малес бежит впереди, в то время как я явно бегу последней. Вдруг рядом со мной появляется Абель, дергает меня за рукав и что-то говорит, но из-за шума в ушах, дождя и ходьбы, я не понимаю его.

Он удерживает меня, чтобы я шла медленнее. Группа уверенно бежит дальше. Мы стоим

рядом друг с другом. Абель приподнимает маску.

— Мод, Брюс и Джо, — говорит он.

— Что они с ними сделали? — предположительно, тело, которое Краб закапывал на наших глазах, принадлежало учредителю. Неужели они все заканчивают в общих могилах? Но почему?

Абел снова надевает маску и говорит громче.

— Я покажу тебе сегодня вечером. Действовать надо быстро. Каждый час, который проходит, слишком много.

Я запинаясь об камень и вскрикиваю. Абель подхватывает меня. Макс, идущий почти в тридцати метрах впереди нас, останавливается. Он пропускает остальных и ждет, пока мы его догоним. Затем он идет дальше вместе с нами.

— У нее вентиль заклинил, она не могла дышать, — говорит Абель и снова присоединяется к Шугар.

— Ты останешься со мной, — говорит Макс и так сильно хватает меня за руку, что боль пронзает меня, как молния. Я вырываюсь из его тисков, и он поднимает руку, видимо собираясь врезать мне, но внутренне ему удается себя сдержать. — На сегодня достаточно, — оповещает он группу, разворачивается и бежит с горы.

— Сегодня вечером. Жди меня в коридоре, после уколов, — успевает шепнуть мне Абель.

В столовой Сайлас находит место рядом со мной.

— Где Макс? — спрашивает он. Я незаметно киваю в сторону лестничной площадки, где он сидит рядом с Ваней, ни секунды не спуская с меня глаз. — Сталкер, — ворчит Сайлас. Он зачерпывает ложкой кучку тараканов на тарелке. — Как нам отсюда выбраться?

— Квинн рассказал мне, что в Куполе планируется восстание. Мы должны вернуться туда и помочь.

Я беру кусок белкового хлеба и запихиваю его в рот. Он такой сухой, что застревает в горле.

— Он уверен?

— Кажется да. И еще кое-что... Мод и Брюс в опасности. Абель проведет меня сегодня ночью к ним.

Урен, сидящая напротив Сайласа, наклоняется ближе к нам.

— Что? — вырывается у нее, при этом крошки из ее рта почти долетают до тарелки Сайласа.

— Оставь меня в покое, — наезжает на нее Сайлас. Урен обиженно отстраняется, надув губы и отвернувшись. Сайлас наклоняется ближе ко мне. — Это Абель уговорил нас остаться, — он бьет кулаком по столу.

— Наверно он не думал, что кто-то из нас мог бы стать учредителем.

— Ты не будешь его сопровождать. Я не хочу, чтобы тебя следующую закопали снаружи, — говорит Сайлас.

— Как только с нами будут Мод и Брюс, мы сможем вернуться и свергнуть министерство. Это ли не то, чего мы всегда хотели? В любом случае, это то, чего всегда хотела я.

Сайлас оглядывается вокруг себя. Квинн и Дориан сидят на другом конце столовой с остальными академиками, а вот Мод и Брюса нигде не видно.

— Прекрасно, иди с Абелем, — говорит он. — А насчет возвращения в купол..., — начинает он, как вдруг в помещении воцаряется абсолютная тишина.

Ваня встала.

— Сегодня вечером я хочу поговорить об одном деле. Она делает эмфатическую паузу и все кто еще ел, откладывают столовые приборы. — Наш комендант, Питер Краб, ответственный не только за территорию внутри Секвойи, но и следящий за порядком по ту сторону стены, исчез. Если кто-то из вас его видел или представляет, где он может находиться, обратитесь, пожалуйста, немедленно к Максусу.

Макс глазами водит по залу. Но мы с Сайласом не смотрим друг на друга.

Даже нисколечко. Нам итак понятно, что мы теряем время.

Покинув лабораторию, где мне сделали ЕПО-Укол, я чувствую себя такой оживленной. От приема таблеток мне удалось отвертеться. Я спрятала их под язык, а затем, пока ждала Абеля, засунула их под дорожку в коридоре.

Абель выходит из другого помещения, в сопровождении Шугар, потирающей предплечье. Ее тусклые, белокурые пряди свисают на лицо.

— Медитацию я, пожалуй, сегодня пропущу, Шугар, — говорит Абель. — Неважно себя чувствую.

— Ах, вот как? — говорит она ледяным тоном. Не хочу показаться ревнивой, но меня это немного задело. Кажется, Абель ей даже нисколько не нравится, тем не менее, ей разрешается проводить с ним весь день и всю ночь.

— Я потянул шею. Наверно недавно, во время вылазки в горы, — говорит Абель.

— Хорошо, — говорит Шугар, неласково оглядывая меня. — Тогда выздоравливай.

Она шагает прочь по коридору, все еще потирая руку.

— Что насчет Макса? Что ты ему рассказала? — спрашивает Абель.

— Он должен что-то сделать для Вани. Имел в виду, мы увидимся позже в комнате. Один час у нас есть, сказал бы я.

— Хорошо, — сказал Абель. Не тратя больше ни секунды, мы поспешили по коридору и вниз по лестнице.

Внизу на лестничной площадке, около огромной картины на стене, Абель перебирает пальцами, пока с кликом она не отъезжает в сторону, освобождая скрытый проход.

— За мной, — говорит он. Мы проскальзываем внутрь, и Абель возвращает картину сзади нас на место. Я жду, пока мои глаза привыкнут к темноте, но видимо зря.

Сюда не проникают солнечные лучи. Я вытягиваю руку в сторону Абеля, и он берет ее. Это вообще ничего не означает, поучаю я сама себя. Я не могу себя снова так распустить.

— Осторожно, — говорит он, и мы с трудом продвигаемся дальше. Свободной рукой я скольжу по стене, а ногами, в целях предосторожности, ощупываю каждую ступеньку.

— Было тяжело, когда ты исчез. Они считали тебя мертвым, даже в новостях показывали, — говорю я.

В полной темноте мне гораздо легче разговаривать с Абелем. Я могу быть честнее, могу быть самой собой.

— Мне очень жаль, — говорит он, а большего мне и не надо слышать. Тем не менее, он продолжает разговор. — Моя задача заключалась в том, чтобы собрать как можно больше сведений о повстанцах. Ваня говорила, что вы разработали какую-то новую программу по разведению, но единственное, что вы разводили, были растения.

Наша совместная миссия по краже саженцев из резерва биосферы, было моим первым большим заданием для повстанцев. Однако для Абеля это было не больше, чем просто какая-то работа.

Просто поучаствовать, больше ничего. А когда он ко всему прочему еще и струсил, нас вообще чуть не поймали. Поэтому мне пришлось бежать из Купола и втянуть Беа и Квинна в то, о чем они не имели никакого представления.

Я бы могла продолжать бесконечно, перечислить все, что благодаря этой акции пошло не так и вовлекло нас в эту ситуацию.

— Тебе было наплевать на деревья.

— Я верил в то, что мы делаем, — возражает он. — Выращивание деревьев дало людям надежду. После того дня в биосфере, я хотел сказать тебе кто я, но не успел, потому что они меня арестовали, — Он сжимает мою руку.

— Что сделало с тобой министерство?

— Избили меня. Когда начались мятежи, они только и ждали, что я расколуюсь, а затем какой-то министр выкинул меня, потому что думал, что я задохнусь. Когда я наконец добрался до Роши, то обнаружил только груды развалин. — На мгновение он останавливается. — Теперь мы уже в самом низу. Пошли. — Мы спешим по узкому проходу. Пол скользкий, но Абель не медлит.

— А Джо? — раз уж я начала задавать вопросы, то решаю спросить заодно и про нее.

— Ее я встретил в Роше. Она убежала, поэтому сейчас из нее сделали учредителя.

Мне совсем не хотелось клонить разговор в эту сторону. Он отпускает мою руку. Тонкий луч света проникает в проход, в этот же момент меня обдает ледяным порывом ветра.

— Туда, — говорит Абель и выводит меня наружу.

Главное здание мы оставили позади, но Абель вновь и вновь подозрительно оглядывается. Мы подходим к зданию, окна которого настолько узкие, что это уже кажется абсурдом.

— Загляни внутрь, — шепчет Абель. Меня начинает подташнивать. Если я сейчас туда загляну, то увижу то, что потом навсегда останется в моей голове. Одним глазом я прижимаюсь к окну.

Внутри находится ярко освещенный стационар, со стоящими в два ряда друг против друга кроватями, на которых лежат крепко связанные люди, одетые в изношенные рубашки.

У всех изо рта и из носа торчат шланги, а в руки вставлены иглы от капельниц. Все это присоединено к шипящим аппаратам рядом с кроватями.

В помещении раздается громкий писк. Медсестра вскакивает из-за стола и спешит к одной из кроватей, чтобы что-то подкрутить в аппарате.

Писк сменяется стоном. Сестра равнодушно смотрит на кровать и возвращается к столу.

Я опускаюсь на землю рядом с Абелем.

— Ничего не понимаю, — говорю я.

— Это испытательная лаборатория. Наблюдая за функциями органов, они установят им точный рацион кислорода. Таким образом, Ваня исследует, какие химические условия могут предотвратить удушье.

Я снова заглядываю внутрь, чтобы найти Мод и Брюса, но все находящиеся там выглядят одинаково истощенными, так что лица невозможно узнать.

— Как долго они оставляют их в таком состоянии? — Абель медлит с ответом, и я в конце концов даю сама себе ответ. — Они проводят эксперименты над людьми до тех пор, пока они не умрут? — В принципе я этого и ожидала, но уверенность в чем-то, это все-таки другое. — А как Ваня объясняет другим полнейшее исчезновение этих людей и то, что их никто никогда больше не видит?

— Ты же слышала, что она рассказывала в оранжерее. То, что учредители посвящают их жизни медитации, и их энергию нельзя загрязнять.

— И люди ведутся на это?

— Некоторые да, а другие даже и не задумываются об этом. — Меня это не удивляет, звучит не невероятней той идеи, что деревья могут расти только в биосфере. Люди поглощают то, что им подадут.

— Там еще кое-что, — говорит он и ползет к другому окну.

Комната заполнена кроватками для младенцев и манежами. В кресле-качалке спит медсестра с младенцем на руках.

Дети плачут, пыхтят и апатично лежать. Никто из них не подключен к шлангам, но большинство из них усеяны приклеенными пластырями и синими пятнами.

Св изгом ребенок садится в кроватке, глаза полны слез. Медсестра открывает только один глаз.

— Тссс, — шипит она.

— Они начинают с пятнадцати процентов кислорода в воздухе, — шепчет Абель, — а затем опускаются все ниже, пока дети не подадут признаков удушья. Затем их подключают к кислородному ящику. Тренировка.

Я снова смотрю в комнату. Все младенцы пристегнуты к кроваткам.

— Где же матери? — спрашиваю я. Младенец той девочки из памяти тоже здесь?

— Ваня верит, что все эти дети принадлежат ей. Матери остаются в главном здании. Более взрослые дети живут этажом выше. Если они доживают до двенадцати лет, они тоже переходят в главное здание. Ваня занимается этим уже восемь лет. Она верит, что выращивает более превосходящую человеческую расу.

— Она безумна.

Тень внутри направляет на нас свет.

— Нам нужно было оставить шторы, — говорит грубый голос. Свет становится тусклее. Я вжимаюсь в стену.

— Ты привел Джо сюда и уговорил нас остаться, несмотря на то, что ты знал об этом, — шиплю я.

— Джо нужно было где-то родить младенца. И весь размах не был до конца мне ясен, пока Джо не рассказала мне обо всем несколько дней назад.

— Она знала?

— Макс поведал ей об этом, после ее возвращения, с огромным удовольствием, — с отвращением рассказывает он.

— И что теперь? — спрашиваю я. Окна слишком узкие, чтобы попасть в здание, и нам вряд ли удастся просто так прогуляться через дверь.

— У Макса есть ключи, — говорит он. — Если бы могли их получить... — он не успевает договорить.

— Это должно быть шутка? — Макс не тот тип, который оставляет ключи лежать на открытом месте.

— Это единственная возможность, Алина, — говорит он. Он звучит решительно, однако ему легко говорить, так как его жизнь не поставлена на кон.

— Итак, если мы делаем это, мы не оставляем никого из основателей. А детей тем более.

Абель таращит на меня глаза.

— Что? Нет. Мы вряд ли сможем вынести их всех. Тогда нас определенно схватят.

Я останавливаюсь, так как младенец начинает плакать. Крик становится громче и громче, пока не стихает совсем, а затем и ночь снова успокаивается.

— Ты веришь, что мы поможем тебе спасти Джо и больше никого? — Абель качает головой, осознавая свою вину.

— Ты все это время был влюблен в нее? — спрашиваю я.

Он вздыхает.

— Это совсем не так. Джо — моя лучшая подруга. Я знаю ее всю жизнь. У нас с тобой никогда не было времени познакомиться поближе. Если бы мы это сделали...

Мне хочется сказать Абелю, чтобы он шел к черту. Если он думает завлечь меня таким обещанием, то он действительно меня не знает.

— Давай вернемся назад, пока кто-нибудь не заметил, что нас нет, — говорю я. — Завтра я скажу всем, что нужно делать.

Мы спешим через дверь, обратно в главное здание. Абель крепко держит меня за руку. Его прикосновение заставляет мое сердце биться быстрее, и я готова сама себе дать пощечину за это.

— Почему ты все время строишь из себя человека, прошедшего огонь и воду? Тебя нелегко любить.

Поначалу мне стало смешно, но затем я пришла в бешенство и так грубо его оттолкнула, что он отшатнулся назад. Он не имеет никакого представления, что мне из-за него пришлось пройти, потому что он лгал и дал себя схватить.

— Мне уже не хватает сил, — раздраженно говорю я. — Сейчас я буду концентрироваться только на одном этом деле, а потом уйду из этого бизнеса по спасению мира. После этого мы, может быть, поговорим о том, достойна ли я любви. Понял?

БЕА

Мастерская Оскара на чердаке утопает в картинах и рисунках. На полу и стенах разбрызганы краски всех цветов радуги. На мольберте лежит большой лист, на котором намазаны толстые, беспорядочные линии красного и серого цветов.

— Что они означают? — спрашиваю я и подхожу к мольберту.

— Если бы я знал, то мог бы сэкономить на терапевте, — улыбается он.

— Мне нравится, — говорю я. Может быть, я тоже могла бы рисовать. Когда-нибудь в будущем. Если оно у меня будет.

— Я использую только цвета неба. — Он указывает на верхнее освещение. Не видно ничего, кроме стеклянного потолка Купола и солнца. Здесь он действительно может побыть в одиночестве. Это его пристанище. На месте Оскара меня бы и силком отсюда не вытащили. Но сейчас, когда мы знаем, что министерство хочет перекрыть кислород во всех пустующих квартирах, Оскар жертвует своей мастерской, чтобы спрятать Харриет, Гидеона и других повстанцев, стоящих у министерства в списке смерти. Невозможно иметь под рукой достаточно баллонов с кислородом, чтобы поддерживать жизнь прячущихся в пустых квартирах мятежников.

— Ты хороший человек, — говорю я ему, в случае, если он сам этого еще не знает.

— От случая к случаю, — отвечает он.

Он убирает с пола банки с краской, гипс и клей, и складывает все это в углу, затем вешает прислоненные к стене картины на кривые гвозди. В это время раздается еле слышимый стук в дверь. Оскар прислушивается и отодвигает засов, чтобы впустить Венди с ворохом простыней и одеял.

— Больше у меня нет, — говорит она и бросает постельное белье на пол. — Я посмотрю еще раз в твоей комнате. Но нам нужно поторопиться, Ниям должна скоро вернуться. А как быть с едой? Как мне объяснить перерасход еды?

— Я это улажу, — говорит Оскар. Если задуматься, что он сейчас делает, то он ведет себя на удивление спокойно. У меня самой сердце бешено бьется, при этом это даже не мой дом.

— А что, если им понадобится в туалет? — спрашивает Венди. Она морщит лицо, и я инстинктивно делаю то же самое. Оскар по-прежнему расслаблен.

Он поднимает с пола брезент и насаживает один угол на гвоздь в потолке, а другой на выступающий болт на стене.

— Кроме ведра с крышкой ничего не будет, и я не могу обещать, что мне удастся его ежечасно опустошать, если Ниям будет красться вокруг. Но это должно сработать, — говорит он.

— Сколько их будет? — спрашивает Венди. Она пинает пальцем ноги постельное белье. Оба смотрят на меня.

— Около пятнадцати.

— Как только Ниям уйдет спать, мы проведем их наверх. Но я все еще считаю слишком рискованным прятать их здесь, — говорит Венди. Прятать меня одну в ее домике было уже стрессом для нее, а теперь она должна прятать в доме целую толпу мятежников, прямо над головами Ниям и каких-нибудь посетителей из министерства. Все это приводит ее в отчаяние.

Оскар берет одеяло и расстилает его.

— Сюда, наверх, никто не будет заглядывать, — говорит он. — Или тебе придет такое в голову?

Венди качает головой. И все-таки, содержать всех чистыми, сытыми и спокойными будет нелегко.

— Мои вещи вы тоже принесли наверх? — спрашиваю я Венди.

Она моргает и смотрит на Оскара.

— Нет причин, чтобы ты ночевала здесь со всеми остальными, — говорит она. — После того, что ты пережила, тебе нужно немного личного пространства.

Оскар покашливает и Венди замолкает, прикусив нижнюю губу. Оскар видимо рассказал ей историю с Извергнутыми.

— Такое особое отношение ко мне было бы несправедливым, — бормочу я.

Я бы хотела, чтобы он не рассказывал об этом. Квинн бы не сделал этого. Он умеет хранить секреты.

— Пойду, посмотрю, может, найду еще пару простыней, — говорит Венди, открывает дверь и крадется из комнаты. Оскар закрывает засов.

— Знаешь, ты не должна тут изображать святую мученицу.

Он это серьезно?

— Я изображаю мученицу?

— Беа... я не это имею в виду. Пожалуйста, останься внизу у Венди.

Он кладет набок голову и смотрит на меня большими глазами.

Я отворачиваюсь и иду к одной из его картин: целый ряд колец с маленькими, вероятно без разбора распределенными бирюзовыми точками.

— Ты рисуешь как-то непредметно. Во всем этом есть что-то brutальное. Почему?

— Люди видят то, что они хотят видеть, — говорит он. — Ты видишь насилие.

Я ничего не отвечаю, вместо этого нежно дотрагиваюсь до картины. Хотя кажется, что краска вот-вот начнет капать с холста на пол, она твердая и похожа на резину.

— Думаешь, мы наберем достаточно рекрутов, чтобы чего-то добиться?

Он встает рядом со мной.

— Мы должны, по крайней мере, попробовать, не так ли? — спрашивает он.

— Нет, Оскар. Выиграть, вот что мы должны. И мы это сделаем.

Оскар включает радио. В мастерской гремят басы. Все смотрят на него.

— У меня всегда включена музыка, когда я рисую, — объясняет он.

— Н-да, вы правы. Два часа назад они откачали воздух из нашей квартиры, — рассказывает Харриет. Она раскатывает свой спальный мешок рядом с Гидеона и осматривает других мятежников, которые распаковывают свои скудные пожитки. Группа девушек располагается под верхним источником света. Когда они замечают меня, то улыбаются мне. На другом конце галереи несколько мужчин и мальчиков шепотом разговаривают друг с другом.

Я нашла местечко у двери, а Венди принесла специально для меня одеяло, если вдруг мне станет холодно.

— Что теперь? Здесь внутри мы полностью парализованы, — говорит Гидеон.

— Но живы, — говорю я. В отличие от многих других.

Оскар трепет волосы.

— Олд Ватсон и я идем сегодня вечером в город, чтобы поднять еще больше претендентов в армию. Как только мы соберем достаточное количество людей и все необходимое, мы начнем бороться.

— Это может затянуться, — говорит Гидеон.

— И мы можем пождать, — отвечает Харриет. — Беа права. Сейчас уже достаточно, что мы не мертвы и не в тюрьме.

— А что, если его сестра поднимется сюда? — спрашивает Гидеон, стараясь не смотреть на Оскара. Я держу рот закрытым, хотя мне стоило бы напомнить ему о том, что Оскар только что спас ему жизнь, и он мог бы выразить большую благодарность.

— Двери открываются только отпечатком пальца, а зарегистрирован только мой.

— Отпечаток пальца. Вряд ли это надежно, — высмеивает Гидеон.

Я больше не могу это слушать.

— Оскар делает, что он может. Если ты хочешь уйти и жить в водосточном желобе, пока тебя кто-нибудь не схватит, пожалуйста. Это ни для кого не идеальное решение, — объясняю я.

Харриет мрачно смотрит на своего мужа.

— Гидеон очень благодарен Оскару. Мы все благодарны.

Оскар нервно потирает руки.

— Я буду приходить раз в день, если будет возможным, и буду приносить еду, — он выключает музыку. Все устремляю на него взгляды. — Вам нужно ходить на цыпочках и говорить только шепотом, — говорит он.

Когда он находится уже у самых дверей, я подхожу к нему. Внезапно мне хочется, чтобы он остался. Я крепко хватаюсь за кончик его рубашки.

— Ты отвечаешь за все здесь наверху, — говорит он и смотрит на мою руку, которая все еще держит его, и касается ее кончиками своих пальцев. Если бы я спросила его сейчас, взял бы он меня с собой? Но я должна держать все под контролем здесь.

Я отпускаю его.

— Спокойной ночи, — говорю я, и он проскальзывает в дверь.

Я иду к своему спальному месту и ложусь, лицом к стене. Перед моими закрытыми глазами появляется Квинн. Долгое время я верила, что никогда больше не увижу его вновь, но это было только страхом потерять его навсегда.

"Теперь я ничего больше не боюсь", — думаю я.

КВИНН

Каждый раз, когда распахивается дверь столовой, я надеюсь увидеть Алину, но она входит внутрь только тогда, когда я практически закончил. Она смотрит на меня ничего не выражающим лицом и садится к остальным милитерам. Обслуживающие стола ставят на стол красный десерт на другом конце стола, и академики наполняют их тарелки большими порциями, даже не думая о нас.

— Я организую для нас кое-что, — говорит Кьярис.

— Мне ничего не надо, — говорю я и отодвигаю наполненную зеленью тарелку. Оперевшись подбородком на руки, я просто пережидаю, пока кончится обед. Я чувствую, что Кьярис смотрит на меня, но поддерживать с ней разговор у меня нет никакого желания.

Трапеза тянется до того долго, что уже становится невыносимо. Наконец пронзительный звук колокольчика избавляет меня от мучительного ожидания. Я устремляюсь к двери и Алине, как вдруг чувствую, как кто-то дергает меня за руку.

— Пытаешься от меня отделаться? — подтрунивает Кьярис.

— Да брось ты, конечно, нет, — говорю я. Еще не хватало, чтобы она пошла к Ване и донесла ей на меня за невнимание.

Выйдя, я натягиваю на голову маску. Алина уже ждет.

— Эй, — говорит она, не обращая никакого внимания на Кьярис.

— Я тебя сейчас догоню, ладно Кьярис? — говорю я.

— Конечно, — улыбаясь, отвечает она и идет дальше.

— Выглядит очень милой, — говорит Алина.

Я закатываю глаза.

— Я бы хотел, чтобы она такой не была. — Теперь, когда я не веду себя как полный идиот в ее присутствии, между нами возникает непринужденность.

— Сегодня ночью мы убежим, — шепчет Алина.

— Хорошо, — говорю я. У нас не было времени подготовиться, но если Алина считает это правильным, то я доверяю ей. Рядом с главным зданием мы скрываемся из поля зрения. — Перед побегом мы должны забрать Мод, Брюса и парочку остальных. Место встречи в полночь, на третьем этаже западного крыла, на лестничной площадке. Будь пунктуальным и предупреди также Дориана и Зонга. Не знаю, получится ли это у меня самой. Макс держит меня на коротком поводке. — Без дальнейших дискуссий она уходит прочь.

Я бегу следом за ней.

— А Купол?

— Расслабься, мы будем бороться на стороне Беа и моих тети с дядей. Но это останется только между мной, тобой и Сайласом. Больше никто не должен ломать себе над этим голову.

— Я думаю, мы должны как можно скорее добраться до Купола. Напрямик.

Внезапно сзади нас появляется Кьярис.

— Серьезно? Ты с милицией идешь? — спрашивает она.

Алина смотрит на меня так, как будто нечеловеческий слух Кьярис - моя вина. Я уже собираюсь придумать какую-нибудь отговорку, как вдруг мне приходит на ум наш сегодняшний утренний разговор. Кьярис говорила, что рада тому, что вырвалась из Купола, из-за мятежей, как я думал. Неужели я что-то неправильно понял?

— Почти никто не знает, что мы возвращаемся, — говорю я осторожно.

— Ох, — Кьярис быстро оглядывается через плечо. — Макс сказал тебе, когда все начнется?

Алина снова смотрит на меня, но в этот раз потому, что Кьярис знает больше, чем мы, и я должен заставить ее говорить.

— Уже сегодня ночью, — я убираю Кьярис волосы с лица и ухмыляюсь. Я всегда так флиртовал с девушками. Но видимо Кьярис это не очень привлекает. Она уклоняется.

— Но ведь никто из академиков не уходит, — говорит она. Я пожимаю плечами, и Кьярис кидает камень в стену.

— Почему именно я должна потерять партнера? Это не честно. Макс говорил, что только милиция уходит, поэтому они и тренировались с полной отдачей. Это потому, что ты хорошо ориентируешься в Куполе? У тебя есть там какие-нибудь источники информации?

Она замолкает и ждет, потому что кто-то сзади нас проходит мимо.

— Мой отец главнокомандующий армией, — нехотя признаюсь я.

— И тебе нравятся планы Макса? — спрашивает она. — Я тоже хочу нового жизненного пространства, мы все этого хотим. Но просто взять и обрезать трубопровод в системе регенерации воздуха? Неужели нет другого способа избавиться от министерства?

Алина и я замираем. Может ли это быть правдой? Действительно ли Макс и Ваня смогут пожертвовать столькими невинными человеческими жизнями? Во мне распространяется паника, и я подкручиваю регулятор кислорода. Я думаю о Беа, о моих братьях, о моей матери. О моем отце, который, в конечном счете, спас меня. Я даже думаю о Райли и Феррисе, самых больших трепателей нервов всех времен, и в прошлой жизни моих друзьях. Даже они не заслужили умереть от удушья.

— Как ты узнала об этой миссии? — спрашиваю я Кьярис.

— Джо, — выпаливает она. — Ну, Макс рассказал, кажется, — озадаченно говорит она.

— Черт, — говорит Алина. — Черт, черт, черт, черт, черт! Если только Абель попадется мне...

— Она сжимает кулаки.

— Абель знает об этом?

— Ну конечно знает. Только он очень избирателен в том, что касается передачи информации.

Мимо нас проходит группа милиционеров.

— Алина, ты идешь? — спрашивает один из них.

— Конечно, — говорит она и спиной идет к ним, успевая губами показать мне только одно слово: полночь.

АЛИНА

Макс все не засыпает и не засыпает. Он лежит в кровати, я на полу. Каждый раз как я открываю глаза, то ловлю его на том, что он следит за мной. Если он замечает, что я не сплю, то улыбается. Иногда подмигивает, но в остальном только холодная улыбка, как будто он точно знает, что я собираюсь делать.

— Иди ко мне в кровать, — в какой-то момент говорит он и откидывает одеяло, обнажая свою широкую, татуированную грудь. От него исходит легкий аромат мускуса.

— Нет, спасибо, — я закрываю глаза.

Почти полночь, остальные уже наверняка ждут. Несмотря ни на что я приказываю себе расслабиться. Его дыхание наконец замедляется, такое ощущение что это длилось несколько часов. Он громко храпит. Я сажусь и подползаю к кровати, чтобы внимательнее разглядеть его. Глаза у него полуоткрыты, но, тем не менее, он глубоко и крепко спит.

Его брюки висят на двери. Сначала одной, затем другой рукой я залезаю в карманы, чтобы найти ключ. Его нет. Я осматриваю задние карманы, пока наконец мои пальцы не нащупывают холодный металл. Как можно осторожнее я вытаскиваю связку ключей из его брюк. Макс пускает слюни во сне. Я бы могла сделать с ним все, что захотела. Храпя, с открытым ртом, Макс уже не такой суровый парень, как обычно. Но я не могу терять время, мне нужно выбираться.

Не разбирая, я вставляю один из ключей в замок. Не получилось. Следующий подходит, но не поворачивается. Я продолжаю, и вот наконец, после девятой или десятой попытки я подбираю ключ, который подходит и проворачивается. С громким скрипом дверь открывается. Я запираю Макса с другой стороны и семеню по коридору до спрятанной за картиной двери.

Там меня уже ждут Сайлас, Зонг, Абель и Квинн. Все загружены кислородными баллонами и маленькими сумками.

— Где ты была? — шепчет Сайлас.

— Макс никак не хотел засыпать.

— Ключи? — спрашивает Абель. Я протягиваю их ему, и он так обхватывает их руками, как будто я поднесла ему золотой кубок. — Где Дориан застрял?

— Кажется, он хочет остаться, — спокойно говорит Сайлас.

— Он бы этого не сделал. Я посмотрю, где он.

— У нас нет на это времени. — Сайлас хватается меня за руку. — Он однозначно сделал свой выбор.

— Он сам нам сказал, что не хочет жить как извергнутый, — говорит Зонг.

— Мы не можем уйти без него, — говорю я. Мы вместе пришли и вместе должны уйти.

Кроме того, мы не будем извергнутыми, если свергнем министерство.

В одной из комнат над нами раздается голос.

— Тихо, — предостерегает Абель. Он отодвигает картину в сторону. — Вперед! — Голоса над нами становятся громче, теперь они сопровождаются и шагами. Если мы и дальше останемся стоять и дискутировать, то они нас поймают и тогда вообще никто не сможет убежать.

— Я вернусь и заберу его, — говорю я. И это не просто слова. Я спасаю Мод и Брюса не для того, чтобы оставить здесь Дориана. Он был с самого начала вместе с мятежниками, я уже давно его знаю. И я знаю, что за ночь он не мог измениться.

— Пойдем уже, — говорит Сайлас.

Абель ведет нас мимо картины внутрь и возвращает ее на прежнее место. Осторожно мы спускаемся по лестнице, чтобы не поскользнуться и не полететь кувырком друг на друга.

— Я пойду вперед. Эту святыню я успел разведать за несколько дней, так что я примерно знаю, как тут все устроено, — говорит Абель.

— А план? — спрашивает Сайлас.

— Мы заходим, освобождаем как можно больше учредителей и детей и быстренько смываемся, — говорит Квинн. Он любезно не упомянул ни Купол, ни Беа.

Все по порядку.

Абель открывает дверь к святыне. Только мы собрались проскользнуть внутрь, как раздался крик. Черт, у нас нет оружия. Побороть медсестру или медсестер не являлось частью нашего плана.

— Отставить, — шепчет Сайлас. Мы отскакиваем от двери. Свет загораживается чьей-то тенью.

— Ваня? — голос звучит напряженно. Как только свет тускнеет, Сайлас бросается из темноты на медсестру. Мы запрыгиваем сверху. Медсестра сопротивляется, извивается на полу в своей белой униформе и орет как резанная. Я вытаскиваю из сумки футболку и запикиваю ее ей в рот. Абель держит ее за руки, а Квинн и Зонг не дают ей пинаться.

Сайлас встает и толкает ее ногой в бок.

— Свяжите ее, — говорит он. Она все еще не прекращает дергаться, поэтому Сайлас также достает из рюкзака футболку и рвет ее на лоскуты. Я завязываю клочья узлом, чтобы связать медсестру по рукам и ногам.

— Кто-то из нас должен освободить учредителей, в то время как еще один охраняет ее, — говорит Абель. — Сестры заходят сюда, только когда меняется содержание кислорода, так что в нашем распоряжении около двадцати минут.

Сайлас коротко раздумывает.

— Где они хранят воздух? — спрашивает он. Без значительного запаса кислорода мы никуда не доберемся.

— В конце коридора есть комната, где они раздают учредителям баллоны с кислородом, если те должны бегать или заниматься альпинизмом. Посмотри в шкафах. Вот, лови! — Абель бросает Сайласу связку ключей, в то время как Сайлас вытаскивает из-за пояса медсестры пистолет и бросает его Абелю.

Зонг, Абель и я бежим по коридору, а Сайлас и Квинн остались приглядывать за медсестрой.

В комнате полная темнота, за исключением тонкой полоски лунного света. Абель включает фонарик, чтобы все осветить. Это то отделение, которое мы видели вчера вечером, с рядами

кроватей, стоящих друг против друга и привязанными к ним людьми. Рядом с кроватями шипят и пищат аппараты.

— Там, — говорит Абель и направляет свет фонарика в самый дальний угол. — Джо! — он идет к ней, тормозит и отвязывает ее запястья и ноги. Вытащив шланги из ее носа и рта, его взгляд падает на иглу от капельницы на тыльной стороне кисти.

— Я могу ее вытащить, — говорю я и отталкиваю его в сторону. Не то чтобы я это уже и раньше делала, но сомнения Абеля никогда не предвещали ничего хорошего. Я надавливаю на иглу и вытаскиваю ее из руки. Джо взвизгивает. Хрипя, она показывает на рот и Абель одевает ей свою маску, чтобы облегчить дыхание.

— Вы пришли, — говорит она и отодвигает маску в сторону. Ребенок все еще у нее в животе. Они проводили эксперименты над беременной.

Только я хотела освободить учредителя, лежащего в следующей кровати, как раздался голос Мод.

— Вы, однако, не торопились. У меня уже вся задница болит. Живее, освободи меня.

Она сбрасывает рубашку, обнажая свое исхудавшее тело.

— Где твоя одежда? — спрашиваю я. Она указывает на мусорное ведро в углу, переполненное тряпьем. Я помогаю ей встать, вытаскиваю шланги и иглы. Она ковыляет до ведра и составляет себе комплект одежды. В течение нескольких минут то же самое проделывают остальные учредители.

Я иду от кровати к кровати, освобождаю худые руки и ноги и вытаскиваю шланги.

— Быстрее, — торопит Абель.

Сайлас забегает с хныкающим младенцем на руках. Абель стонет.

— Она должна заткнуться! — Если бы ситуация не была такой серьезной, его напряжение было бы даже забавным.

— Это ты заткнись! — шипит на него Мод и дает Абелю пощечину. Абель ощупывает щеку, как будто она горячая плита.

— В общем и целом их не так уж и много, — говорит Сайлас.

— Вы нашли баллоны с кислородом?

— Это взял на себя Квинн, — говорит он.

Абель чешет бровь, в то время как ребенок продолжает плакать. Такой рев может заменить любую сигнализацию. Сайлас пытается закрыть малышке рот.

Джо сидит на краю кровати возле двери и поглаживает живот. Она протягивает руки и Сайлас дает ей ребенка. Глядя на них, я понимаю всю безнадежность нашей ситуации. Как мы должны заботиться о детях? Как Джо со своим огромным животом должна протиснуться под стеной? Кто будет принимать у нее роды, когда придет срок? Мы не врачи. Мы даже еще не совсем взрослые люди. Джо качает ребенка, ее взгляд направлен на Абеля. Такое ощущение, что мы уже потерпели поражение, хотя мы еще даже толком не в бегах.

— Покажи мне детскую, — просит Мод Сайласа. Вдруг я вспоминаю, что Мод училась на медсестру. Неужели именно Мод будет нашей последней надеждой, после всего того, что я о ней думала? — Остальные освобождают оставшихся, — приказывает она, и они вдвоем уходят.

Как можно скорее мы освобождаем оставшихся учредителей. Большинство из них встают и одеваются, но некоторые не хотят даже шевелиться и закатывают глаза, так что остаются видны только белки глаз. У нас нет времени уговаривать их пойти с нами.

— Помогите нам, — говорит Сайлас, влетая в комнату с двумя спящими детьми на руках. Брюс берет одного. Остальные идут в детскую и хватают каждый по одному ребенку. В коридоре уже ждет Абель с целой толпой детей в возрасте от четырех до восьми лет. У всех выпученные глаза.

— Мы спасем вас, okay? — говорю я как можно мягче. Они кивают, но выглядят по-прежнему испуганными.

Некоторое время спустя мы снова возвращаемся к дежурной сестре, которая пыталась сбежать. Некоторые учредители дают ей пинка, затем хватают дыхательные приборы, которые Квинн разложил на полу. Брюс отпустил ребенка, вместо этого он держит в руке стопку простыней. Он бросает их рядом с кислородными баллонами. Затем он сворачивает свою простынь и показывает нам, как делать петлю.

— Так нужно носить детей, — говорит он.

Мод единственная, кто не взяла ребенка, зато она принесла сухое молоко, ложки и чашки. Во время бега она хрипит. Внезапно меня переполняет какая-то особенная симпатия к старушке.

Бедром я открываю главную дверь, держа ребенка в петле на животе. Из темноты появляется Дориан.

— Предатель, — говорит Сайлас и кулаком ударяет его. Стало тихо, не считая глухого удара от падения Дориана на пол. Все без исключения учредители и дети зачарованно смотрят на происходящее.

— Прекрати, — шипит Зонг.

— Я только хотел вас предупредить, — хрипит Дориан. Он с трудом встает на ноги и опирается на Квинна.

— Они следуют за нами? — угадывает Абель.

— Я услышал переполох перед моей комнатой. Макс собрал всю милицию, но мне кажется, они не знают, что вы сюда добрались.

— Ты не пришел на обговоренное место встречи, — говорю я.

— Джуно не засыпала целую вечность, — говорит он. Не знаю, должна ли я принимать это за чистую монету, но сейчас он здесь.

— Мы сможем своевременно выбраться отсюда? — спрашивает Зонг всех вокруг.

Я смотрю на освобожденных учредителей. Они носят кислородные маски, что придает им пугающее сходство с армией зомби.

— Они будут ждать, что мы воспользуемся передними воротами, также как и все остальные, — говорит Абель. — О задней стене они даже не подумают.

И это наш сигнал.

Я иду последней, провожу всех учредителей к стене, отделяющей Секвойю от внешнего мира. Младенец на моих руках издает клокочущие звуки, запрокидывает голову и смотрит на звезды. К счастью, никто из детей не плачет.

Мы добираемся до стены и прижимаемся к ней. Шаг за шагом мы продвигаемся вперед, останавливаемся и поддвигаемся плотнее. Один за другим люди заползают в туннель. В конце концов, только я и Сайлас остаемся с этой стороны стены перед дырой. Он забирает у меня малышку и кладет ее животом в углубление. Чьи-то руки вытаскивают ее с другой стороны.

— Это ли не сумасшествие, то, что мы здесь устраиваем? — спрашиваю я Сайласа.

Его окаменевшее лицо говорит о многом, но до того как он успевает ответить, зажигаются

прожекторы, и раздается гул сирены. Земля сотрясается от ног марширующей со всей мощью милиции. Сайлас толкает меня на колени, и я протискиваюсь под стеной наружу.

— Поторопись, — кричу я и ищу в небольшом углублении кислородный баллон Краба. Мой взгляд падает на ослабленные фигуры детей и учредителей, которых мы послали в эту глушь. Я непроизвольно спрашиваю себя о том, когда у нас закончится кислород, или когда нас поймают?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. «ВОЗВРАЩЕНИЕ»

ОСКАР

Спортзал заполнен новобранцами. Они худые, с кругами под глазами. Тем не менее, их минимум 50, и как бы ни были ослаблены их тела, они выглядят полными решимости.

— Еще круг, вперед! — кричит Джад в мегафон, и они начинают взбираться по канату, прыгать через коня для прыжков или бегать кругами по спортивным дорожкам.

Джад увидел, что я здесь и подошел ко мне.

— Не так уж и плохо, да? — говорит он. Он выглядит гордым, и на это у него есть причины. Я почти не верю своим глазам.

— И ты все это организовал за несколько дней? — спрашиваю я, когда один из второсортных проносится мимо нас. Проносится!

— Они сами себя организовали, — говорит он. — Видишь вон ту? — Его взгляд останавливается на девушке с косой, балансирующей на гимнастическом бревне.

— И что с ней? — спрашиваю я.

— Впервые держала оружие в руках и сразу же попала в яблочко. Я думал, у нее рука сорвалась, но она тут же еще три раза добавила.

Я смеюсь.

— Наверняка она уже давно у повстанцев, просто ей как-то удавалось не выделяться.

Джад кивает.

— Слышно что-нибудь новое о Квинне и его друзьях?

— К сожалению, ничего, — говорю я. Парень пробегает мимо нас и Джад хлопает в ладоши.

— Отличный результат!

— Когда они могут начинать?

— Надеюсь скоро, я не могу и дальше прятать повстанцев у меня в мастерской. Это только вопрос времени, до тех пор, как Ниям что-нибудь пронюхает.

Он вздыхает.

— Обычно первичная подготовка длится 6 месяцев. Мне пришлось все сделать в сжатые сроки, за 4 недели.

— Это все равно слишком долго.

— К чему спешка?

Я ничего не рассказывал Джаду о мятежниках в моей мастерской. Он бы с ума сошел, если бы узнал, что я пошел на такой риск. Я должен не допустить того, что он испугается и бросит нас. Но постепенно он должен понимать, что дело не терпит отлагательства. Он должен нести свою ответственность.

— Можешь сделать паузу на полчаса? Хочу тебе кое-что показать.

Он смотрит на настенные часы.

— Следующий блок занятий начнется в восемь, затем в десять, и так до полуночи.

— Только 15 минут, — говорю я. Джад сверяется со своим Pad.

— 10 минут, — говорит он. — Еще один круг, затем поменяетесь, — поручает он солдатам.

Никто не стонет или еще как-то выражает недовольство, наоборот, они улыбаются, довольные тем, что могут выложиться до предела.

Я стучу несколько раз в дверь мастерской и открываю. Беа стоит спокойно, обхватив себя руками. Джад смотрит сначала на нее, затем на людей, сидящих на полу, на стол, заваленный белковыми батончиками и графинами и водой, и на гору кислородных баллонов в углу.

— Что это тут такое? — его челюстные мускулы сжимаются. — Ты же не...я думал, они живут на улице.

— У нас больше нет мест, — объясняю я ему. Только вчера Олд Ватсон притащил пятерых новых беженцев. Мастерская трещит по швам, но конца и края не видно.

— Так сказать под носом у Ниям? Ты прямо-таки напрашиваешься, чтобы они тебя схватили, а за тобой и всех нас на очереди. — Несколько человек медитируют на своих спальных мешках.

— Харриет готовит нас, как только может, — говорит Беа. — Мы делаем наклоны туловища, отжимания, йогу, и медитацию. Я уже ощущаю себя за эти несколько дней в хорошей спортивной форме. Если бы мы еще могли здесь внутри немного разрядить воздух.

Джад поджимает губы, как будто пытается сдержать какое-то гадкое замечание.

— Машина ждет. Мне нужно возвращаться. — Он убегает вниз по ступеням.

— Ты его спросил? — хочет знать Беа. Я качаю головой, и Беа прогоняет меня из комнаты следом за ним.

Когда я спустился, Джада уже не было видно. Я успеваю поймать его до того, как он садится во внедорожник.

— Хватит, чаша переполнилась! Они нас повесят, гарантировано. Не надо было мне во все это ввязываться, — говорит он и падает на заднее сиденье.

Я просовываю голову в окно.

— Ты должен быстрее обучить их.

— Я делаю, что могу, — Он потирает виски.

— Ты можешь спрятать у себя несколько человек? — шепчу я, одним глазом поглядывая на водителя.

Джад смеется и ударяет себя рукой по бедру.

— Ты это не всерьез. — Он запинается. — Нет, ты это как раз таки серьезно. — Он трясется от смеха, до тех пор, пока смех не переходит в кашель. Когда он наконец успокаивается, его лицо каменеет. — Девушка не любит тебя. В случае если это была причина, конечно. Если ты думаешь таким образом заполучить ее, то у тебя ничего не выйдет. Я знаю ее с детства, для нее всегда существовал только Квинн. И наоборот. Не то, чтобы мне это нравилось, но, тем не менее, это так. — Он вызывающе смотрит на меня. И это справедливый вопрос. Все дело в Беа и в пылающих чувствах, которые я к ней испытываю?

Это правда, что она пробуждает во мне желание стать лучше и бороться за лучший мир. Я думаю о ее серьезном круглом лице, обрамленном черными волосами. Она красивая, умная,

смелая и сердечная. Но Джад прав, я не тот, кого она хочет. Наверно поэтому я никогда не позволял себе чувствовать к ней симпатию. Я знал, насколько это было бы безнадежно, а безнадежно любить я не хочу.

— Уже давно надо было что-то предпринять против министерства. Беа открыла мне глаза. Джад трет глаза.

— У меня есть гараж на две машины, но если там будет стоять внедорожник, останется не так много места, — говорит он.

— Могу я передать тебе 10 человек?

— Можешь дать мне 8. Но мы должны это сделать ночью. Не хочу, чтобы Синтия о чем-нибудь узнала. Ей скоро рожать.

— Завтра, — говорю я.

Джуд наклоняется и стучит по стеклу между задним сидением и водителем.

— Увези меня отсюда, — говорит он.

АЛИНА

Так как Абель лучше всех знает местность, то в последние 3 дня он идет во главе нашего отряда, чтобы найти самую безопасную дорогу через обрывы и реки. Все остальные разделились на маленькие группы. Мы регулярно пересчитываем нас, чтобы никого не забыть на обочине.

После побега из Секвойи мы шли по дорогам и полям. Час за часом, как нам казалось, но сбавлять темп мы не собирались, ни тогда, когда учредители ослабевали, ни тогда, когда самые плохо обеспеченные кислородом среди нас были вынуждены сильнее подкручивать регулятор. Только когда дети начали плакать, мы сделали паузу на обед.

Мы сидим между покрытыми мхом обломками скалы на краю обледепевшего озера и практически не разговариваем. При малейшем подозрительном шуме, мы в два счета готовы двинуться в путь. Ночь такая темная, что не видно ни зги. Как только встанет солнце, мы двинемся дальше.

— Что это было? — шепчу я. Мне беспокойно, малейший хруст заставляет меня в испуге вскакивать. Когда министерство преследовало меня, мне тоже было страшно, но тогда у врага не было лица. Сейчас же, нет ничего страшнее, чем быть выслеженной Максом.

Мод перестает размешивать сухое молоко в воде и щелкает языком.

— Я ничего не слышу, кроме желудков бедных детишек. И моего тоже. Что-нибудь осталось для взрослых? — Она достает ложку из чашки, облизывает ее и морщится. Лили, ребенок, которого я несла, больше не хочет, чтобы я ее качала, она начинает беспокойно вертеться и тянуться ручками к Мод. Мод сажает Лили на колени и энергично засовывает ей ложку в рот. — Тсс, крошка, — успокаивающе говорит она.

У меня самой живот подвело от голода, при этом у меня остался всего один белковый батончик. Я отламываю маленький кусочек и даю его Мод. Она тут же с ним расправляется. Остатки я отдаю Джо. Она смотрит на батончик, опустив глаза, и начинает плакать. У нее более чем достаточно причин, чтобы поплакать, поэтому я тактично игнорирую ее плач и иду к Сайласу, сидящему в раздумьях над картой. Он сам вызвался быть планировщиком маршрута, так что никто из нас не встречается и не мешает ему, даже Дориан, чье самообладание между тем висит на тонком волоске.

— У нас больше нечего есть, — сообщаю я ему. Изобилия у нас с самого начала не было, но постепенно ситуация начинает действительно внушать опасения.

Сайлас указывает на точку на карте.

— Самое большее один день, — говорит он. — Я на 99% уверен, что мы найдем там солнечные дыхательные приборы. Мы можем оставить там остальных, а сами двинемся к Куполу.

— Супер, Сайлас, но ты об этом уже вчера говорил. — Он снова погружается в карту. — Сайлас? — я толкаю его, и он поднимает взгляд. Его глаза впали, такое чувство, что он не в себе, как будто не воспринимает меня. Он старше и выносливее меня, я всегда смотрела на него с восхищением, но иногда я забываю, что, в конечном счете, он такой же ранимый, как и любой другой.

— Ты хоть сколько-нибудь спал после Секвойи? — спрашиваю я.

Он поворачивается к Зонгу, который сидит, облокотившись о скалу, с ребенком на коленях. Девочка, примерно восьми лет, помогающая Мод тащить наши запасы, спит, положив голову ему на плечо.

— Думаешь, можно будет как-нибудь перекачать воздух из солнечных приборов в кислородные баллоны?

— Не совсем невозможно, — устало бормочет Зонг. Находиться в бегах само по себе тяжело, но тащить с собой еще и детей просто доканывает. Зонг проверяет вентиль дыхательного прибора малышки и кладет ей руку на грудь, чтобы проконтролировать дыхание.

Теперь Брюс занялся размешиванием молока, в то время как Мод тормозит детей. Я подхожу к нему.

— Брюс... как ты перебивался, будучи извергнутым? Чем ты питался?

Он стучит ложкой по чашке.

— Н-да, для ягод сейчас еще холодно, но если у нас получится вернуться в город, то можем поискать несколько не разграбленных домов. Там очень много запасов, — бормочет он. Он притягивает меня ближе. — Слушай-ка, я уже обговорил все с Мод. Если будет совсем плохо, по-настоящему плохо, то вы можете обглодать мои старые кости. — Он улыбается, но когда я пытаюсь отстраниться, он не отпускает мою руку. — Я серьезно, Алина. — Другой рукой он показывает жест, означающий перерезание горла.

Я зажимаю рот рукой, чтобы подавить рвотный рефлекс. Брюс, смеясь, хлопает меня по спине, хотя я не понимаю, что смешного было в его словах, моих чувствах, да и вообще во всем этом чертовом бедственном положении, в котором мы находимся.

— Пусти меня, — я отталкиваю его. — И если ты еще раз скажешь нечто подобное, я сломаю тебе нос.

Я ухожу.

Хочу побыть одна.

Дети поели и все без исключения заснули, так же как и учредители. Оставшиеся сидят в кругу, чтобы было теплее. Квинн теснится рядом со мной. Удивительным образом мне приятно сидеть рядом с ним так близко. Он подставляет воздуховыпускное отверстие к моему уху.

— Мы должны рассказать им о планах Вани, — говорит он.

Я киваю. Он скрывал это несколько дней, но сейчас, когда город уже близко, волнение за Беа возрастает. И если Кьярис права, то мы все должны волноваться: Купол скоро превратится в братскую могилу.

— Если мы хоть кого-то хотим спасти, нам нужно разделиться. С детьми мы движемся

слишком медленно. — Это не бессердечие с его стороны, без детей он бы мог уже 3 раза исчезнуть так, что поминай, как звали. И он прав, у Вани есть Цып, она могла бы уже давно быть в Куполе. К чему был бы тогда весь этот бунт?

Я с трудом поднимаюсь.

— Надо спросить группу, — говорю я.

— Я собираюсь завтра в Купол, Алина. Надеюсь в компании, но, в крайнем случае, пойду один.

— Ты не пойдешь один, — заверяю я его. — Слушайте все, — громко говорю я и быстро рассказываю всем о надвигающейся на Купол опасности и посвящаю всех в сумасшедший план Вани полностью прекратить обеспечение кислородом.

— И ты скрyla это от нас? — возмущено кричит Сайлас. Но, по крайней мере, он знал половину правды. Зонг, Дориан, Мод и Брюс до сих пор абсолютно ничего не знали. Я просто подумала, что у них и так достаточно проблем. К тому же ярость Сайласа сейчас уже также ничего не даст.

— Ты можешь как-нибудь в другой раз на нее наброситься. Сегодня мы говорим о том, что нужно предпринять, — говорит Квинн. Говоря это, он несколько не похож на того парня, с которым я познакомилась две недели назад. У него появились стержень и цель в жизни.

Дориан язвительно ухмыляется.

— О да, давайте подумаем... как нам сначала спасти собственные жизни и жизни целого выводка детей, потом присоединиться к восстанию мятежников, ну и наконец, помешать Ваниной вооруженной милиции с помпой отправить Купол в преисподнюю, вместе со всеми жителями.

Я поднимаю булыжник и бросаю его в сторону Дориана. Его сарказм нужен сейчас в последнюю очередь. Речь идет о человеческих жизнях.

— Кто его кинул? — спрашивает он, потирая лоб.

— Жалко, что не я. Лучше заткнись, заспанный болтун, — ворчит Мод. — Я и Брюс знаем, как нам вытащить детей, у нас есть карта, чтобы найти воздух. Идите, спасайте мир, спасайте Беа, — говорит она.

Зонг поднимает руку.

— У нас нечего есть, почти нет кислорода и только одно оружие на всех. Я не представляю, как мы кого-то можем спасти.

— Мы должны, прежде всего, их предупредить. Давайте, пожалуйста, не будем забывать, что речь идет о тысячах человеческих жизнях, — говорю я.

— Большинство из этих людей второсортные. Это ваши люди, — добавляет Квинн.

— Как мы можем предупредить министерство, так, чтобы они нас не прикончили? — тихо спрашивает Абель, все еще делая вид, что впервые слышит о плане Вани. Если бы у меня было достаточно энергии, я бы поставила его на место. Если знала Джо, значит, знал и он тоже. Но сейчас тратить на это силы пока ни к чему.

— Я поговорю с отцом, — говорит Квинн. — Он на нашей стороне.

— А что, если это не так? Ты же видел, что он натворил в Роше. Что, если Беа ошибается относительно него и Оскара Кнавери?

— Тогда меня, может быть, арестуют. Но, тем не менее, мой отец будет в курсе, он будет, по крайней мере, предупрежден, ничего не теряя.

— Я иду с Квинном, — говорю я. Ребенок на руках у Мод хныкает. Она пихает ему мизинец

в рот, что, видимо, успокаивает младенца.

— Я тоже пойду с вами, — говорит Сайлас. — А вы, остальные, помогите Мод и Брюсу найти дыхательные приборы и сохранить жизни других. Вам придется каждому тащить по два ребенка.

— Без проблем, — говорит Зонг.

— Тогда все ясно, — говорит Сайлас. — А сейчас давайте немного поспим. С рассветом мы отправимся в путь.

Я иду к группе учредителей в поисках Лили, когда меня останавливает Абель.

— Министерство вряд ли примет тебя с распростертыми объятиями. Что, если Макс поймает тебя перед границей? — Я внимательно смотрю в глаза Абелю и спрашиваю себя, что я когда-то в нем нашла. Его поведение граничит с трусостью.

— Макс отомстит тебе, — говорит Джо. Во время всего путешествия она почти не проронила ни слова, но если ей по какой-то теме есть, что сказать, то это тема мстительности Макса.

— Нет, если я первая ему отомщу, — говорю я. На самом деле это чистое хвастовство, я готова в штаны наложить от страха. Рисковать — это конечно хорошо, но не с такими шансами на успех. Если так и дальше пойдет, как сейчас, то через несколько недель мы все останемся в прошлом.

И я не могу избавиться от мысли, что буду играть главную роль в нашей гибели.

ОСКАР

После второго дня, как правая рука Джада по подбору новобранцев, я полностью выжат. Вечером я хочу только поесть и затем сбегать к Беа, но когда я прихожу домой, Ниам бродит по кухне. У плиты на меня смотрит Венди взглядом, который я не успеваю идентифицировать, прежде чем Ниам бросается на меня.

— Все хорошо? — спрашиваю я.

— Нет, так не скажешь, — Ниам бросает мне мой Pad, который держала в руке.

— Ты пыталась дозвониться мне? Я, к сожалению, забыл его, — я бросил на него быстрый взгляд. Каким-то образом она смогла залезть в мои данные. Но что она могла найти? Я не посылал ни каверзных сообщений, ни с кем не контактировал, с кем не нужно. Я был крайне осторожен. — Как ты его вскрыла?

— У тебя уже очень долгое время один пароль, Оскар. Пикассо. Кроме того, это не вопрос. Вопрос в том, что делает фотография Беа Виткрафт в твоём Pad?

Я застываю. Дерьмо. На вокзале я сделал фото Беа, а она еще считала, что я должен ее удалить. Почему я просто не удалил его?

Венди дико мешает что-то в кастрюле.

— Хочет кто-нибудь кусочек? — спрашивает она.

— Итак? — спрашивает Ниам требовательно.

Я делаю шаг назад, открываю папку с фото на Pad и перелистываю картинки так беспечно, насколько возможно.

— Странно. Вероятно, еще со школы.

Ниам отнимает у меня Pad и увеличивает фото. Можно отчетливо узнать возбужденное лицо Беа, также как оранжево-красный закат солнца и пришедшее в упадок здание на заднем фото.

— Я проверила дату и место. Ты сделал это в Пустоши. Прибереги свою ложь. Ты встретился с Беа? — я пристально смотрю на фото Беа и не говорю ни слова. Если я буду казаться тронутым, вероятно, она просто оставит это? — Итак, ты встретил ее? — спрашивает Ниям.
— И вместо того, чтобы застрелить ее, ты фотографируешь ее. Что здесь вообще происходит?

— Да, я встретил ее. Но она больше не представляет угрозы. Она живет как Извергнутая и умрет там, снаружи. Я не смог просто так застрелить ее, Ниям. Я просто не смог. А ты смогла бы?

Конечно, я говорил риторически, так как я едва ли мог подумать, что Ниям могла бы убить кого-нибудь, она тыкает пальцем в лицо Беа на фото.

— Умереть должен каждый, кто участвовал в восстании и виновен в смерти папы. Если представится возможность, я застрелю ее, — ее лицо — стальная маска.

— Ужин? — спрашивает Венди. Она дрожит всем телом и у нее есть на то основания.

Я должен вывести Беа и других отсюда и лучше бы я сделал это вчера, чем сегодня. Если Ниям узнает, с кем она живет здесь под крышей, тогда мы подставим всех.

БЕА

Прошла уже неделя, с тех пор как мы теснимся в мастерской Оскара. Медленно, но верно ситуация ухудшается. Неделя без душа. Ведро с водой, тайно пронесенное Венди в мастерскую, тут же превращается в коричневую бурду. В воздухе стоит ужасный запах. Любой разговор превращается в дебаты, а Харриет и Гидеон постоянно вынуждены выступать посредниками в ссорах по поводу спальных мест.

Оскар сегодня запаздывает, но когда он, наконец, появляется, то выясняется, что ему снова нужно уходить.

— Все в порядке? — спрашиваю я.

— Ниям хочет ненадолго сходить выпить коктейль. Я не могу остаться, — говорит он, при этом не глядя мне в лицо. Скрывает ли он что-то?

— Одна из девушек больна. Она весь день никого не подпускает к ведру, — говорю я.

— Гидеон мне рассказал. Позже я попытаюсь принести медикамент.

— Спасибо. Я переживаю за нее. — Я удостоверилась, что никто не подслушивает. — Могу я быстренько принять душ? — спрашиваю я. Он смотрит на меня и чувствует неловкость

— Внизу?

— Мне надо ненадолго выйти, — признаюсь я.

— Не думаю, что это хорошая идея.

— Пожалуйста, — умоляю я. Я не могу больше подавлять отчаяние в моем голосе.

Он выглядывает на лестницу, затем похлопывает указательным пальцем по подбородку.

— У меня в спальне есть отдельная ванная комната, — говорит он.

— Отлично.

Его комната больше, чем квартира моих родителей. На одной из стен красуется огромный телевизор. Напротив стоят диваны с креслами, а в другом углу - громадная кровать. В ванной комнате есть большой душ, гидромассажная ванна и двойной умывальник. Эта экстравагантность возмущает меня, она совсем не подходит Оскару. Но так уж он живет.

— Полотенца в шкафу, — говорит он.

Я быстро принимаю горячий душ. Выйдя из ванной, я вижу Оскара, сидящего на кровати и роющегося в прикроватной тумбочке. Он подзывает меня.

— У меня есть кое-что для тебя, — говорит он. Я опускаюсь на кровать рядом с ним, и он протягивает мне отпечатанную фотографию меня и моих родителей. Я провожу пальцем по их лицам. Милая, изнуренная улыбка моей матери, щетинистый подбородок моего отца, их изношенная, плохо сидящая одежда. Я прижимаю фото к груди.

— Откуда это у тебя? — спрашиваю я. Украдкой я вытираю слезы.

— Я был в вашей старой квартире некоторое время, — говорит он.

— Ты постоянно меня удивляешь, — говорю я. Он не только как человек лучше, чем я могла себе представить, но еще и мой друг.

— Я искал также фотографию Квинна, но не нашел. А рыться и дальше в твоих вещах мне не хотелось.

Я закрываю глаза, чтобы представить Квинна, как вдруг кто-то нажимает на ручку двери. Оскар бросается на меня, кидает меня на кровать и закрывает меня своим телом. Он прижимается лицом к моему лицу. Инстинктивно я хочу его сбросить, но понимаю, что это для моей же защиты.

— Оскар, мы должны...

Это Ниам.

— Оскар? — Она смеется. — Этого я от тебя совсем не ожидала.

— Тебя не учили стучаться? Исчезни, — кричит он.

Я зарываюсь лицом в подушку, и вскоре дверь закрывается.

— Она ушла. — Когда он закрывает дверь на ключ, я сажусь и демонстративно вытираю рот рукавом. Неужели не было никакого другого способа спрятать меня от Ниам?

— Извини, — говорит он.

— Почему ты не закрылся?

Оскар садится рядом со мной на кровать и поворачивает меня к себе.

— Я же попросил прощения. И я не один из тех. Не в этом дело.

— Я знаю, — говорю я. Но все-таки меня это встревожило.

— Ты не можешь выйти отсюда, пока она не заснет, — говорит он. Я киваю, и он улыбается. Он протягивает мне пульт и встает.

— Пока можешь посмотреть какую-нибудь ерунду. Я принесу нам чего-нибудь выпить. — Он подходит к двери. — И закрой за мной.

Закрыв дверь, я беру фото с прикроватной тумбочки. Девушка на фотографии улыбается, думает, что все возможно. Девушка выглядит как я, но она мертва. Может быть, даже это и к лучшему, потому что в этом мире востребованы другие девушки. Девушки, которые не перекладывают ответственность за свою судьбу на других.

Я подхожу к двери и выглядываю наружу. Хрустальная люстра в коридоре безжалостно освещает каждый уголок. Затаив дыхание, я прислушиваюсь, нет ли поблизости Ниам. Убедившись, что все спокойно, я на цыпочках пробираюсь к лестнице. Первая ступенька скрипит, я перекладываю как можно больше веса на руки, которыми держусь за перила, и выжидаю. Всё тихо. Я делаю еще один шаг, затем другой, медленно крадусь вверх по лестнице.

Добравшись до двери, я осторожно стучусь. Никто не реагирует. Я пробую еще раз. Они что все спят? У подножия лестницы вдруг появляется Оскар с бутылкой в руке.

— Что ты делаешь? — шепчет он. Я отмахиваюсь от него, в ярости от того, что он шел следом за мной, и стучу в последний раз. На этот раз дверь мастерской открывается, передо мной стоит улыбающийся мужчина. Я смотрю вниз на Оскара. Это была его заслуга? Поэтому он хотел удержать меня в своей комнате?

Сейчас уже поздно задавать такие вопросы. Жирная, потная рука затаскивает меня внутрь и бросает на пол.

Все стоят с поднятыми руками на другой стороне мастерской. Группа солдат направляет оружие на повстанцев, как команда, приводящая в исполнение приговор о расстреле. Некоторые из подростков тихонько всхлипывают. Меня тащат за ноги по комнате. Харриет ловит мой взгляд и хочет мне что-то сообщить, но я ее не понимаю. Высокий, худой мужчина смеется.

Я узнаю его по описанию Оскара: Ланс Вин, новый президент Купола. Из-за его спины вперед выходит Ниям. В руках она держит небольшой пистолет и направляет его прямо на меня, готовая в любую минуту нажать на курок.

— Беа Виткрафт? — спрашивает она. Поначалу она кажется приятно удивленной, но когда в ее голове выстраивается связь между сценой в спальне Оскара и моим присутствием и она складывает одно к одному, у нее глаза вылезают на лоб от удивления.

Вин потирает руки, как будто в предвкушении большого банкета.

— Чем дальше, тем лучше, — ликует он.

Ниям некоторое время стоит, просто уставившись на меня, затем берет себя в руки, качает головой, и идет к стопе одеял. Кончиками пальцев она поднимает одно из них, держит его на вытянутой руке перед собой и задумчиво смотрит на него.

— Это одеяло Венди, мне кажется. — Не очень убедительное представление.

Вин чешет подбородок.

— Разве сканирование отпечатков пальцев не настроено исключительно на твою компьютерную программу? — Только идиот не заметит, что Оскар вовлечен в это дело. Но Ниям не идиотка, ей понадобилось несколько секунд, чтобы придумать отговорку.

— Венди везде входит и выходит, как хочет, господин президент, — говорит она. Она лжет.

Солдаты толкают мятежников дулами винтовок по направлению к лестнице, где они должны встать в одну шеренгу. Но меня они оставляют на месте. Я поднимаюсь и прислоняюсь к стене мастерской.

Дверь открывается и входит Оскар. Солдат направляет на него винтовку.

— Что за..., — ругается Оскар. Он машет солдату, держащему его на прицеле. — Опустите оружие и скажите мне, что за игра тут ведется. — Президент выглядит невозмутимым, зато Ниям стоит как в воду опущенная. Никто толком не знает, как вести себя с Оскаром, что в свою очередь доказывает мне, что он не причастен к этой облаве. Я бы действительно не поверила, что он мог бы нас предать. Нет.

— На этой неделе Венди около двадцати раз поднималась и спускалась по лестнице. А когда тебя не было, я слышала, как кто-то чихал, — лепечет Ниям в бессмысленной попытке искупить вину за предательство собственного брата. — Я это и хотела тебе сказать, когда зашла в твою комнату, — говорит она, косясь на меня.

Оскар подходит ко мне и поворачивает меня лицом к свету.

— Беа Виткрафт? — спрашивает он.

Ниам смотрит на Оскара и на меня и зажимает рот рукой.

— Что нам с ней делать? — спрашивает она сквозь пальцы. — Она так запросто бродила по нашему дому, могла бы убить нас в наших же кроватях.

— Обвинить в государственной измене, — спокойно говорит Оскар, все еще глядя на меня. Надеюсь, он знает, что делает.

— Если ее признают виновной, ей грозит смертная казнь, — говорит президент. Он держится в стороне, только наблюдает. Оскар не подает виду, так же как и мятежники. Если бы я его не знала, то подумала бы, что он бросает меня в беде.

У Вина дергаются уголки губ.

— То, что мы схватили их в твоей мастерской, создает не очень радужную картинку, дорогой Оскар. Но если ты готов, послать этих выводов на смерть, то министерству будет гораздо легче поверить в твою непричастность к этому делу. — Он разводит руками, охватывая все помещение.

— Арестуйте меня, если я, по вашему мнению, замешан в этом. Я с радостью отвечу на ваши вопросы, — говорит Оскар с необъяснимым выражением лица.

Ниам смотрит на солдат.

— Идите в соседний дом и арестуйте нашу служанку. — Солдаты смотрят на президента, он кивает им. Ниам несет вздор дальше. — И уберите этих КРЫС из моего дома. — От истерики у нее почти срывается голос.

Женщина-солдат связывает мне руки кабелем и приставляет ко мне холодное дуло своей винтовки, чтобы отвести меня следом за другими мятежниками вниз по лестнице. Неожиданно я обнаруживаю Ниам рядом с собой. Она хватается за руку и резко разворачивает.

— Ты заплатишься за то, что случилось с моим отцом, — злится она и толкает меня на последних ступенях вниз. Я приземляюсь на лицо и чувствую на губах вкус крови. Я перекатываюсь на спину и вижу в ярком свете люстры ее лицо надо мной, на котором написано глубокое презрение ко мне.

Пару недель назад прикосновение рук Ниам заставило бы меня завизжать. Однако теперь я поднимаюсь на ноги и встаю напротив нее, нос к носу. Харриет хочет меня оттащить, но я не дам так просто от меня избавиться, не сегодня.

— Ты не запугаешь меня, Ниам, — говорю я.

— Но ты, черт побери, должна бояться, — говорит она.

Я пожимаю плечами.

— Если тебе во что бы то ни стало хочется сделать мне больно, то это твой личный выбор.

Но то, как мне реагировать, я решаю все еще сама. И я больше ни перед кем не буду становиться на колени.

ОСКАР

Я шагаю взад-вперед по маленькой улочке в зоне 3, в ожидании Джада. Уже в третий раз я проверяю Rad. Между жилыми зданиями видна только тонкая полоска света. Мрачнее некуда. Трудно поверить, что Беа провела здесь всю жизнь.

— Заседание сената затянулось, — слышу я Джада с другого конца улицы. Большими шагами

он подходит ко мне и протягивает руку. — Они тебя преследовали?

— Двое солдат. Мне удалось уйти от них в зоне 2. Беа в порядке? И что с Венди?

Я всю ночь не сомкнул глаз от переживаний. Хотя Ниама все знает, я не могу заговорить с ней на эту тему. С тех пор как Беа схватили в моей мастерской, она больше и рта не открыла. Мне еще повезло, что она не выдала меня.

— Ланс Вин предложил провести процесс без привлечения общественности, с последующей публичной казнью Венди и всех остальных из мастерской. Никто не был против.

— Нам нужно их остановить, — говорю я.

Джуд снимает шапку и чешет затылок.

— У меня семья, Оскар. Я пришел сюда не затем, чтобы строить с тобой планы по их спасению. Я здесь, чтобы сказать тебе, что я не у дел. Я обеспечил мятежников кислородными баллонами и доступом в квартиру в зоне 2, — Ни слова сожаления.

Как может человек, знающий толк в защите Купола и командовании армией, так просто прекратить борьбу. Я смотрю на него, разрываясь между гневом и разочарованием.

— А солдаты, которых ты обучаешь?

— Будут завтра распущены по причине непригодности.

— Как ты только можешь быть таким трусом? — А я-то думал, что он изменился.

Но мои слова он пропускает мимо ушей. Он надевает шляпу и поправляет ее.

— Может быть, ты поймешь меня, когда сам станешь отцом.

— Я не сдамся, — говорю я.

Он разворачивается, чтобы уйти, как вдруг по всей зоне 3 раздается вой сирен, доносящийся и до нашей улочки. Джад бьет по стене.

— НЕТ! — кричит он.

— Что случилось? — спрашиваю я. Инстинктивно я достаю из-за пазухи пистолет и снимаю с предохранителя.

Джад тянет меня вверх по улице.

— Пограничная тревога, — говорит он. — На Купол напали.

Джад созывает всех солдат, мятежников и немтежников и собирает их в спортивном зале. Все одеты в униформу, так что я не могу отличить их друг от друга. От их нервной болтовни вибрируют стены.

Джад подносит мегафон ко рту.

— Купол обстреливают. Мы не знаем кто, но мы должны держаться вместе.

Робин, вернувшаяся с пустоши, стоит рядом со мной.

— Еще одна никуда не годящаяся война. Я уже сыта по горло. — Она исхудала, под глазами у нее темные круги.

— Я думаю, сейчас все серьезно, — объясняю я ей. Мне бы хотелось, чтобы это было не так. Мне бы хотелось, чтобы эти рекруты были задействованы для того, чтобы что-то изменить в Куполе, вместо того, чтобы вводить их в бой, который никогда не был их боем.

— Многие из вас боятся и не имеют опыта. Со мной было бы то же самое на вашем месте, но вы должны быть сильными. Мы будем держаться вместе... и жить. — Он запинается. — Вы готовы?

Он кричит, пытается взбодрить труппу, как недавно в Роше. Тишина в зале громко звучит у нас в ушах.

Они не готовы, даже частично. Но это больше никого не интересует. Мы идем и боремся. Министерство и мятежники, бок о бок.

И прямо сейчас.

КВИНН

Купол — все еще маленькое пятно на горизонте, когда мы слышим удары. Серебристо-серая пыль поднимается над городом. Если мы доберемся слишком поздно, я никогда не прощу себе этого. Никогда.

— Нам нужно поспешить, — говорю я, и Алина сразу прибавляет темп, перепрыгивает через гитару без струн и тонны другого железного хлама.

Я хотел бы, чтобы я мог бежать быстрее. Сайлас и Алина постоянно ждут меня, но затем сразу же продолжают движение, не оставляя мне времени для отдыха, и это не очень помогает.

Не то, что я хотел бы задохнуться. Мне нужно добраться до Купола. Мне нужно сказать отцу, что пробил час, и я должен добраться до Беа.

Чем ближе мы подходили, тем яснее было видно Купол впереди, также как и его подсоединенные системы регенерации.

— Они все еще работают, — говорю я. Из труб устройства поднимаются четыре столба дыма.

Алина останавливается.

— Что? — обеими руками она убирает волосы с лица. Хотя она совершенно вспотела от гонки, но ее уши красные от холода.

Я слишком сильно пыхчу, чтобы повторить. Поэтому я просто показываю туда, и она кивает, чтобы догнать Сайласа. Едва она нагоняет его, они останавливаются и смотрят в небо. Воздух вибрирует. Но такого не может быть. Но происходит.

В небе появляется Цып с пушками наготове. Разве мы не заслужили немного удачи после всех наших стараний? Но такова жизнь, и теперь не время для детского приступа бешенства, так как все так страшно неправильно. Мы просто должны двигаться быстрее.

Не прошло и получаса, как мы находимся всего в нескольких метрах от стеклянных стен Купола, где прячемся за внедорожником с открытым верхом и дымящимся мотором. Никто не замечает нас, так как охрана, которая наблюдает за Куполом, теперь распределены в четыре ряда перед границей. Рядом с ними стоят несколько заведенных танков и горстка солдат, которые спешат внутрь Цыпа. Воздушные машины не растрачивают мыслей.

— Мы опоздали? — спрашивает Алина.

— Не имею ни малейшего представления, — высказывает свое мнение Сайлас, и там появляется Цып впереди над Куполом. Без предварительного предупреждения он начинает стрелять по солдатам.

— Это Макс! — ревет Алина, перекрикивая вращающиеся пропеллеры Цыпа.

Танки на земле поднимают свои пушки и отвечают на огонь. Солдаты разбегаются. Многие из них ложатся на землю, и одного из них панцирь разрывает на куски. Цип разворачивается и возвращается, но на этот раз он игнорирует армию и стреляет в одну из вырабатывающих кислород установок. В самом низу устройства появляется дыра, но трубы все еще исправны.

Из одного танка появляется фигура, поднимает стекло шлема и держит у рта мегафон.

— Назад в ячейки! — лает он. Однозначно голос моего отца. Но почему он держит солдат у границы? Он что, не видит, что там происходит? Никого не интересует граница. Цыпы министерства должны быть в воздухе. Танки должны атаковать Цып Вани, чтобы он не мог охотиться на установки в воздухе.

— Это мой отец, — кричу я. — Мы должны сказать ему, что они планируют, — Цып исчезает и все становится тихим.

— Сейчас или никогда, — говорит Сайлас. Он вытаскивает белую футболку из рюкзака. — Сойдет, — говорит он. Он встает и на глазах у всех бросается на глаза у всех к моему отцу, махая белой рубашкой. Теперь солдаты, которые покинули свое расположение, поднимают оружие. Они не стреляют, а бегут навстречу.

Я машу как сумасшедший и бегу к своему отцу, который опускает винтовку и начинает двигаться ко мне.

— Отец! — воплю я. — Папа!

Но прежде чем я успеваю добраться до него, два солдата бросаются ко мне и роняют меня на землю. Я смотрю вверх. У Алины сползла маска, Сайлас на земле и прижат ногой между лопатками. Алина не сопротивляется. Она научилась дышать? Но больше я не вижу ничего, так как поцарапанные черные сапоги загораживают обзор.

— Квинн? — это мой отец.

— Да, — каркаю я.

— Отпустите его, — приказывает он солдатам. Я встаю на ноги и отряхиваю пыль, пока солдаты отступают, ничего не понимая, и опускают оружие. Это более чем очевидно, что это нападение застало их врасплох.

— Они метят в воздухопроизводительные установки, — сообщаю я отцу. — Хотят прервать снабжение кислородом.

— Черт побери, — сердится отец, видя, как вновь появляется Цып и обстреливает землю, вспахивая камни и валуны. Я бросаюсь на землю и прикрываю голову руками. Цып снижает высоту и уносится прочь, как будто играя с нами. Не тут-то было. Они пытаются попасть в настоящую цель.

Отец лежит рядом со мной. Затем встает на ноги и помогает подняться мне.

— Ты должен взорвать Цыпы, — говорю я ему.

— В них кто-то поковырялся. — отвечает он. Он прижимает мегафон к воздуховыпускному вентилю своей маски. — Подразделение Bravo перебазируется к воздухоочистительной установке на севере. Юлия и Ромео на юг, Зулу-восток, Танго-запад. Дельта остается на границе. В двойном темпе, МАРШ! — Он смотрит на Алину и Сайласа, которых все еще удерживают на земле. — Это мятежники, — объясняет он растерявшимся солдатам, которые с раскисающим видом помогают Сайласу встать, а Алине возвращают маску. Это должно быть двое новых рекрутов, нанятых для борьбы с министерством, а не для его поддержки.

— Дайте нам толковое задание, — говорит Алина.

— Сюда, — говорит мой отец, и мы спешим к границе. Сжимаясь, мы проходим через вращающиеся двери в туннель. Кто-то догоняет нас сзади и хватается за моего отца.

— Джад? — Это Оскар.

Увидев меня, он хлопает меня по спине.

— Тебе удалось, — говорит он.

— Они хотят разрушить сооружения для выработки кислорода, — сообщает мой отец Оскару,

который засучивает рукава.

— Что мы можем сделать? — спрашиваю я.

— Если дойдет до рационирования воздуха, то в первую очередь будут отрезаны квартиры второго класса и тюрьма, — говорит мой отец. Он достает из сумки связку ключей. — Мятежники в тюрьме, в том числе и Беа. Меры по обеспечению безопасности там, скорее всего, сейчас слабые. А Джаз в больнице. Ты найдешь? — Я киваю.

— Есть ли какая-нибудь возможность того, что каждый получит на всякий случай баллон с кислородом? — спрашивает Алина.

— Еще нам нужны саженцы, — добавляет Сайлас. Он не смотрит в лицо моему отцу, и я его очень хорошо понимаю. У меня самого это кое-как получается, после того, что он сделал.

— В исследовательских лабораториях у нас есть гербарии. — Мой отец потирает лоб. — У них только один Цып?

Алина пожимает плечами.

— Мы пробыли там не так долго, что выяснить это. Но у них сильная милиция.

Земля снова трясется. Женщина-солдат подбегает к нам.

— Господин генерал, некоторые подразделения уже начинают распадаться. Мы ожидаем приказаний.

— Позаботьтесь о том, чтобы объект на юге был защищен. Там находится диспетчерская вышка, — поручает ей отец. Затем он смотрит на нас. — День икс, — говорит он.

— Мне пойти с тобой? — спрашивает меня Оскар.

— У него все получится, — говорит Алина. — Или нет? — Ее глаза цвета стали сверлят меня насквозь. — Вооружите нас, — приказывает она моему отцу.

— С удовольствием, — говорит он и передает винтовку Сайласу, который сначала смотрит на оружие, затем на моего отца и кивает. Мой отец берет оружие у женщины-солдата и отдает его Алине.

Он протягивает мне руку. Я хватаю ее и так мы стоим какой-то момент, не отводя взгляд друг от друга.

— Как это всегда происходит... — он останавливается. Сайлас уходит. Алина следует за ним. — Ты — смелый человек, Квинн, — говорит он. Это не извинение, однако, это то, что он может мне дать.

— Теперь-то не драматизируй, — говорю я, подшучивая. Я отпускаю руку и бросаюсь в Зону 1.

БЕА

Должно быть, прошел минимум один день с тех пор как они бросили меня в герметичную камеру без окон. Я не ела и не пила, а мои руки и ноги привязаны к стулу.

Несколько часов назад я описалась. Воняет ужасно, и я ерзаю на сидении, чтобы облегчить неприятное чувство хоть как-то. Я не буду ныть здесь, чтобы они поверили в конец, что измотали меня.

Я пытаюсь освободить руки, но только сдираю кожу на моих красных, изрядно потертых запястьях. Когда треск сообщает мне, что охрана открывает дверь, я останавливаюсь.

Охранник держит дверь, а Ниям Кнавери входит внутрь. Она смотрит на меня, как будто ее

вырвет.

— Здесь воняет, — говорит она. — Ты описалась? — если бы я могла, я бы сообщила ей, насколько мне насрать на ее разговоры. За смрад здесь в ответе она, а не я.

После короткой паузы появляется Ланс Вин. Он держит руку у носа. Уже почти смешно, что, как и она, он находит это отвратительным.

— Дай нам пять минут, — поручает он часовому, который кивает и исчезает с ключами на его поясе в коридоре.

— Я ничего не сделала, — говорю я.

— Мне так не кажется, — пренебрежительно выплевывает Ниам.

— Твой отец убил моих родителей. У меня есть все основания ненавидеть тебя, — объясняю я ей, несмотря на то, что тогда должна была бы ненавидеть и Оскара, а я не могу. Ни один из них не имеет отношение к тому, кем был Кейн Кнавери.

Вин встает рядом с Ниам и потирает нос большим и указательным пальцем.

— Если насчет меня, нам не нужно ходить вокруг да около. Джад Каффри сообщил, что положение не обострится. Время действовать, — он встает передо мной и прижимает свою потную лапу ко рту. — Мы считали, что уничтожили большую часть вас, когда разрушили Рошу. Кто же тогда атакует нас теперь?

— Снова восстание в Куполе? — спрашиваю я. Квинн тоже снаружи? Мог ли он быть здесь? Я чувствую слабый проблеск надежды. — Если вы такой жестокий парень, почему вы не стоите тогда там, снаружи, и не сражаетесь сами против злодеев?

Он отвечает мне звонкую пощечину. Стул падает назад и ударяется о землю. Я приземляюсь на зафиксированные сзади запчасти и вынуждена стиснуть зубы, чтобы не закричать. Я переворачиваюсь на бок и пытаюсь пошевелить запястьями.

Ниам сжимает губы.

— За этим стоит Венди?

— Или это был Оскар? — добавляет Вин.

Ниам вздрагивает.

— А я все же думаю, что Венди подготовила это новое нападение на Купол, — говорит она поспешно, чтобы не позволить мне сказать хоть слово. — Нам нужно было просто отключить сюда подачу кислорода и оставить ее задыхаться, — Вин надо мной пожимает плечами. Ему совершенно все равно, что со мной произойдет.

Шум в коридоре заставляет меня застыть. Очередной солдат подходит к двери. От моего взгляда он тяжело глотает.

— Вас ожидают в комнате заседаний, господин Президент, — сообщает он.

Вин поворачивается к Ниам.

— Скажи им, что я сейчас подойду.

— Да, господин министр, — говорит она. Она отвечает мне еще один маленький пинок.

— Я ничем не отличаюсь от тебя, Ниам, — говорю я. Это ни попрошайничество, ни мольба о помощи, но я даю ей шанс поступить правильно.

— Нет, Беа, — говорит она. — Мы с самого начала были разные и это часть проблемы. Ты и твои террористы просто не хотите допустить вероятность, — она покидает камеру, и дверь за ней захлопывается.

Вин нагибается рядом со мной и гладит меня по лицу тыльной стороной руки. Я пытаюсь укунить его. Смеясь, он оттягивает руку. Я добыча, и я слишком хорошо это чувствую. Я кричу со всей силы, чтобы выбить его из колеи, и умолкаю только, когда динамик на стене сообщает о тревоге и начинает гореть красная лампа.

— Такого же просто не может быть, — говорит он.

— Чего не может быть?

Он смотрит на меня вниз.

— Это воздушная тревога, ты знаешь это также хорошо, как и я. Мятежники, должно быть, повредили трубопровод. И ты заплатишь за то, что связана с этим.

— Трубопровод?

— Они должны были бы подумать, что из тюрьмы и квартир вторых классов в первую очередь откачают воздух, — он спешит к двери.

— И вы просто оставите меня здесь? — спрашиваю я. Я не боюсь умереть, слишком часто встречалась со смертью, чтобы вытеснить неизбежность, а удушение вообще неизбежно, но умирать в одиночестве я не хочу. Кто-то должен пережить со мной этот последний момент. Я заслужила это, по крайней мере, не так ли?

Вин сопит и нажимает на кнопку двухсторонней связи. Он ждет несколько мгновений и затем дергает за ручку двери. Напрасно. Он откашливается и снова пытается счастье с системой двухсторонней связи.

— Я готов выйти, — говорит он в маленький ящик, нахмутив лоб.

Я кашляю, так как воздух стал более разряженным в камере.

— Что, если никто не придет? — подкалываю я его. — Разве всех не собирают при нападении? Не убегает ли охрана в панике, когда узнают, что воздух откачивают?

Он прижимает руку к груди и затем стучит двумя кулаками в дверь камеры.

— Выпустите меня! — кричит он. Я полностью сконцентрирована на том, чтобы по возможности медленней и глубже дышать, как морской прибой, который накатывает на берег. Он держит ухо у моего рта. — Что это за трюк? — спрашивает он. Его дыхание становится лихорадочным.

— Это не трюк, — говорю я. — Мне достаточно воздуха, совершенно просто.

— Вытащите меня отсюда! — он становится бледным, как мел, бьется об дверь и широко раскрывает рот, чтобы всосать столько воздуха насколько это возможно. — Горит, — каркает он и начинает хрипеть.

Последний раз его палец нажимает на кнопку радиации, прежде чем, пытаясь, он опускается на землю. Он начинает задыхаться и опрокидывается без сознания. Я еще вижу, как его грудь поднимается и опускается. Он еще будет жить какое-то время. Но только какое-то время.

А я остаюсь спокойной настолько, насколько это возможно лежать на полу и экономлю кислород. Воздух очень разряжен, но его достаточно для выживания. Мне, по крайней мере.

На какое-то время.

АЛИНА

Теперь три устройства регенерации, линии которых еще исправны, прикрываются всеми дивизиями, на вышках засели снайперы.

— Мы тоже можем стрелять, — объясняю я Джаду Каффри. Он коротко кивает, как будто он и так знал об этом, и показывает на северное устройство.

— Идите с Оскаром, — говорит он.

Мы мчимся к сооружению и перескакиваем временную баррикаду из мешков с песком. Солдат у двери узнает Оскара и позволяет нам пройти, и мы уже поднимаемся на быстром лифте вверх.

Уши закладывает, я могу думать только о своих тете, дяде, Беа и Джаз, которые задохнутся, если мы не сможем противостоять милиции Секвойи в разрушении трубопровода. Именно это было самым большим страхом министерства, ясное уязвимое место при террористическом нападении, а в Роще мы смеялись над их паникерством.

На самом верху мы спешим из лифта на балкон, где ложимся на живот и осматриваем территорию через оптический прицел наших винтовок. На западе находится милиция Вани в непосредственной близости к устройству.

Временами один из них падает на землю, но мертвых и раненных просто затапывают ногами. Солдаты министерства находятся под прикрытием мешков с песком и открывают огонь из всей амуниции, что, кажется, не очень волнует людей из Секвойи.

Справа от меня снова появляется огромный Цып, облетая Купол. Он снова начал обстреливать наше устройство, и через несколько секунд все стены начинают качаться. Сайлас, Оскар и я пристально смотрим друг на друга и задаемся вопросом, обрушится ли шутовина вместе с нами. Но повреждения, кажется, только поверхностными, и вскоре здание снова успокаивается.

Оскар толкает меня локтем.

— Чего ты ждешь? — спрашивает он. В его глазах читается что-то непреклонное, война стала для него обыденной.

Я снова всматриваюсь в оптический прицел. Чтобы уклониться от летящего мусора, некоторые солдаты министерства отошли в сторону, открыв при этом дыру в защите для милиции Вани, где они могли прорваться через мешки с песком. Слышны выстрелы.

Один из секвойенцев бросает солдата на землю и снова и снова бьет его головой об землю. Мой живот съезживается. Я целюсь и нажимаю. Милиционер отпускает солдата и держится за бок. Затем он снимает шлем. Это не какой-то там солдат. Я убила Урен. Как тяжелая железная груда, она падает на землю. За несколько минут ее приятели затаптали ее ногами, и если раньше она и не была мертва, то теперь точно.

— Я убила Урен, — говорю я Сайласу.

Он хмуро смотрит.

— Она или твоя семья, так сейчас.

Я ненавижу то, что он прав. Ненавижу убивать и сравнивать ценности жизни разных людей. Когда же это закончится? Должен быть конец, я сама, в конце концов, больше не могу. Я больше не выдержу в этом мире.

— Они слишком близко к башне. Я не могу больше правильно прицелиться, — говорит Оскар поднимаясь. — И если они проникнут вниз, то смогут подняться по пожарной лестнице в контрольное помещение. Тогда мы никогда не сможем вытурить их назад.

Мы вскакиваем и следуем за ним. Оскар был солдатом министерства, в которого я стреляла всего пару недель назад во время нападения на Рощу? Я — вертишейка, которая сговорилась с врагом, становится мне ясно. Но сегодня мы должны бороться вместе плечом к плечу, чтобы защищать Купол и всех, кого мы любим.

И это кажется правильным.

КВИНН

Сирена устраивает в первой зоне адский скандал и, наверное, в остальном Куполе подобная ситуация. Улицы осиротели. Премиум, должно быть, окопались дома или в административных зданиях. Как долго это продолжится, пока там не останется воздуха?

В окнах на улице я замечаю прижатые к стеклу лица. Никто не осмеливается выйти наружу.

Я проверяю показатели баллона. Низкий, но для начала достаточно. Хочется надеяться.

Я бегаю на короткие дистанции по широкой дороге в направлении здания суда, так как там живет Беа.

И с ней все в порядке.

Это так.

Я знаю это.

БЕА

Кожа Ланса Вина поменяла свой цвет: из розовой стала синей. Еще чуть-чуть, и я буду выглядеть так же. Я вытесняю каждую мысль и концентрируюсь на дыхании. Досчитать до десяти, снова вздохнуть, сохранить немного кислорода в клетках. Воздух такой разряженный, что каждый вдох мучителен. Моя голова готова расколоться.

Я открываю глаза и смотрю на мигающий красным свет на потолке. В этот момент врывается Ниам.

— Оставь дверь открытой, — хриплю я сквозь рев сирен, звучащий из громкоговорителей. Она не слышит меня, и вот дверь снова закрыта.

— О нет! — Ниам смотрит на бездыханного Вина, лежащего на полу, и толкает его ногой. — Что ты сделала? — Она хватается за горло. — Воздух, — говорит она. — Я не могу... — Она не договаривает из-за приступа кашля. Ее взгляд, направленный на меня, полон одновременно ненависти и страха. Я живу, а Ларс Вин нет. — Караульные просто напросто покинули свои посты, но мы разберемся с этим... когда все нормализуется, — говорит она.

Она подходит к переговорному устройству, собираясь нажать кнопку, как вдруг до нее доходит. Хрипя, она внимательно смотрит на меня, и мною овладевает нехорошее предчувствие, что мне придется наблюдать и за ее смертью. Она тянет за ручку и дверь открывается. Ниам вскрикивает, также как и я. На пороге стоит Квинн.

— О, Беа! — он толкает Ниам в сторону и спешит ко мне. Он обхватывает лицо, смотрит на мертвого Вина, затем на меня и мои стертые запястья. — Ты в порядке? Мне очень жаль. Мне очень жаль. — С помощью ножа он освобождает меня и помогает подняться на ноги. Затем он снимает маску и целует мои ладони у основания большого пальца. — Я знал, что ты выдержишь, выдержишь и покажешь всем, как обстоят дела, — говорит он.

— Ты здесь! — Я обвиваю его шею руками и обнимаю так сильно, что ему, наверное, больно. Он осыпает меня поцелуями в губы, лоб и шею, затем нежно надевает мне маску. На какое-то мгновение я забываю, как противно сейчас выгляжу. — Мы должны найти Оскара и твоего отца. Они помогут нам.

— Не впутывайте сюда моего брата, — говорит Ниам. Она придерживает дверь, чтобы запустить немного кислорода. Если она сейчас уйдет, то мы с Квинном пропали. Мне нужно вовлечь ее в разговор.

— Оскар на нашей стороне, Ниам. Ты знаешь это. — Я встаю на ноги.

— Вы настроили его против нас, — кричит она.

— Нет, это не так. Он присоединился к нам по своей воле, и ты тоже могла бы. — Аварийная сигнализация, не переставая, издает резкий, пронзительный звук.

Ниам краснеет.

— И стать такой же, как ты? — Попытка сделать так, чтобы она добровольно перешла на нашу сторону, не удалась. Я бросаюсь на нее, толкаю на пол и бросаюсь к открытой двери, чтобы она не закрылась. Ниам царапает мне лицо. Ну и пусть. Я поднимаю руку, и Квинн помогает мне встать. Он тащит меня в коридор, прочь от мерцания красного света.

Ниам с трудом поднимается на ноги.

— Вы еще об этом пожалеете.

— Нет, я так не думаю, — говорю я.

По ее взгляду я вижу, что ей есть еще много чего сказать, но вместо этого она убегает по коридору, зовя солдата, который никак не появляется.

— Купол обстреливают, — говорит Квинн.

— Тогда нам нужно поторопиться. — Я выхватываю у него связку ключей и открываю камеру напротив. В углу, съежившись, сидит Олд Ватсон. Я даже не знала, что они посадили его за решетку. — Ватсон! — Я опускаюсь на пол и трясусь. Никакой реакции. Я прикладываю ухо к его лицу, но не слышу дыхания. Это из-за меня он попал в тюрьму или из-за своего растениеводства?

Я срываю с Квинна маску, прикладываю ее к носу Олда Ватсона и выпрямляю его ноги, чтобы он лег на спину. Пытаюсь сделать массаж сердца, переложив свой вес на руки, в то время как Квинн тянет голову старика назад и делает ему искусственное дыхание.

Один раз. Второй.

Однако ничего не происходит.

— Дыши, черт побери! — Я снова давлю.

Квинн встает.

— Не получается, Беа. Нам нужно выбираться отсюда. — Он не понимает: Олд Ватсон спас меня тогда, когда я сама уже потеряла волю к жизни. Я не оставлю его тут лежать.

— Еще одна попытка, — говорю я и кладу свои руки на грудь Олда Ватсона. Я делаю массаж сердца как по учебнику, один к тридцати. Квинн снова опускается на колени и дует ему в рот, наполняя его кислородом.

И это срабатывает! Олд Ватсон начинает дышать. Я убираю оставшиеся пряди волос, упавшие ему на глаза, и он поднимает веки.

— Ничего не говори, — говорю я и помогаю ему встать.

Я бросаю Квинну ключи.

— Остальные камеры.

— Ты справишься? — спрашивает он.

— Да, — говорю я. — Конечно, я справлюсь.

КВИНН

Беа, Олд Ватсон, около тридцати мятежников и я убегаем из здания суда. Улица полна испуганных, в панике снующих вокруг, второсортных, в большинстве своем вооруженных. Парень моего возраста пробегает мимо меня, но я останавливаю его.

— Что здесь случилось?

— Эти сволочи откачали кислород в квартирах зоны 3. — Он вырывается и бежит дальше. Из громкоговорителей доносится автоматически повторяющееся раз за разом сообщение. "План по рационированию воздуха, этап 3 в действии. Просим Премиум не покидать своих домов. План по рационированию воздуха, этап 3 в действии. Просим Премиум не покидать своих домов".

Мы обмениваемся нервными взглядами, когда отец Сайласа, Гидеон, обращается ко мне.

— Нам нужны кислородные баллоны.

— Туда, — говорю я.

— Куда мы направляемся? — Он идет в ногу со мной.

— В научно-исследовательскую лабораторию.

Мы спешим вверх по улице, которая стремительно пустеет, потому что все больше второсортных пытаются, перелезая через заборы и высокие стены, проникнуть в дома первосортных. Царит сущий хаос: выбиваются стекла, раздаются выстрелы. Я притормаживаю.

— Мои братья, — говорю я.

Гидеон качает головой.

— Сейчас нет времени.

— Я заберу их, — решительно говорю я.

— Хорошо. Встретимся через час на границе. Дай мне ключи, я сам найду баллоны, — отвечает Гидеон. Я бросаю ему связку.

— А что с Джаз? — спрашивает Олд Ватсон. Хотя он стоит рядом со мной, такое ощущение, что его голос слышится откуда-то издалека. Он выглядит намного бледнее и дряхлее, чем несколько дней назад. Он не создан для таких акций. Но опять же, кто из нас создан для них?

— Больница недалеко. Я заберу ее, — говорит Беа, собираясь броситься бежать. Но я хватаю ее за плечи.

— Мы снова собираемся все делать в одиночку? — сетую я. Этого не было в планах. В планах было найти Беа и больше никогда не выпускать ее из глаз.

Она улыбается.

— Некоторые вещи важнее нас самих, — говорит она, и я целую ее. Миллионы вещей могут быть важнее нас, но мне ничего не приходит в голову, что могло бы быть важнее нее. — Через час на границе, — повторяет она.

Второсортные, вооруженные разбитыми бутылками и чугунными трубами, пробиваются на мою улицу. Я несусь мимо них вверх, к нашему дому. Мои братья и мать сидят перед телевизором и смотрят новости, где показывают взрывы и вздымающиеся клубы пыли.

Леннон смотрит на меня и кивает. Кейн делает то же самое. Одновременно поняв, что меня вообще-то здесь быть не должно, они вскакивают с места и бросаются ко мне.

— Квинн, неужели это ты? — спрашивает Кейн. Он по-боксерски толкает меня в бок. Моя мать оборачивается тоже. От удивления у нее отпала челюсть.

— Я же тебе говорил, что он жив, — говорит Леннон. Я целую его в лоб, а Кейна прижимаю

к себе. Мне их так не хватало.

Моя мать идет ко мне, переваливаясь с боку на бок, опираясь на спинку дивана.

— Мы уходим, — говорю я.

— О, Квинн, мой любимец. — Она обхватывает мою руку, но ее глаза ничего не выражают.

— У нас есть две минуты, до того как сюда ворвутся второсортные, — говорю я. На улице что-то взрывается, и моя мать испуганно вскакивает. Скорее всего, только одна минута. — Вперед!

Моя мать покровительственно улыбается.

— Мы здесь в безопасности. Не переживай за нас. — Она пытается оторвать от меня близнецов, но они еще сильнее цепляются за меня. Не то, чтобы им было лучше со мной, чем с ней, но если они пойдут со мной, то мне, по крайней мере, удалось бы их спасти.

— Они пойдут со мной, — говорю я. — Никаких дискуссий. Ты пойдешь с нами? — Я не хочу, чтобы она умерла, все-таки она моя мать.

— Ты вообще понимаешь, что ты натворил? Твой отец сам не свой, с тех пор как ты... — Большим и указательным пальцами она надавливает на веки, лихорадочно дышит и держится за живот.

— Мама? — спрашивает Кейн. Я держу его еще крепче. Это все только шоу.

— Ты разрушил нашу семью. — Она начинает всхлипывать, по ее щекам текут слезы. Но она плачет не обо мне.

— Я возьму продукты и баллоны с кислородом, — говорю я.

— Бери, что хочешь, только, пожалуйста, оставь мне моих мальчиков, — жалобно хнычет она. В окно гостиной залетает камень, и она вскрикивает, затем падает на колени, прикрывая голову руками.

— Идите, собирайте свои вещи! Быстро! — Я подталкиваю братьев к лестнице. — Мама, мы должны пойти все вместе, — умоляю я. Я не могу оставить ее здесь мародерствующей толпе граждан второго класса.

Она смотрит на меня, лежа на полу.

— Ты сам выбрал себе такую жизнь. Не пытайся всех нас тащить за собой. — Еще одно окно разбивается и на диване приземляется отвертка. — Что там происходит? Мир совсем сходит с ума.

Я поднимаю ее с пола.

— Мир меняется, больше ничего. И ты должна меняться вместе с ним.

— Они сломают весь мой красивый дом, — жалуется она.

— Ты должна упаковать кое-какие вещи. — Я толкаю ее по коридору в спальню.

Затем бегу вниз по коридору в подвал, где я беру столько кислородных баллонов, сколько могу унести. Кейн и Леннон уже стоят с рюкзаками вверх у основания лестницы. Они готовы бросить все и следовать за мной.

— Мама! — кричу я.

Она появляется, одетая в пальто из плотной ткани. Ее ярость рассеялась, как дым. Постанывая, она держится за живот.

— Я рожаю, — говорит она.

БЕА

Я предоставляю моим коллегам-мятежникам опустошать центральный командный пост, а сама направляюсь в больницу на границе между зонами один и два. Содержание кислорода в воздухе заметно снижается, но все же лучше, чем в камере. Я двигаюсь быстро, мимо бушующей толпы людей, пока не попадаю в узкую, боковую улицу, где двое мальчишек дерутся за маленький дыхательный аппарат.

Я ловко прибираю его к рукам, надеваю маску на лицо и обращаюсь в бегство. Они ругаются мне вслед, но я быстрее и сильнее. Несмотря на жжение в ногах и одышку, я воспринимаю этот бег как маленькую победу над министерством.

Огромное, белое здание клиники занимает почти весь квартал. Домик привратника пуст, ворота открыты настежь. Запинаясь, я бегу вверх в осиротевший холл. Там я вижу неистово мигающую и звенящую панель приборов, а также стоящие повсюду бесхозные больничные кровати и инвалидные коляски.

Из кабинета выходит женщина-врач со стетоскопом на шее и в испачканном кровью халате.

— Кислород для посетителей закончился, — говорит она, пытаясь вытолкнуть меня обратно через вращающуюся дверь.

— Я ищу одного ребенка, — говорю я.

Она отпускает меня и тянет за собой к приборной панели, чтобы заставить ее замолчать.

— Второсортных доставили наверх в крыло для первосортных. Это будет стоить нам наших рабочих мест, но видимо, нам так и так придется о них забыть. — Здание сотрясается, и врач долго смотрит на меня. — У меня у самой дети. Мне пора идти, — говорит она и торопливо уходит.

Я мчусь по лестнице на второй этаж, перепрыгивая за раз через две ступени. Коридор переполнен кашляющими пациентами, часть из них передвигается вместе с инфузионной стойкой. Я прокладываю себе дорогу в этой сутолоке и наконец вижу Джаз на другом конце коридора. Ее нога в гипсе, а рыжие локоны вздымаются на голове, как спагетти.

Слава богу.

— Джаз! — кричу я. Опираясь на костыли и подпрыгивая, она идет мне навстречу.

— А ты совсем не торопилась ко мне, — говорит она, и по-боксерски пихает меня в живот.

Я не могу по-другому. Я просто должна поцеловать ее кулак.

— Готова к походу?

— Я уже вчера была готова, — говорит она, когда мы идем к лестнице. Она хватается за перила и спускается, перешагивая через две ступеньки. — Поторопись, — говорит она, когда дверь открывается.

Я хватаю Джаз, чтобы в случае необходимости защитить ее, как вдруг появляются Кейн и Леннон, в сопровождении Квинна, поддерживающего свою мать.

— Нам нужен врач, — говорит он. Живот его матери опустился. Это непостижимо. Именно сегодня.

— Оставайся здесь, — поручаю я Джаз и помогаю миссис Каффри подняться на второй этаж. Она кричит и извивается, когда мы кладем ее на пол.

— Нам кто-нибудь поможет?! — орет Квинн.

— Никого из врачей нет, — говорит один из второсортных с перевязанным глазом.

Синтия Каффри вскрикивает и хватается за живот.

— Я должна тужиться.

Квинн поворачивается ко мне. Он белый как мел.

— Она должна тужиться, — повторяет он.

КВИНН

Все кровати в отделении заняты. Люди, лежащие в них, избегают наших взглядов. Я уже готов рассвирепеть, но в этот момент одна бледная женщина с трудом встает с кровати, освобождая место моей матери.

— В этом чертовом заведении вообще нет ни одной медсестры? — спрашиваю я. Гул сирен раздается уже по всему зданию.

Женщина качает головой.

— Те немногие из медперсонала, что еще не сбежали, сейчас оперируют разрыв толстой кишки. — Она вытаскивает две петли, прикрепленные по бокам кровати, и просовывает через них ноги моей матери.

Моя мать хватается за матрац.

— Позовите доктора Кесселя! — кричит она.

— Здесь больше нет врачей, мама, — говорю я.

Она пытается подняться.

— Здесь я не буду этого делать. Нет. Нет. — Она начинает кричать и жмурит глаза.

Беа закатывает рукава и обращается к моим братьям.

— Вам не нужно здесь находиться. Пойдите, позаботьтесь о Джаз, девочке, которая была со мной на лестнице. — Кейн выглядит так, как будто вот-вот расплачется. — Будьте мужественными, — добавляет она, и оба убегают.

— Нам нужна горячая вода, — говорю я бледной женщине. Точно не знаю для чего, но я уже слышал об этом. Надеюсь, мне откроется смысл предназначения горячей воды.

— Да, да, в том числе, — говорит женщина и поспешно удаляется.

Беа задирает юбку моей матери выше колен и снимает нижнее белье. Я держу мать за руку, и она смотрит на меня.

— Ты стал другим, — говорит она. Я киваю, потому что она права, но еще вопрос, был ли это комплимент.

— Тебе тоже не обязательно здесь оставаться Квинн, — говорит Беа. Еще месяц назад я бы притворялся и желал бы оказаться как можно дальше отсюда, но сейчас, среди воя сирен и постоянно нарастающего плача и рева с улицы, меня меньше всего заботит вид рожающей матери. Я постоянно спрашиваю себя, как нам уйти отсюда живыми и что произойдет, если нам удастся это сделать.

Женщина возвращается назад нагруженной. Она встает рядом с Беа у края кровати.

— Мне нужно что-нибудь болеутоляющее, — умоляет моя мать.

— Поздно, — говорит женщина. Она подталкивает Беа. — Готова?

Беа решительно кивает.

— Да.

— Откуда у вас эти вещи? — спрашиваю я, глядя на марлю и ножницы.

Женщина делает неопределенное движение рукой в сторону коридора.

— Взломанная кладовая. — Лицо моей матери становится темно-красным.

— Пойди и набери все, что может нам понадобиться, — говорит Беа. Она и понятия не имеет, что мы выбрали в Секвойе дюжину детей, но то, что нам нужно снаряжение, ей ясно. — Времени для этого достаточно. Я не думаю, что дети просто так оттуда вылетают.

Я пробиваю себе дорогу по коридору, пока наконец не нахожу кладовую. Кругом лежат бутылки, постельное белье и соски. Я беру простынь, расстилаю ее на полу, и взглядом окидываю полки. На простыню я бросаю сухое молоко, которое смог найти, помимо этого еще пластыри, парацетамол, кодеин, лезвия в стерильной упаковке, вату, стерильные очищающие салфетки и еще ассортимент всего остального, для надежности.

Я связываю углы простыни в узел и возвращаюсь в коридор. В этот момент я слышу крики матери. Она кричит так громко, что все замолкает. Испугавшись, я мчусь обратно.

Беа разглядывает измазанный сверток лилового цвета у нее на руках.

— Он очень торопился с приветствием, — говорит она.

Женщина обтирает ребенка полотенцем и раскрывает опухшее лицо.

Мой брат - с прилипшими черными волосами и приплюснутым носом.

Он извивается и кричит. Беа протягивает его матери. Как бы я не хотел доказать себе, что мне все это безразлично и то, что за человек все-таки моя мать, но она тоже плачет, целуя голову моего брата. Она полна любви, той любви, которую она, в моем представлении, испытывала и ко мне. Раньше. 16 лет назад я тоже был идеален, безгрешен, как "чистый лист". Я просто не стал таким человеком, каким она хотела меня видеть.

— Мы не можем здесь оставаться, — говорит мне Беа. — Ты принес все, что нам нужно?

— И даже больше. — Я смотрю на крохотные пальчики ног моего брата. У него даже есть ногти на ногах. — Мы должны взять их с собой.

Моя мать поднимает глаза.

— Я останусь здесь, — говорит она. Несмотря на шум, кровь и людей, она улыбается. Такой я ее еще никогда не видел - такой счастливой.

— Почему? — спрашиваю я.

— Купол — это мой дом. Я никуда отсюда не уйду.

— Ты хочешь, чтобы ребенок рос здесь?

Над больницей снова взывает сирена, соревнуясь по громкости с ревом сигнала тревоги на первом этаже.

— Куда бы вы не пошли, как первосортным вам вряд ли окажут теплый прием, — говорит моя мать.

Беа обхватывает рукой мое бедро.

— Квинн, — говорит она.

— Но...

— Это ее личный выбор.

— Его зовут Трой, — говорит моя мама. Она вдыхает его запах, и я вытягиваю руки, чтобы

забрать его.

— Нет, — говорит Беа и загораживает от меня брата. — Нехорошо, если он потеряет мать. — Она знает это, так же как и я.

Я целую Троя, и моя мать подставляет мне щеку, чтобы я и ее поцеловал. Но я не смог. Я отстраняюсь.

Купол и все отделение сотрясается от взрыва. Беа берет меня за руку.

— Мы больше ничего не можем сделать, — говорит она.

— Я только хочу... — Слова застревают в горле.

— Она знает, что ты ее любишь, — говорит Беа.

Моя мать слегка пыхтит. Может быть, она тоже меня любит. Я в последний раз бросаю взгляд на Троя и отворачиваюсь.

Пришла пора уходить. Снаружи бушует война, и мы нужны там.

ОСКАР

Они уже у подножия башни, и на двери видна отчетливая вмятина, слышны выстрелы, большой монитор на стене начинает гаснуть и искрить.

— Они скоро появятся, — говорит Сайлас.

— Мы убиваем только тогда, если по-другому нельзя, — говорит Алина. Сайлас подозрительно смотрит на меня.

— Но мы должны, — говорю я. Но как бы уверенно это не звучало, мое чувство говорит о противоположном.

Винтовки заряжены, и мы уже сидим на корточках у двери. Их там снаружи неизвестно сколько, нас только трое. Но вместо страха меня наполняет нетерпение, я, наконец, хочу выиграть.

Замки бомбят пулями, дверь падает внутрь вместе со стадом секвойенцев. Они неистово стремятся вверх по винтовой лестнице, даже ни разу не оглянувшись назад, и тем самым дают возможность Сайласу, Алине и мне, чтобы взять их под прицел.

Пули отскакивают от стен, всюду брызжет кровь. Лучше стрелять, чем думать.

Большинство агрессоров падают вниз по ступеням, их слабые тела обрушиваются на пол. В полумраке башни сложно сказать, кто из них мертв и кто просто удивлен, но они все юны. Так же юны, как я.

Сайлас и Алина пробираются к горе стонущих тел, чтобы собрать винтовки. Мальчик в самом низу не хочет отдавать винтовку, и толкает меня двумя ногами, когда я хочу отнять ее у него. Я уклоняюсь и ударяю его своей собственной винтовкой в ногу, до тех пока он не начинает выть и, наконец, не отпускает оружие. Я забираю ее и перепрыгиваю через него, чтобы обезоружить следующих двух, но они лежат неподвижно с раскрытыми глазами. Я быстро отвожу взгляд.

— Оскар! — кричит Алина. Я спешу к ней и Сайласу к двери. Враг одолел нашу неопытную армию и находится теперь перед воротами к устройству регенерации Восток. Наши солдаты лежат в пыли, либо мертвы, либо со скрученными за головой руками, лицом в землю. Теперь я понимаю, что Джад был прав. Всего за пару недель никто не в состоянии создать

полноценную армию.

Даже в маске я мог почувствовать вкус пыли в воздухе. Что теперь?

Прежде чем я успеваю принять решение, Сайлас и Алина бегут в направлении устройства. Я пытаюсь догнать их, но они слишком быстры. Они подбегают к баррикаде из мешков с песком, идут в обесечение и пригибаются. Я следую их примеру.

Половина агрессоров, которые толпятся перед дверью, сжимаются под градом наших пуль. Остальные поднимают свои сделанные из автомобильных дверей щиты, но они не пуленепробиваемые и через минуту на ногах осталась всего лишь горстка. Это проще, чем должно быть.

Немногие выжившие отбегают от башни и бегут, чтобы спастись. Я наблюдаю за ними через оптический прицел, но не нахожу возможные цели, и поэтому им удастся ускользнуть.

— Они тянутся дальше к южному устройству, — говорит Сайлас. — Каффри говорил, что это контрольная вышка.

— Проклятье, — говорю я. — Если они прорвутся туда... — мне не нужно продолжать. Алина и Сайлас снова в пути. Каждый бы подумал, что они обучались в специальном отряде. Я спешу за ними, но тут мне преграждает дорогу упрямый тип с татуированными руками. На нем нет ни каски, ни щита. И он направляет штурмовую винтовку на нас. У других были только простые винтовки. Мы останавливаемся. Нам не остается ничего, кроме как смотреть.

— Бросайте оружие, — ревет он.

— Макс? — спрашивает Алина. Ее голос дрожит.

— Винтовки вниз, руки вверх, — повторяет он, и мы бросаем оружие на пол и поднимаем руки в воздух. — На колени.

— Делайте так, как он говорит, — велит Алина. Я чувствую, как она дрожит. Я бы взял ее за руку, но я не думаю, что ей бы это помогло. А этому brutальному определенно нет.

— Где другие? — спрашивает Макс. Я кошусь на Сайласа, так как не знаю, чего он хочет добиться.

— Они в безопасности, — говорит Сайлас.

— Если я их найду, больше не будут, — говорит Макс.

— Я должна была убить тебя во сне, — говорит Алина, и снова она похожа на саму себя. Она плюет ему под ноги. Макс смеется.

Цып снова палит. Мы корчимся под градом осколков гранат, Макса бросает на землю, оружие вылетает у него из рук. Это дает мне достаточное количество времени, чтобы схватить мое и наставить на него. Ухмыляясь, он встает и поднимает руки. Сайлас и Алина тоже хватают свое оружие, но не используют их, поэтому я тоже жду. При этом можно было бы решить дело одной пулей.

— Вы боретесь охотнее с министерством, чем за ваших собственных людей, — насмешливо он смотрит на Сайласа и Алину.

— В Куполе живут тысячи невинных людей. Вы безумны, — отвечаю я.

Алина приближается к Макс, который сразу выпрямляет грудь. Она прижимает к нему дуло оружия. Короткая пауза, как будто она хотела сказать еще что-то, но затем без всякого предупреждения она стреляет.

Макс удивленно смотрит на нее и падает вперед. Лицо врезается в песок, его зеленая куртка окрашивается в темно-красный цвет.

Алина смотрит на меня.

— Иначе он бы нас убил, — она не должна оправдываться, я бы сделал это для нее в любое момент.

— Южное устройство, — напоминаю я, и мы бежим прочь.

Мы снова пригибаемся за мешками с песком, отыскиваем среди солдат и кишащего трупами поля сражения подход к устройству.

— Просто посередине, — предлагает Сайлас. Алина кивает, соглашаясь, когда один из наших танков проносится мимо.

Он стреляет и попадает в Цып. Многочисленные секвойецы и солдаты министерства попадают под дождь из осколков гранат.

Короткая пауза дает Сайласу, Алины и мне шанс, чтобы добраться до танка. Люк открывается, кто-то выглядывает наружу и открывает стекло на шлеме. Это Джад. Он что-то кричит, но из-за шума мотора и выстрелов вдали я не могу его понять.

И тогда щелкает одинокий выстрел в воздухе, и Джад сваливается с танка. Я разворачиваюсь и замечаю Макса, который опирается на локти и ухмыляется поверх ствола винтовки. Сайлас и Алина стреляют в него. На этот раз он остается на земле.

Но Джад не двигается. Солдат останавливается рядом с ним.

— Санитары! — ревет он, и я подбегаю к нему. Я вытаскиваю рацию из внутреннего кармана Джада.

— Генерал Джад ранен. Несите носилки.

Сайлас и Алина стоят рядом со мной. Никто из них не делает попытки помочь, а я даже не прошу их. Я снимаю куртку и кладу ее ему под голову.

— Он мертв? — спрашивает Алина.

— Сердце еще бьется, — говорит солдат.

Джад открывает глаза, и я вздыхаю с облегчением.

— Слишком поздно, — каркает он. — Они уже у южного устройства. Забирайте людей из Купола. Соберите всех снаружи, — он тянется к воротнику. Он был застрелен в единственное незащищенное место, в шею. Я отрываю рукав рубашки, комкаю его и прижимаю к ране. Он не может умереть. Он нам нужен.

— У нас не хватит времени, чтобы эвакуировать столько много людей, — объясняю я ему.

— Южное устройство, — говорит Сайлас холодно. Он не смотрит на Джада. Он не знает, каким стал Джад и что он сделал за последние недели, чтобы защитить мятежников.

— Идемте, — говорю я, и их уже нет, так же как и солдата, который ныряет в люк танка и заводит его. Цып Секвойи стреляет по танку и промахивается всего на волосок от него.

В течение минуты кусок рубашки у шеи Джада пропитался кровью. Мой живот сжимается. Я еще раз пытаюсь связаться с людьми на другом конце рации. Но таким образом можно было бы вести разговор с самим собой.

Джад возится с маской. Я прибавляю поступление кислорода.

— Что теперь? — говорю я, как будто он сам мог вытащить себя из болота за волосы.

Он кашляет.

— Кажется, ты будешь способным, Оскар. Поверь мне.

КВИНН

От выстрелов снаружи Купол покрылся толстым слоем пыли, так что мы вряд ли увидим что-нибудь. А зона 1 — самый чистый хаос. В каждом красивом доме Премии звучит пронзительный звук тревоги, в то время как вторые направляются в тур ограбления. Повсюду лежат трупы. Каждый находится в опасности, но министерство странно сдерживается.

Было ли что-то подобное во время ухудшение? Люди, которые голодны от нехватки воздуха, что они сделали бы, чтобы выдержать немного дольше? И в конце, наконец, все должны были поверить в это.

Я несу Джаз на закорках, Беа держит Леннона и Кейна за руки. Мы по дороге к границе. Фигура движется ко мне, и я, защищая, обхватываю баллон руками. Я уже готов ударить, когда мне становится ясно, что это Гидеон. Гидеон с огромным рюкзаком на спине.

— Я ворвался в биосферу. У меня лук, семена и несколько черенков, все в чем мы нуждаемся, — говорит он. Он смотрит на Леннона и Кейна.

— Мои братья, — объясняю я. — Где остальные?

— Они уже подошли.

Свернув на пограничную аллею, мы внезапно останавливаемся. Группа мужчин с дыхательными аппаратами и помятыми стеклянными бутылками замечают нас и подбегают к нам.

— Ни шагу ближе, — говорит Гидеон и размахивает кухонным ножом. Мужчины останавливаются на безопасной дистанции.

— Мы могли бы выбраться наружу по мусоропроводу, — думает Беа, отступая от мужчин.

Один из них показывает на меня.

— Это тот Премиум, который говорил на пресс-конференции. Говорили, что ты мертв.

— Но я не мертв.

— Ты сказал, что мы могли бы дышать снаружи, — продолжает мужчина. Остаток банды внимательно слушают. Еще большая группа — молодые люди моего возраста в шлемах пехотинцев — останавливаются и присматриваются.

— Это тот тип из передачи! — говорит один из них. — Эй, люди, этот тот Премиум! — через несколько секунд мы окружены.

— Так мы можем дышать снаружи? — повторяет мужчина. При взгляде на их мучительные, напряженные лица мне становится ясно, что они не представляют никакой угрозы, а просто ищут способ выбраться из своей жалкой жизни.

— Это не совсем просто, — говорю я.

Круг становится уже.

— Что нам нужно делать? — хочет знать один. — Ты тот, кто начал это. — То, что мог бы однажды стать чем-то вроде первопроходца, пару месяцев назад я не мог представить даже во сне, и даже теперь я должен был задаться вопросом, смогу ли я стать предводителем.

— Скажи им, что нужно делать, — Джаз перебирает пальцами мое ухо.

— Самое важное — это преданность, — говорю я. — Но вы можете натренировать ваши тела, чтобы выжить снаружи. И мы можем помочь вам в этом.

— Решено. Я сейчас иду наружу и присоединяюсь к мятежникам. Они знают, как взяться за это, — говорит он.

— Мы — единственные, кто еще остался, — говорит Беа. — Министерство убило всех

остальных.

— Вы верите, что мы вырастили авокадо и свеклу для вас, если вы когда-нибудь решитесь сбежать? Не обманитесь. Вам нужен воздух, но вам также нужны продукты. Полноценные продукты. Все, что вы сможете принести. Мы ждем снаружи у почетного надгробия всех вас, — говорит Гидеон.

— И готовьтесь к тому, что снаружи будет трудно, — предостерегаю я.

— Хорошо, — говорит мужчина, и толпа рассеивается. Вероятно, они идут наgrabить себе питание, но если кто-то и сможет справиться с этими потерями, то только Премиум. На что-то подобное сейчас нельзя растрачивать, когда несчастным даже не хватает воздуха для дыхания.

Харриет, Олд Ватсон и остальные мятежники ждут нас у границы. Они все нагружены кислородными баллонами, продуктами и оружием. Здесь больше нет охраны.

— Там снаружи господствует война, — говорит Харриет, когда мы тащимся через стеклянный туннель. Она открывает свой рюкзак и вытаскивает несколько пистолетов.

— А что будет через пару месяцев, если у нас больше не будет еды и воздуха? — шепчет мне Беа, чтобы больше никто не услышал.

Я указала на сумку с саженцами и семенами в руках Гидеона.

— Мы сами сделаем это, — говорю я, прижимаясь к вращающейся двери в конце туннеля, и вывожу всех наружу в район военных действий.

Солдат недалеко от выхода глазет на меня.

—Квинн Каффри? Сын генерала Каффри? — он роняет пустые носилки за его спиной и поднимает стекло, чтобы посмотреть мне в глаза. — Твой отец был ранен, — я не реагирую. Беа берет меня за руку. — Я как раз хотел отнести туда носилки. Идем вместе, — говорит солдат.

Я должен сейчас остаться с Беа и помогать мятежникам сбежать. Но когда я смотрю на нее, она качает головой.

— Иди, — говорит она.

Я хватаю за один конец носилок и следую за солдатом на поле сражения. Я должен найти своего отца.

АЛИНА

Сайлас и я пластом лежим на земле. Вокруг нас вздымаются клубы пыли.

— Где они? — спрашиваю я и, сощурив глаза, осматриваю южный участок в поисках секвойской милиции.

Сайлас протирает стекло оптического прицела и смотрит в него.

— Если им известно, что оттуда производится обеспечение других участков, то скоро они вернутся, — говорит он. Мы направляемся к диспетчерской вышке, предполагая, что она охраняется солдатами министерства. Но за мешками с песком мы никого не обнаруживаем. Все выглядит вымершим.

Артиллерийский огонь почти не слышен.

Странно. Ваня не казалась мне человеком, который просто так сдастся.

— Что-то здесь нечисто, — говорю я. Они, должно быть, планируют нападение. Если они

приведут свой план в действие, то мы с Сайласом ничего не сможем поделать. И тут до меня доходит. — О нет! — говорю я.

Сайласа осеняет в тоже мгновение.

— Мы в засаде, — предполагает он. — Давай попробуем пробраться внутрь устройства.

И тогда из ниоткуда раздается голос Вани.

— Я бы, на вашем месте, обходила вышку стороной.

— На западной башне, — Сайлас показывает пальцем. Провода подключения западного устройства регенерации давно отключены, и Ваня, должно быть, разместились там.

Я смотрю через оптический прицел. Она стоит на балконе, мегафон перед лицом.

— Сейчас еще одна бомба взорвется, — объявляет она.

— Разве бомбе не нужен кислород? — спрашиваю я Сайласа, хотя он также мало разбирается в этом, как и я.

Нужно предположить.

— Ей нужен только бензин и средство окисления. Я уверен, кто-то в Секвойе мог бы это произвести.

— Ты действительно веришь, что она хочет разнести здесь все? — думаю я вслух. Биосфера находится в южной части Купола. Мог бы взрыв иметь такую дальность действия? И что нам тогда останется? Горстка людей, никаких деревьев, никакого Купола? Это было хуже, чем Ухудшение. Я не могла допустить этого, поэтому мчусь к двери, Сайлас следует за мной.

Без действительного отпечатка пальца нам приходится расстрелять замок. Пуля проносится мимо моей головы и со звоном врежется в дверь.

Ваня открыла по нам огонь.

Дверь дрожит в дверном проеме, но все равно не хочет открываться. Я ложусь на землю и налегаю на нее со всей силы. Сайлас пытается надавить силой своего веса.

— Милиция! — кричит Ваня, и в течение нескольких секунд к нам приближается труппа секвойенцев.

Но, наконец, дверь поддается. Я сразу вскакиваю на ноги, когда милиция Вани, как стадо диких лошадей, несется на нас. Сайлас затаскивает меня в башню.

— Ищи бомбу и делай то, что ты умеешь, а я...

Он не говорит дальше, так как что он может предпринять против тридцати мужчин? Он выглядывает из дверного проема и стреляет.

Скоростной лифт, преодолевая силу сопротивления, мчит меня наверх, где я нахожу открытой комнату командования, но совершенно пустую. Я спешу на балкон, на котором лежат четыре мертвых снайпера. Кровь капает вниз. Рядом с ними лежит прибор для дыхания на солнечных батареях.

Я склоняюсь над перилами.

Секвойенцы уже почти у мешков с песком. Даже не прицеливаясь, я начинаю стрелять. И тогда я замечаю их, группу гражданских, которая преследует милицию Вани.

Я присматриваюсь точнее и торжественно поднимаю кулак в воздух, это дядя Гидеон, тетя Харриет и мятежники, которые уже почти окружили секвойенцев и взяли их под прицел.

Им нужна моя помощь, и я уже собираюсь спуститься вниз по лебедке, как вдруг мой взгляд падает на дыхательный аппарат и я наконец понимаю, что передо мной находится. На

обратной стороне я обнаруживаю прикрепленную клейкой лентой и обернутую в желтый пластик коробку с цифровой панелью управления. Ванина бомба.

Цифры загораются: 219, 218. Секунды? Сколько это в минутах? У меня нет времени на вычисления, и я не имею ни малейшего представления как ее обезвредить. Я не Зонг.

214, 213, 212...

Я бы могла просто оставить бомбу здесь и убежать, но если мне удастся спастись и на этом все, то что это даст? Если я не могу обезвредить бомбу, значит, я должна взять ее с собой, унести как можно дальше отсюда. Учитывая ее размер, я могу нести ее только на спине, но это невозможно, так мне приходится тащить на поясе мой собственный кислородный баллон. Я снимаю его вместе с маской и надеваю на рот отвратительные приспособления солнечного аппарата. Он дурно пахнет и к тому же тяжелый, как скала.

Цифровая панель вместе с мигающими цифрами теперь не в зоне видимости, и это к лучшему.

Шатаясь, я иду к лебедке и спускаюсь вниз. Сайлас исчез. Выглянув наружу, я вижу, как он прижимает к земле одного из милиционеров. Мои тетя и дядя недалеко с помощью оружия держат милицию на расстоянии. Как бы ни были сильны секвойцы, они никак не ожидали увидеть мятежников, воюющих бок о бок с солдатами министерства.

Я оббегаю башню и, плохо держась на ногах, выхожу на открытое пространство.

Воздух в дыхательном аппарате влажен, маска царапает мне лицо. Без нее было бы лучше, поэтому я стаскиваю и бросаю ее. Кислород в атмосфере разряжен, но после моих тренировок я обойдусь и этим.

Чей-то голос кричит:

— Сними это, Алина. Опусть вниз!

Но я не могу, до тех пор, пока все не будут в безопасности. Неважно, насколько она тяжела и как сильно мне жжет в горле.

Обернувшись, я вижу Купол, освещенный лучами заходящего солнца. Теперь я достаточно далеко, чтобы спасти их. Я снимаю аппарат и отскакиваю от него, даже не посмотрев, сколько времени у меня осталось. Просто бежать. Я бегу так быстро, насколько мне позволяют легкие и ноги.

Голос слышится вновь. Это Сайлас.

— Беги, Алина. АЛИНА! — Но ему не нужно беспокоиться. — АЛИНА! — кричит он.

А я улыбаюсь.

КВИНН

От взрыва я кувырком падаю на землю, ударившись лицом о камни и содрав кожу на руках. Воздух внезапно становится серым. Я поднимаюсь, солдата рядом нет, и тогда я перекатываюсь на спину. Он стонет.

— Что случилось?

— Моя нога, — говорит он. Но я не могу разорваться на три части между ним, моим отцом и тем, что последовало за взрывом.

Решение должно быть принято.

— Оставайся здесь, — говорю я солдату и бегу к моему отцу и Оскару, которые сидят на корточках недалеко от незащищенного устройства. Оскар держит руку на шее моего отца.

— Он еще жив? — спрашиваю я.

— Он постоянно теряет сознание, — говорит Оскар. Пулеметный огонь из оружий слышен вдали. Оскар и я переглядываемся. Может ли такое быть?

— Папа, — говорю я. — Папа?

Он стягивает маску для дыхания и сплевывает кровь.

— Квинн?

— Да, это я, — Рукавом я вытираю кровь с его лица. Я пытаюсь снова надеть ему маску, но он отворачивает голову в сторону. Оскар убирает тряпку, которую он прижимал к шее, и обнажает зияющую рану.

— Он получил пулевое ранение, — говорит Оскар, как будто бы я сам не смог догадаться.

Мой отец стонет и откашливает сгусток крови в руку. На этот раз он не противится, когда я снова пытаюсь надеть на него маску.

— Внутри устройств есть вентили, чтобы наполнять бутылки, — хрипит он. — Даже если у них получится...

— Не разговаривай, — говорю я, потому что замечаю, как сильно это его напрягает. — Мы попытаемся занести тебя внутрь.

— Квинн, — начинает Оскар и кладет руку мне на плечо.

— Помоги мне, — говорю я, и вместе мы кладем отца на носилки. Под ним остается темная лужа. Раньше я никогда не видел, чтобы у отца шла кровь. Каким-то образом я сохранил детскую веру в то, что он просто не мог умереть или быть ранен.

На носилках распространяется озеро крови, и ее едва ли можно перелить, так как он уже потерял много. Мы снова опускаем его, и я опускаюсь на колени рядом с ним.

— Близнецы. Твоя мать, — говорит он.

— С ними все хорошо, — говорит он, потому что я, по крайней мере, надеюсь. — Мама родила ребенка.

Мой папа закрывает глаза и, когда снова открывает их, в них стоят слезы. Он поднимает палец и жестом показывает мне нагнуться ближе. Я опускаю ухо ближе к воздушно-выпускному клапану его маски.

— Я не самый лучший из отцов, — говорит он.

Это верно, иногда он был даже ужасным отцом. Но почему-то чувствовалось так, как будто он не мог бы быть лучше. Я поднимаю голову и смотрю в глаза моему отцу.

— Оскар рассказал мне, что ты послал его за мной. Спасибо.

Выстрел нарушает тишину, и Оскар поднимает винтовку.

— Мы сидим здесь как на ладони, — он пытается снова положить моего отца на носилки. Я не помогаю ему. Это бессмысленно.

— Ты сказал однажды, что, вероятно, в другом мире мы могли бы стать друзьями, — я останавливаюсь и жду знака, что он меня понял. Я должен знать, что он слушает меня.

— Прекращай, — шепчет он.

— И я думаю, ты был прав, — он срывает маску с лица и отбрасывает ее за пределы досягаемости. Из его носа капает кровь. Его глаза пусты.

Оскар спешит за маской. Но моему отцу она больше не понадобится.

Я кладу свою руку на его грудь. Он смотрит вверх на небо затем на меня.

— Квинн, — говорит он. Дыхание слабое и мягкое. — Квинн, — повторяет он и закрывает глаза.

БЕА

Секвойцы, мятежники и министерство пристально смотрят на черный дым, который заполняет небо. Я лежу за пострадавшим от бомбежки внедорожником и пытаюсь изо всех сил удержать Джаз от бегства. Леннону и Кейну приходится сесть на нее, когда мы видим Сайласа, бегущего к взрыву. Гидеон и Харриет следом за ним. От Алины нет никаких следов.

— Башня! — ревет Ваня в мегафон, чтобы напомнить милиции об их задании. Затем она исчезает с балкона установки. Он хотела бы, чтобы они атаковали башню, но их слишком мало, чтобы сделать еще хоть что-то. Я выглядываю из-за края останков машины. Только четверо секвойцев стоят на ногах, вытянув руки в воздух. Другие лежат на спине, а солдаты министерства и мятежники поставили ноги на их грудь. Если Ваня считает, что она может выиграть войну, она полностью просчиталась. Она давно проиграла.

— Нападать! — визжит Ваня, поднимается из пыли и бросается к нам.

Но прежде чем я успеваю предотвратить это, Джаз хватается мое оружие и направляет его на Ваню. Если все так, как говорил Квинн, она будет тем, кто застрелит собственную мать. Какой бы невыносимой и опасной для общества Ваня не была, я не могу допустить этого. Я выбиваю оружие у Джаз из рук, и оно приземляется рядом с Ленноном. Полный ужаса он рассматривает его.

— Купол принадлежит мне! — кричит Ваня. У нее нет никакого оружия только мегафон. Двое мятежников, которые жили вместе со мной на крыше у Оскара, направляются к ней.

— Застрели ее, — приказывает Джаз Леннону и снова хватается оружие.

— Нет, — говорю я и ставлю на него ногу. Вероятно, я должна была объяснить Джаз почему, но не сейчас. Позже на это будет время.

Мятежники роняют Ваню на землю, она вырывается и бьется как животное.

Сайлас, Гидеон и Харриет — теперь только точки на горизонте. Но я все еще не могу видеть Алину.

— Оставайтесь здесь, — приказываю я.

Джаз крепко хватается за мою ногу.

— Возьми меня с собой.

Я качаю головой.

— Я же вернусь. Позаботься о Леннон и Кейне, — она смотрит на испуганных близнецов и закатывает глаза.

— Ну, хорошо, — говорит она.

Я бегу прочь как можно скорее, повторяя мантру "Алина жива, Алина жива" в моей голове. Она сильнее всех нас вместе взятых, и если наступит время, она уйдет последней.

Когда я достигаю Гидеона и Харриет, едкий, химический смрад проникает под маску. Земля покрыта металлическими конфетти. Они сидят на корточках рядом с Алиной. Над ней стоит Сайлас. Она поднимают взгляд на меня, как будто я привидение.

— Алина? — спрашиваю я. Ее лицо темное, кончики волос обожжены. Я жду, что она откроет глаза и закричит на нас. — Алина.

— Взрывная волна... — говорит Сайлас и, задыхаясь, останавливается.

— Но она в порядке? — я опускаюсь на колени рядом с ней и прикасаюсь к ней рукой. Она теплая. Над одной бровью у нее отвратительный порез.

— Она умерла, — говорит Сайлас.

— Нет, она не... Дайте же ей воздуха! — я ложу руки на ее грудь и начинаю делать массаж сердца, как делала это с Олдом Ватсоном. Это должно сработать, Алина всегда выживала.

Я наклоняюсь вперед, чтобы сделать искусственное дыхание, когда Харриет кладет руку на мое плечо.

— Остановись, — говорит она. — Пожалуйста.

И я останавливаюсь. Потому что Алина больше не выглядит сама собой. Она полностью расслаблена.

Она умерла.

Гидеон снимает с нее маску, целует Алину в лоб и затем вытирает кулаками слезы.

Это слишком для Сайласа, он уходит и ревет в небо.

Я прикасаюсь к лицу Алины тыльной стороны моих пальцев. Ее кожа мягкая. Последний раз я видела ее в Роце. Это было короткое прощание, слишком короткое.

Слезы текут по моей пыльной маске.

Я знаю чувство, когда вырывают сердце, оно не ново для меня, но это не уменьшает боль.

Теперь я плачу так сильно, что едва ли могу что-то видеть. Я сжимаю руку Алины.

Я хочу сообщить ей, что произошло. Я хочу сказать ей, кто она и что она сделала. Для меня. Для всех нас. Но для Алины было бы важно только одно.

И тогда я поднимаю мою маску и прижимаю губы к ее уху.

— Я думаю, мы победили, — говорю я.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. «ВЕСНА»

БЕА

Девочка с миской сухого цемента слышит сигнал свистка Мод.

— Мы что здесь строим дом для гнома? Мне нужна бочка такой вещи, я же сказала, ты, хлопушка.

— Тогда я принесу еще. — Малышка уходит, семена ногами.

— Выглядит здорово, — хвалю я. И это правда. Это уже десятая хижина, которую мы построили. Если так и дальше пойдет, то уже летом у каждого будет крыша над головой. Мод трет нос об рукав.

— Куда золотце убежал?

— Мой или твой?

— Ах, забудь. Брюс и я просто друзья, больше ничего. — Ее лицо становится ярко - красным.

Я несколько раз глубоко вдыхаю воздух из дыхательной маски, болтающейся у меня на шее.

— У нас есть несколько запросов от премиумов, которые хотят присоединиться к нашему поселению. У тебя есть время помочь мне провести собеседования? — Я смотрю вдаль на Купол. Он слегка поблескивает в лучах света. Теперь, когда люди могут приходить и уходить, когда им заблагорассудится, они видят, что мы здесь создаем, и хотят к нам присоединиться.

— Пойду, наполню его, — говорит Мод и хлопает по кислородному баллону. — Я могу встретить их возле обогатительной установки.

Тучи над головой сгущаются, и на моей руке приземляется капелька.

— Дождь, — улыбаюсь я.

— Ну, здорово, зелень, конечно, радуется, а кто подумает о моей прическе? — Она убирает космы за уши, натягивает капюшон и неуклюже шагает к маленькому домику, который мы соорудили для Джо и ее ребенка. Абель заботится о ней, может быть, они даже стали парой, но это не мешает ему каждый день посещать могилу Алины. А еще он просто одержим садоводством. Школа растений процветает, и это полностью его заслуга.

— Куда она опять пошла? — спрашивает Оскар, внезапно появившись на полуготовой крыше дома.

— Под дождем не получится работать. Спускайся, — говорю я ему.

Он отмахивается и подтягивает лямки рабочих штанов. Квинн направляется к нам, попутно обменявшись парой слов с Мод.

Он незаметно подкрадывается ко мне, кладет руки мне на бедра и целует затылок.

— Как насчет небольшой экскурсии в город на несколько дней? Только мы вдвоем, — говорит он.

Я вытягиваю руку, чтобы собрать дождевую руку.

— Мы уже пробовали, и ничего не вышло.

— Ну, только потому, что с первой попытки не сразу получается...

— Может, нам для надежности потащить Оскара с собой? — смеюсь я. — Или Мод.

— Мы и сами справимся. Нам не нужно общество, — настаивает он.

— Вы обо мне говорите? — кричит Оскар с крыши. Он надрывается, непрерывно работая, и между делом учит меня рисовать. Когда я с ним вместе, то Квинн кипит от ревности, но это хорошо. И вполне нормально.

— Я и Квинн, возможно, совершим небольшую поездку. И мы подумали, что, может быть, ты хочешь поехать с нами?

Он громко и саркастически смеется.

— Ну, конечно. Прямо сгораю от желания поучаствовать в ваших поцелуйных оргиях.

— Мы не будем целоваться, обещаем, — говорит Квинн и снова целует меня в затылок.

— Все, хватит уже отлынивать, — ругается Оскар и вновь берется за работу.

Квинн улыбается и отпускает меня.

— Хочешь кое-что увидеть?

Я следую за ним в сад, где Абель работает, стоя на коленях.

— Там, — показывает Квинн. Я сажусь на корточки и дотрагиваюсь до зеленых побегов,

прорывающихся сквозь землю и тянущихся к свету.

— Груши, — улыбается Абель. — Я думаю, к лету и клубника поспеет.

— Если так и дальше пойдет, то мы тут продержимся еще пару лет, — говорю я.

— Мы уже сколького достигли. Сейчас взять и умереть было бы просто безответственно, — говорит Абель.

— Я лучше снова займусь работой, — говорит Квинн, вертя в руках лопатку для посадки растений. — У нас полно дел.

И он прав. Нам нужно много всего сделать, многому научиться и много чего бояться. Но сегодня я радуюсь дождю в моих руках и моему собственному ровному дыханию.

Стихии наконец-то принадлежат нам всем.

Для начала достаточно.